

НА КРЫЛЬЯХ ДЕМОНА

ЭКСПЕРИМЕНТ В УЖАСЕ: КНИГА ПЯТАЯ

КАРИНА ХЕЛЛЕ

vk.com/beautiful_translation

Когда жизнь, которую так хотелось, рушится, остается лишь собрать кусочки и взять себя в руки. Так ведь уже было. Но что, если ты перестаешь понимать себя? Когда вокруг вдруг вспыхивает огонь, когда из-под кровати звучит рычание, когда не узнаешь себя в зеркале, что тогда? У Перри Паломино нет времени разбираться в этом. Зло, с которым она привыкла бороться, теперь близко к ее дому. Оно внутри нее, отбирает ее жизнь по кусочку, и только один человек может ей помочь. Если часть ее не убьет его раньше. Для моей Митчел, фанатки номер один и прекрасной модели для обложки

Карина Хелле

На крыльях демона

Серия: Эксперимент в ужасе — 5

Над книгой потрудились — Лена Меренкова

Оформление — Наталия Павлова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я стояла в лесу, тонкие деревья были окутаны сине-зелеными сумерками, что быстро прибыли с востока. Я была одна, и лишь светлячки летали в воздухе, пахнущем хвоей, над моей головой. Мое тело ощущалось странно, словно у меня была лихорадка, руки и ноги то покрывались мурашками от холода, то покрывались потом от жара. Я не знала, где была, может, у реки, куда ходила раньше в этот день, но шум воды не было слышно.

Я не помнила, как попала сюда, почему я была в ночной рубашке, но я не переживала и не боялась.

Впервые за долгое время я не боялась.

— Перри...

Я услышала свое имя в коснувшемся моих волос на плечах ветре, он улетел от меня в синем свете. Я шла за ним быстро и тихо по влажной траве.

Я отодвигала ветки деревьев, слышала странные голоса из темных мест вокруг.

Они звучали отдаленно. Кто-то кричал. Было похоже на мою сестру.

Я шла по поляне, ускоряя шаги, тьма сгущалась все быстрее. Наконец, я увидела его, того, кто звал меня.

Он сидел на бревне спиной ко мне, камера лежала рядом с ним, ее свет озарял деревья, добавляя огня светлячкам.

Я шла к нему, словно меня тянуло магнитом. Я не могла остановиться.

Он не дрогнул, пока я не встала за ним. Он поднял голову, не оглядываясь на меня. Ветерок нежно убрал его волосы назад. Запах «Олд Спайс» и «Никоретте» ударил мне в нос.

Я ненавидела этот запах.

— Перри, — сказал он, и это точно был голос Декса. — Я думал, что больше тебя не увижу.

— И не увидишь, — ответила я.

Я подняла руки, прижала их к его холодному лицу и быстрым движением сломала его шею с треском, разнесшимся по тихому лесу.

Декс рухнул на землю и не двигался.

Мертвый.

Я улыбнулась и пошла прочь.

* * *

Я содрогнулась, чуть не разлив кофе. Не кофе, а горячий, без пенки, тройной, с золотой пылью и магией прекрасный капучино.

Я быстро посмотрела на Ларри, он нетерпеливо ждал свой кофе в бумажном стаканчике. Он крепко сжимал губы, его глаза так пристально смотрели на баристу, что нельзя было не поежиться.

Я взяла себя в руки — последний раз я позволяла себе думать о пугающих снах на работе — и вручила ему кофе с улыбкой.

— Хорошего дня! — воскликнула я. Зараза.

Ларри забрал напиток из моих рук, словно я могла вылить его ему на голову (вполне возможно), посмотрел на меня с презрением и покинул кофейню.

Я выдохнула с облегчением и закрыла глаза. Головная боль уже была в пути.

— Эй, Перри, как ты? — спросил Эш.

Я подняла голову и напряженно улыбнулась коллеге. Я могла притворяться бодрой с покупателями, но не с Эшем.

— Просто погода влияет, — робко сказала я. Я работала в кофейне шесть недель, и каждый день страдала от ужасной головной боли, тошноты, головокружения и вздутия. О, и от разбитого сердца. Я старалась жаловаться как можно меньше, потому что не хотела, чтобы менеджер, Шэй, пожалела, что наняла меня, но порой это было сложно скрывать.

Эш был очень наблюдательным. Он был на пару лет младше меня и вел себя как следователь, но из-за нехватки денег ему пришлось работать баристой дольше, чем ему хотелось. Я была не лучше.

Я не справилась с ролью ведущей, не могла найти нормальную работу, хоть у меня было образование, и теперь продавала кофе в Портленде. В работе баристой не было ничего презрительного, но я задумывалась, не связано ли мое плохое состояние с угрызениями совести, что я делаю не то, что должна.

Все было не так плохо. Эш был милым, и я дружила с ним, как и с Шэй, Стивом и несколькими другими продавцами кофе. Мы веселились на работе, и, когда не приходили такие, как Ларри, требующие необычного напитка, или Мардж, старушка, платящая монетками, работа была без стрессов и позволяла продолжать жить в доме родителей без чувства стыда. И это отвлекло меня от страданий, что длились несколько недель после возвращения из Сиэтла.

О, да, Сиэтл.

Мне не нравилось говорить об этом, как и думать о том времени. Наверное, потому меня терзали сны — подсознание выталкивало их, как кости из могилы.

Если мягко, декабрь был адским. Я была во тьме, боялась, что не выберусь из нее. Но я смогла выбраться из депрессии, удерживая себя ногтями. Помогла моя младшая сестра Ада — она позволяла выплакаться на ее плече. А рыдала я ужасно. Я слишком часто срывалась на истерику. Я еще не знала такой боли.

Может, мне повезло, что меня так часто игнорировали парни.

Работа тоже помогла. Она заставила меня ходить куда-то каждый день, выдавливать улыбку. Пытаться забыть боль, что еще пронзала меня порой, что усиливалась от определенных песен по радио, что оставляла меня с заплаканной подушкой утром.

Я не говорила с Дексом. Он пытался, но я не давала ему и шанса. Он звонил, когда разбил мне сердце, оставлял миллион голосовых сообщений, и я все удаляла (а потом разбила телефон в порыве гнева). Я поменяла номер, почту и ушла от жизни, что была, не связывалась с Джимми, Ребеккой или кем-нибудь еще из Shownet. Я ничего не имела против них, но было слишком сложно. Мне нужно было идти дальше.

Наступил февраль, мне стало лучше. Конечно, нельзя было все время чувствовать себя плохо. Я набрала вес, что сбросила тренировками в лагере, и была разочарована собой за то, как рисковала из-за программы. Рисковала сердцем.

Но я сделала выводы и выжила.

— Все еще хочешь прогуляться завтра ночью? — спросил Эш, глядя на меня, а не на

вошедшего клиента. У него были красивые ореховые глаза. Они не привлекали меня в романтическом плане, а напоминали брата, какого у меня не было.

— Хочу, — сказала я и указала на уборную. — Я в порядке. Просто нужно умыться холодной водой.

Он кивнул и занялся клиентом, а я сбежала в уборную. Мне повезло, что здесь был Эш. Я работала не на полную ставку, но отчаянно хотела быть тут дольше, а потом и получить повышение. Понятно, что зарплата у меня была минимальной, а если я хотела покинуть дом родителей, то мне нужно было куда больше денег. Но мне становилось плохо, когда по радио играл Билли Джоэл, и это делало меня не лучшим работником в глазах Шэй, но Эш исправлял все мои ошибки и хорошо прикрывал.

Конечно, все знали, что я не совсем нормальная, не зря же меня звали жуткой Перри.

Они знали о шоу (как и клиенты порой), и они любили дразнить меня из-за этого.

Шэй верила в призраков, так что хотя бы менеджер не считала меня чокнутой, но за остальных я не ручалась. Но они приглашали меня в бар после работы и на концерты местных групп, куда я и хотела отправиться завтра с Эшем, так что я медленно начинала чувствовать себя обычной девушкой.

Очень медленно.

Я закрыла дверь уборной за собой и сморщила нос от запаха. Я знала, что чаще всего убирала тут я, но, как бы ни старалась, убрать этот запах, исходящий от стен, не могла. И пахло не мочой, как в обычных туалетах. Пахло так, словно что-то гнило. Резкий и едкий запах вызывал тошноту, напоминал об испорченном мясе.

Я перестала дышать носом и включила холодную воду, а потом намочила бумажные полотенца и принялась вытирать лоб, щеки, веки, стараясь не размазать макияж. Я сильно красилась в последние дни, чувствуя себя уродливее из-за кругов под глазами и посеревшей кожи. Что ж, это явно было связано с моим самочувствием. Я выглядела ужасно, потому что так себя и чувствовала, или наоборот? Ах, жизнь была полна загадок.

Я глубоко вдохнула ртом, запах стал слабее, и я бросила бумажные полотенца в урну сзади. Я склонилась и осмотрела себя в зеркало. Я сильно изменилась за последние несколько месяцев. Словно постарела. Теперь у меня были тонкие морщины. В уголках глаз! Мне же всего 23!

Ветерок подул на меня со стороны, щекоча голые руки и играя с краем фартука. Я оглянулась на закрытую дверь, не понимая, откуда ветер. Он был холодным, достаточно сильным, чтобы бумажные полотенца покачивались. Я растерянно нахмурилась. Но мы были в старом здании в деловом районе Портленда. Жаль, что ветер не прогонял ужасный запах.

Я посмотрела на себя в зеркале, пряди волос летали перед лицом. Я убрала их за уши и услышала сзади шипение.

Я обернулась.

Урна горела.

Желтые огоньки поднимались из кучи смятых полотенец, двигались на ветру, тянулись пальцами к потолку.

Я застыла, но не надолго.

Огонь!

Я тихо вскрикнула и огляделась в поисках того, чем его потушить. Здесь не было ничего, только я, бумажные полотенца, рукомойник и туалет.

Я не хотела выбегать и всех тревожить. Мне не хватало только тут паники.

Думай, Перри, думай.

У меня была идея.

Я повернулась к рукомойнику, сняла правую туфлю и наполнила водой.

Это был не лучший вариант, но единственный, чтобы сохранить достоинство.

Хватило двух раз, чтобы огонь потух, а мусор превратился в мокрую дымящуюся кучу. Я посмотрела на нее, боясь касаться, не понимая, откуда взялся огонь. Я не бросала туда сигарету. Это были бумажные полотенца, еще и мокрые.

Это было очень странно, но у меня не было времени на переживания. В дверь постучали, а я держала мокрый башмак в руке. У меня были проблемы.

— Минутку, — сказала я, стараясь звучать спокойно, словно все было в порядке, и сунула туфлю под сушилку, вытирая внутри бумажными полотенцами. Когда они перестали намочать, я обулась, кривясь от холода и влажности.

Фу.

Я сделала шаг, промок носок. Фу.

Я открыла дверь и увидела клиента, странно глядящего на меня. Она с подозрением оглядела туалет, а потом прошла внутрь. Наверное, я издавала странный шум. И за мной тянулся след воды.

Я осторожно вернулась за стойку, стараясь меньше хлюпать при шагах. Я широко улыбнулась Эшу и встала рядом с ним, готовая к работе.

— Перри, что...

— Не спрашивай, — сказала я и приготовилась к оставшемуся времени моей смены.

* * *

Следующее утро было пасмурным и мокрым, что было нормальным для этого района. Мне не нужно было идти на работу, так что я обула кроссовки и побежала вдоль реки Колумбии. Кроме нескольких недель декабря, когда я восстанавливала себе счастье рождественским печеньем, я занималась почти каждый день.

Но сброшенный в лагере вес все равно возвращался. Всего пять килограмм, но на моем низком теле это сразу было заметно. Мой бывший тренер Брокк звонил пару раз, хотел пригласить куда-нибудь, но мои сердце и разум были хрупкими, а еще я не хотела разочаровывать его своим видом. Это было по-девичьи, не быть заинтересованной в парне, но хотеть, чтобы интересовались тобой, но это было так.

Бег очищал мой разум, придавал энергии. После Сиэтла мне приходилось справляться с беспокойством, желанием быть где угодно, но не здесь. Я чувствовала себя потерянно, мысленно возвращалась к счастливым временам, когда мне казалось, что все возможно. Но все было не так, нужно было смотреть на цель. Нужно было идти к ней, уходить от прошлого, снова искать себя.

Моя жизнь стала такой, какой была до встречи с Дексом. Хотя теперь я, наверное, была немного мудрее.

Я убежала от берега реки на длинную улицу, что вела к моему дому, я замедлилась, потом остановилась, растянула мышцы у ежевики у дороги. Я была окружена голыми дубами, вишнями и тусклой замерзшей травой цвета мяты. По соседству были семьи и

фермеры, и почти у всех, как и в моем доме, было не меньше половины акра земли, а то и больше. Мой сад был проще, потому что мама этим мало занималась, но у некоторых домов сады были красивыми, у других там были бассейны или даже курицы. В одном доме на газонах бегали свиньи.

Я склонилась к носочкам в опасном положении, когда соседка, разводящая свиней, прошла мимо с Чирио, ее красивым шоколадным лабрадором. Я улыбнулась собаке, пока голова была между ног, и помахала неловко его хозяйке. Я была уверена, что собака улыбнулась в ответ, она была довольной, как всегда. А как иначе? Он жил со свинками.

Я медленно выпрямилась и пошла по дороге к дому, ожидая головокружение после упражнений. Я уже почти шагнула на мощеную дорожку родителей, когда заметила машину на другой стороне улицы. Она не была неуместной, кто-то мог ждать Аду, кто-то мог перепутать улицу (люди часто путались по пути в горы).

Могло быть что угодно, но мои ноги застыли, сердце замедлилось. Мое тело узнало машину раньше меня.

Это был маленький хэтчбэк, я не видела, кто внутри, но ощущала облако дыма и духов из приоткрытого окна. Машина повернула, и мое сердце тревожно застучало во внезапной тишине. Дверь открылась, длинные ноги в бежевых штанах и черных кожаных ботинках опустились на асфальт с эхом.

Я стояла с красным лицом, потная и растерянная, а Ребекка Симс вышла из машины и застенчиво улыбнулась мне.

Я могла лишь моргать. И я моргнула еще несколько раз.

— Привет, Перри, — сказала Ребекка, закрывая дверь, и облако дыма рассеялось во влажном воздухе. Я ожидала, что она подойдет ко мне, но она прислонилась к машине и посмотрела на сады вокруг. — У тебя тут почти деревня. Мило.

Я не могла ничего сказать. Часть меня хотела прогнать ее, хотя случившееся между нами с Дексом не было ее виной. Она бросала намеки, что мне лучше не быть с ним. Я была рада, что это не зашло далеко. Иначе я бы не смогла вернуть гордость.

Она пригладила блестящие черные волосы за ушами, показав бриллиантовые серьги в виде черепов, что удивительно хорошо сочетались с ее изящной одеждой, и повернулась ко мне.

— Знаю, я не должна была так приезжать, — сказала она с мягким британским акцентом, — но я не знала, как до тебя добраться. Я пыталась дозвониться.

— Я поменяла номер, — сказала я, обретя дар речи.

— И я писала тебе на электронную почту.

— И это я изменила.

Ее малиновые губы изогнулись в улыбке.

— Ладно, мы с Эмс тут на выходных решили проведать ее родных. Они живут в Бивертоне. Я думала, что сбегу от ее матери и проведу тебя. Надеюсь, все в порядке.

Я скрестила руки и фыркнула.

— Нет. Не в порядке, Ребекка, — сказала я, глядя ей в глаза. — Потому я держусь ото всех подальше.

— Знаю. Я так и поняла. И я тебя понимаю. Я бы сделала так же, если бы Эмили... и общем, я просто хотела тебя увидеть.

— погоди, — я вскинула руку. — Откуда ты знала, где я живу?

Она опустила взгляд.

— Птичка сказала.

Огромное пламя гнева вспыхнуло в моей груди.

— Он здесь?! — воскликнула я, голос разбил спокойствие утра. Мои кулаки сами по себе сжались, наполняясь ненавистью, я повернула голову к машине, чтобы понять, сидит ли кто-то на пассажирском месте.

— Нет, его здесь нет, — сказала она, нервно глядя на меня. Я никогда ее такой не видела. Наверное, я выглядела готовой ударить ее по милому личику. — Он дома. В Сиэтле. Тут только я. Обещаю.

— Он тебя прислал? — оскалилась я.

— Нет, — она пошла ко мне. Она остановилась в паре дюймов, с сочувствием склонила голову. — Это с ним не связано. Совсем. Я пришла, чтобы убедиться, что ты в порядке.

— О, как мило, — сказала я, закатив глаза.

— Я переживала за тебя. Как и все мы.

Я прищурилась.

— Все мы? Кто?

Она прикусила губу, убрала немного помады при этом, а потом посмотрела на мой дом.

— Перри, мы можем поговорить? Внутри? Ты замерзнешь в этой одежде.

Я была в спортивной кофте и штанах, пот на мне остывал, но мне никогда еще не было так тепло. Однако, часть меня скучала по обществу Ребекки и хотела поговорить с кем-нибудь другим. Ей тоже было неловко, она стояла у дороги как брошенный возлюбленный. Ей потребовалось много смелости, чтобы приехать к моему дому, особенно, если она знала, что я больше не хочу такой жизни.

Я неохотно кивнула и пошла по дорожке, слышала стук ее ботинок, она следовала за мной.

В доме было теплее, благодаря камину в гостиной, что давал уютное количество тепла. По субботам отец работал в кабинете с документами, а мама ходила по магазинам за продуктами. Мне не хотелось знакомить Ребекку с отцом (могло что-то пойти не так), так что мы пошли в мою комнату.

— Милая комнатка, — сказала она, разглядывая плакаты на стенах. Я взяла халат из-за двери и сказала ей быть здесь, пока я приму душ. Мне не нужно было впечатлять Ребекку, но я не хотела пахнуть грязными носками, как спортзал.

Когда я закончила, посвежев и набравшись сил разобраться с неожиданной гостьей, я вышла из пара ванной и услышала странное повизгивание и хихиканье. Я пошла по коридору к комнате Ады и толкнула дверь.

Ребекка сидела на пушистой кровати Ады и смотрела, как та достает кучу вещей из шкафа, собираясь устроить показ мод.

Ада покружилась на месте, платье, что она держала, покачивалось от движений.

— Эй! — сказала она, восторженно улыбаясь. — Я показываю твоей подруге одежду.

Я укуталась плотнее в халат и прислонилась к дверной раме.

— Всю? Она не останется на неделю, Ада.

— Перри права, я зашла только поздороваться, — сказала Ребекка.

Ада вложила платье в ее руки, и Ребекка поиграла с шелковыми складками.

— Поздороваться и проверить, — понимающе сказала Ада.

Мы с Ребеккой переглянулись. Ада слышала наш разговор снаружи?

Ада пожала плечами, перебросила светлые волосы через плечо и продолжила

разглядывать платье.

— Что? Ребекка же твоя подруга, Перри? Если бы я была твоей подругой и услышала о том, что, — она понизила голос, — случилось с тобой, я бы тоже пришла тебя проверить.

— А ты мне не подруга? — спросила я.

Она высунула язык.

— У меня нет выбора. Кровь и все такое.

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо, что показала мне свою одежду, — сказала Ребекка, встала и вернула платье Аде. — Но нам с Перри нужно поболтать, а у меня мало времени. Да, я ее проверяю. Но я не могла не посмотреть и на ее известную модную сестру.

Она знала, что нужно сказать, потому что щеки Ады порозовели, и она смущенно отмахнулась. Ребекка нервничала, Ада смущалась. Что сегодня с людьми?

Мы вернулись в мою комнату, и я закрыла за нами дверь.

Я села на стул у своего стола, чувствуя себя открыто, а Ребекка грациозно опустилась на край моей кровати.

Моя спальня казалась детской, пока она была в комнате.

Она постучала малиновыми ногтями по коленям.

— Твоя сестра милая.

— Такое с ней бывает.

— Ты говорила, что вы с ней не очень близки, да?

Я кашлянула, чтобы Ребекка переходила к теме, из-за которой пришла.

— Не были близки. Но у нас наладились отношения.

Она поняла намек и села прямее.

— Знаю, ты думаешь, что я тут не по своей воле, — начала она, — будто Декс нанял меня, чтобы я пришла сюда, но это не так. Он знает, что я здесь, что я хотела попытаться увидеть тебя, но это была моя идея. Я переживала...

— Ты это говорила. Не стоит. Посмотри на меня. Я в порядке.

Она кивнула.

— Знаю. Ты выглядишь... хорошо.

Я точно слышала, как она замешкалась перед «хорошо».

— Ну, я только что из душа, — возразила я.

— Ты неплохо выглядишь, Перри.

Ах, и хорошо снизилось до неплохо. Что дальше? Нормально?

— Я хотела увидеть, как ты справляешься.

Я открыла рот, но она продолжала:

— Ладно тебе, мы обе знаем, что Декс поступил ужасно. Когда я узнала, я неделями злилась. Я знала, что он чувствовал к тебе...

Гнев забурлил в животе, задевая грудь.

— Чувствовал ко мне?

— Да. Он не хотел тебя ранить. Он хотел ранить себя.

Я вскочила на ноги, сбив стул.

— Надеюсь, он себя ранил! Слушай, мне плевать на то, что и почему сделал Декс, ясно? Это в прошлом. Мы оба виноваты. Мне не нужно было вести себя глупо, не стоило и минуту верить, что он считает меня больше, чем другом.

— Но это так.

— Нет уж! Друзья не занимаются любовью. И уж точно не бросают друг друга после этого!

— Знаю, знаю, но он придурок и совершил ужасную ошибку.

Я шагнула к ней и погрозила пальцем перед ее лицом.

— Ты его защищаешь? Ты хотела прийти сюда, в мой дом и мою жизнь, и защищать его?

Иди ты.

Она потянулась к моей руке, но я отбила ее ладонь и смерила взглядом. Она пристально смотрела на меня.

— Я не защищаю его, — сказала она с натянутым спокойствием. — Декс — идиот, он за это получил. Я думала, что ты хотела бы знать, что он пострадал сильнее.

Мой рот раскрылся, я судорожно выдохнула.

— Дай закончить! — она подняла ладони. — Позволь закончить, а потом уже бей. Я пришла не для того, чтобы уговорить тебя пожалеть Декса. Я просто расскажу правду, даже если ты не хочешь ее слышать или ей верить. То, что случилось, хоть и по его вине, разрушило его полностью. Он ушел так...

— Ребекка! — зарычала я, злость разожгла мое лицо. — Мне плевать! Я знаю, что Декс все еще твой друг, это хорошо, но все кончено. Шоу. Все между нами. И между тобой и мной. У меня теперь новая жизнь. У меня новая работа и новые друзья, новые мечты. Ты сказала, что переживала за меня. Я в порядке. До этого не была в порядке, но теперь все хорошо. Все кончено. Ладно?

Она опустила взгляд на ухоженные ногти. Я тяжело дышала, тело слабело. Мне было плохо из-за того, что я накричала на нее, но она должна была понимать, на что идет, когда ехала сюда.

— Ладно, — сказала она и вздохнула. Ребекка оглядела комнату, избегая моего взгляда. — Я пойду.

Она встала и направилась к двери. Частичка меня хотела, чтобы она осталась, рассказала мне, как плохо Дексу, как далеко он пал. Но эта частичка меня все еще плакала от песен о любви, исполненных пианистом, и я хорошо умела подавлять ее.

Она открыла дверь и хотела выйти, но я ее окликнула. Кое-что беспокоило меня эти месяцы, и я не могла сама узнать ответ.

Она замерла с ладонью на двери и посмотрела на меня с надеждой блестящими глазами.

— Что?

— Декс ничего не говорил про записи ФЭГ?

— Записи ФЭГ? — она покачала головой, волосы подпрыгнули. — Нет. Что это?

Я разочарованно вздохнула.

— Мы записывали звуки во время съемок. Я... слышала одну из записей, и там было кое-что важное. Но Декс не услышал этого, до того как я... ушла.

— О. Прости. Декс об этом мне не говорил.

Я прикусила губу, обдумывая все.

— Ты знаешь, кто такой Деклан О'Ши?

— Нет. Это Декс?

— Не уверена, — честно сказала я. На записи Жуткая клоунесса (или Пиппа, как она себя назвала) говорила спросить родителей о Деклане О'Ши. Я сделала это через неделю после прибытия домой, когда успокоилась достаточно, чтобы говорить без слез и желания что-нибудь ударить. Я спросила отца, ведь его память была лучше, и он был умнее мамы. Он

был удивлен вопросом, но сказал, что понятия не имеет.

И он, конечно, захотел знать, почему я спросила. Я не могла ему сказать: «Ну, есть старушка, похожая на клоуна. Думаю, она мертва. И она сказала, что ты знаешь». Так что я сказала, что где-то слышала это имя, но не была уверена, друг семьи это или нет.

В общем, Деклан О'Ши точно не был другом семьи.

— Я могу спросить Декса, если хочешь, — тихо сказала она.

От этой мысли мое сердце заколотилось, странный жар пополз по шее сзади.

— Нет, все хорошо. Уверена, это не важно. Ты знаешь, какие призраки.

— Ага... — неуверенно сказала она. А потом улыбнулась. — Я рада, что тебе лучше, Перри. Правда. Надеюсь, мы еще встретимся.

Я рассеянно кивнула, она помахала мне и покинула мою комнату. Я слышала, как она спускается, как закрылась за ней дверь. Потом шумно завелась машина, через пару секунд Ребекка уехала из моей жизни. Наверное, навеки.

Я опустилась на колени, уголки глаз покалывало от слез.

Я не знала, что чувствовала, но мне точно было... одиноко.

— Тебе нужен друг? — спросила Ада. Я подняла голову. Она стояла на пороге и с жалостью смотрела на меня. — Искренний, конечно.

Я благодарно улыбнулась, а Ада опустилась на пол рядом со мной и обняла меня, в чем я и нуждалась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Смерть! Смерть! Все ради нее! Сатана рвет мою кожу изнутри! — вопил вокалист группы «Съешь козла» или что-то вроде этого.

Я стояла в дальнем конце забитого клуба с Эшем и смотрела на выступление группы. Это было первое выступление, и если тут и был талант, я выпила для этого слишком мало пива. Я была на первом стакане, и это не делало их лучше.

— Можно? — Эш протянул руку к моему напитку. Хотя он был красивым и высоким, вел себя по-взрослому, ему все же было 20, ему нельзя было покупать алкоголь. И он просил у меня. Я не была против. Он ведь хорошо помогал мне все это время.

— Конечно, — сказала я и вручила ему свой стакан, огляделась, чтобы понять, что никто не смотрит. Я увидела лишь лысых мужчин в джинсовых жилетах и штанах.

Эш сделал большой глоток и улыбнулся. Пиво в пластиковом стакане было вкуснее, когда ты пил его до разрешенного возраста.

Он вернул мне пиво, которого стало значительно меньше, и сказал:

— Я думал, с названием «Съешь козла» они будут адски крутыми. А они какие-то грубые.

— Это в хорошем смысле?

— Это ужасно. Прости, что притащил тебя сюда.

Я пожала плечами.

— Не переживай. Спасибо за приглашение. Хотя я думала, что придут и другие ребята.

Вокалист пронзительно взвыл, не хуже Джима Джиллетта. Я зажала свободной рукой ухо.

— Микеала работает вечером, — перекрикивал шум, становящийся все громче, Эш, — и всем остальным хватило разума не идти. Из моих друзей только тебе нравится такая музыка!

Я фыркнула.

— Такое мне не нравится. Я люблю хорошую музыку.

Мы повернулись к сцене, гитарист ударился в соло.

— Что ты сегодня делала? — спросил он, жадно глядя на мое пиво. Я сделала глоток и отдала стаканчик ему.

— Пустяки. Бегала. А потом столкнулась с тем, кого не хотела видеть.

— О-о-о-о, — сказал он, вскинув брови.

— Это девушка.

— О-о-о-о-о-о.

— Нет, у нее есть девушка.

— Тройное о-о-о-о!

Я рассмеялась и стукнула Эша по руке, от этого пролилось пиво в стороны и на его обувь. Он посмотрел вниз с недовольством, но из-за потерянного пива, а не обуви.

— Думаю, пора взять еще одно, — сказала я и повернулась к бару.

Он просиял.

— Два!

— Ладно, ладно, — я махнула ему и пошла к барной стойке. С бетонным полом, раскладными столами и напитками из сумок-холодильников этот клуб напоминал вечеринку в подвале дома родителей.

Конечно, плохая музыка заставляла людей пить. Передо мной было пять человек, очередь двигалась медленно. Я нетерпеливо постукивала ботинками, поправляла рубашку, когда жуткого вида девушка передо мной обернулась и окинула меня взглядом.

— Хорошая рубашка, — сказала она. Я не понимала, сарказм это или нет. Ее голос был очень низким, почти мужским. Ее глаза были красными.

Не от слез. Радужки были красными.

Она была в ярко-красных линзах с золотыми полосками. Они были красивыми, но выглядели мертво, от этого я поежилась.

— Спасибо, — сказала я, мой голос подрагивал. Мне вдруг стало очень страшно, и я не знала, почему. Это же были линзы?

Она улыбнулась, медленно растянув красные губы, пока я не увидела все ее зубы.

Странные, острые, как кинжалы, зубы.

Если убрать помаду, ее улыбка была как у акулы.

Мои глаза расширились. Желудок словно пронзали.

Она продолжала улыбаться. Ее окружил отголосок гнилого запаха из туалета кафе, и волна тошноты накрыла мое тело.

А потом она отвела взгляд, посмотрела поверх моего плеча и улыбнулась снова. Высокий крупный мужчина с длинными волосами и футболкой с пентаграммой подошел к ней и обвил рукой плечи.

— Детка, — сказал он, — все еще ждешь?

Она кивнула, они отвернулись, и я смотрела на их затылки, пока они обсуждали, какой ужасной была группа.

Почему-то мне было не по себе, живот крутило все сильнее. Что такое? У нее правда были такие зубы? Кто бы стал такое с собой делать? Портленд порой был ужасно странным.

Я невольно отпрянула и чуть не сбила человека сзади. Ужасный запах все еще был в воздухе, и меня тошнило от него.

Я отошла от очереди быстро и спокойно и отправилась в женскую уборную.

Я ворвалась туда и с радостью обнаружила, что там пусто, хотя бардак там никак не помогал остановить тошноту, что подбиралась к горлу. Я бросилась к открытой кабинке и опустошила желудок, наполовину переваренные остатки отбивных, что сделала мама, выплеснулись из меня. Этого зрелища хватило, чтобы меня стошнило снова.

Когда я закончила, я прижалась к холодной металлической двери и перевела дыхание. Запах пропал, но тошнота оставалась, желудок болел. Я судорожно дышала, держалась за живот. Казалось, это боли из-за месячных, но было еще рано. Хотя в прошлый раз они прошли почти незаметно, и тело могло решить отомстить мне в этот раз.

Боль угасла достаточно, чтобы я выпрямилась, и я покинула туалет и вернулась в шум клуба. Я прошла мимо очереди за напитками, не желая видеть пугающую вампиршу, и пошла к Эшу. Я не сразу нашла его в толпе потных тел, тату и пирсинга, и когда я сделала это, боль была такой же сильной, как до этого.

Он расстроился, увидев мои пустые руки, а потом быстро встревожился.

— Перри, ты в порядке? — спросил он. Он сжал мое плечо.

Я покачала головой и оперлась об него, боль была такой сильной, что было сложно стоять.

— Можешь отвезти меня домой? — пропищала я, закрыв глаза.

— Конечно, — вызвался он, обхватил меня длинной рукой и повел из здания.

А дальше мы ехали ужасно долго. Я жила не так далеко от этого клуба, но боль была такой сильной, что я кусала край пояса безопасности, чтобы не кричать. Несколько раз Эш предлагал отвезти меня в больницу, но я упрямо отказывалась. Мне нужно было домой, где я могла страдать, не переживая ни за кого, кроме тех, кто всегда там был.

Я попрощалась с настойчивым Эшем и сказала, что мы увидимся завтра на работе. Я сомневалась в этом. Я с трудом дошла до двери.

— Ты рано, — сказала мама из кресла в гостиной, она листала журнал и пила горячий чай. Я прошла мимо нее, держась за живот, направляясь к лестнице.

— Плохо себя чувствую, — выдавила я сквозь зубы.

— Много пила? — возмутилась она.

Я едва ее слышала. Я прижалась к столбику у ступенек и не могла подняться.

— Перри? Что такое?

Она оказалась рядом со мной, убрала волосы с моего лица и прижала ладонь ко лбу.

— Ты горишь. Что-то случилось? Когда это началось?

— Что такое? — услышала я голос Ады с верха лестницы.

Я не помнила, что было дальше, наверное, я потеряла сознание. Потом я оказалась в своей кровати, сжавшаяся в комочек на боку, кто-то снимал мои ботинки.

— Перри? Ты меня слышишь? — отец. Я приподняла голову, все еще испытывая боль, раскаленные ножи пронзали все внутри. Я огляделась. Мама прошла с баночками таблеток и водой. Ада расшнуровывала мои ботинки, а отец стоял в углу, скрестив руки, встревоженный, но строгий.

— Где болит? — спросил он серьезно. — Ты принимала наркотики?

— Нет, — с болью прошептала я. — Не принимала. Это колики. Таких сильных еще не было.

Отец закатил бы глаза, если бы это было в его стиле.

— Просто колики?

— Эй! — возмутилась Ада. — Ты этого не знаешь.

Он смутился и опешил. Он посмотрел на маму, она просто кивнула.

— Ада права, милый, — тихо сказала она, а потом подошла ко мне и взглядела в мое лицо. — Радуйся, что не страдаешь от них, потому что это очень плохо.

— Это ужасно, мам, — сказала я. Моя рука сжала угол подушки, новая волна боли накрыла меня.

— Какие у тебя месячные? Крови больше, чем обычно?

— Я уйду, — быстро сказал папа и покинул комнату. Как профессор теологии, он плохо разбирался в проблемах женского тела. Это было понятно.

Ада недовольно вздохнула.

— Пора взрослеть, пап, — она сняла второй мой ботинок и сказала, что пойдет за горячей водой.

Я пыталась игнорировать боль, глядя на лицо мамы, пока она боролась с упрямой крышечкой. Мама выглядела изящно даже в тихий субботний вечер. Она была в черном комбинезоне с кельтской шалью цвета мяты на плечах. Ее лицо было полным тревоги (как и всегда, когда я была рядом), ее светлые пряди задевали голубые глаза. Она выглядела настоящей шведкой, но при этом ее лицо было странно знакомым. Не в том плане, что она 23 года была мне мамой, а в том, что я недавно видела кого-то похожего. Конечно, я не могла понять из-за боли, о ком думаю.

Она вытащила из баночки два ибупрофена и дала мне.

— Это поможет от боли, но нужно немного подождать.

Я с благодарной улыбкой взяла таблетки и запила их водой, надеясь, что они не вернутся. Было странно, что до этого меня ужасно тошнило, а теперь нет. Странно, что в клубе так пахло. Я поежилась, вспомнив ту женщину.

— Тебе холодно? — спросила мама, укрывая меня одеялом.

Нет, мне было жарко, но я улыбнулась и кивнула. Печально, но мама редко ухаживала за мной, так что я надеялась получить от нее как можно больше внимания.

— Тебе какое-то время было плохо, — мягко сказала она, похлопав меня по руке. — Знаю, тебе тяжело, но станет лучше. Ты найдешь работу лучше, полюбишь кого-то хорошего. Ты найдешь свой путь, тыковка.

Мама была необычно хорошей. Я нахмурилась, пытаюсь понять, в чем дело, но она не обратила внимания. Она выпрямилась и хлопнула в ладоши.

— Я сделаю тебе куриный суп с лапшой.

— Не надо, — прохрипела я, но она уже ушла. — Иначе мне придется вылавливать эти ужасные куски курицы.

Она ушла, а я стиснула зубы, пока челюсть не заболела, и все же уснула. Я вскоре проснулась от присутствия неподалеку. Наверное, вернулась Ада.

— Ты нашла бутылку горячей воды? — пробормотала я в подушку, не желая открывать глаза.

Я услышала, как закрылась дверь. Ада приблизилась. Она остановилась у кровати.

Остановилась.

И ждала.

Я слышала ее дыхание, низкое и неровное, словно в ее легких были камни.

— Ада? — снова спросила я. — Что ты делаешь?

Она не ответила, я открыла глаза и подняла голову.

Никого не было.

Дверь была закрыта, но Ады не было в комнате. Я была одна.

Шею покалывало. Я слышала кого-то, четко слышала чье-то дыхание.

— Ау? — робко сказала я, голос звучал жалобно. Меня окружило неопишное ощущение, что-то тяжелое и зловещее. Все было нормальным, но воздух у лампы в углу словно трепетал.

Я протерла глаза и медленно села. Я пыталась сосредоточиться на аномалии, пока мои глаза не привыкли, все снова стало нормальным.

— Ада, — громко сказала я, надеясь, что она услышит меня. — Ты закрыла дверь?

Я ждала ответа, ждала дыхания. Я задержала дыхание.

Раздался звонок в дверь, от этого сжалось сердце. Я удивленно и испуганно вскрикнула.

Снова звонок.

И снова.

Все прекратилось.

Будильник на столике у кровати показывал, что сейчас 23:42. Кто станет звонить в такое время? Эш?

Ребекка?

Кто-то... еще?

Грудь сдавило от последней мысли, я осторожно встала с кровати и подошла к окну. Я

посмотрела на дорогу внизу. Света фонарей не хватало, я не видела машину или кого-то на дороге. Я прислушалась, дверь открылась, мама сказала: «Кто здесь?» — во тьму и не получила ответ.

В мою дверь стукнули. Я закричала, сердце дико колотилось, я развернулась и увидела, как в комнату из-под двери проникла тень.

— Ада?

Снова стук. От одного удара дверь задрожала.

— Мам? — теперь дрожал мой голос.

И еще стук, теперь громче, словно меня пытались заглушить.

— Эм, войдите?

Я подошла тихими медленными шагами, слушая того, кто был на другой стороне.

Он постучал три раза.

Я снова уловила то дыхание.

Я замерла, а потом сделала еще шаг и оказалась у двери. Я медленно потянулась к ручке, замешкалась и положила на нее ладонь, боясь того, что увижу на другой стороне. Я всегда этого боялась. Я знала, что это не от простой паранойи.

Если я думала, что в шкафу был монстр, значит, он там был.

Взгляд опустился на тень на полу. Словно доказывая мои мысли, тень медленно ушла под дверь, пока не пропала полностью.

Пора было понять, что там было.

Я схватилась за ручку и распахнула дверь...

Ада была в конце коридора у спальни родителей с бутылкой горячей воды в руках.

— Нашла! — крикнула она мне. — Заставила воду течь, пока она не стала горячей. Что такое?

Я покачала головой.

— Ты была только что в моей комнате?

— Нет. Я искала бутылку у мамы. А что?

Она подошла ко мне и вложила бутылку мне в руку. Она была горячей, успокаивала, а в компании Ады мое сердце замедлилось до приятной скорости.

— Мне показалось, что кто-то стучал в мою дверь.

Она нахмурилась, макияж начинал облетать к такому времени.

— Я слышала дверной звонок три раза, — она повернулась к лестнице и крикнула. — Мам, кто звонил?

— Не знаю, милая, — ответ донесся из кухни. Она звучала рассеянно. — Дети баловались, наверное.

Мы с Адой переглянулись. В одиннадцать ночи? Здесь?

Мама появилась на лестнице с миской горячего куриного бульона с лапшой (без кусков курицы), стаканом апельсинового сока и бутылочкой «Никвила» на подносе.

Я посмотрела на бутылочку.

— Хочешь меня сподить?

— Это поможет уснуть. Ложись в кровать, Перри, — сказала она, загнав меня в комнату. Я послушалась и прижала бутылку к животу. Боль утихала, благодаря таблеткам. Я проглотила стаканчик «Никвила», надеясь, что отключусь. Мыслей было слишком много, а мне нужно было отдохнуть. Я слышала и видела то, что явно принесла мне боль. Я так хотела.

Когда мама ушла, Ада села на кровать рядом со мной, подняла длинные ноги и уткнулась подбородком в колени. С ней было безопаснее. Наверное, она это поняла.

— Все очень плохо, да? — сказала она.

— Ага, — я вжалась в матрас. День был ужасно странным. Сперва появилась Ребекка, потревожила то, что я хотела забыть. Потом случай в клубе, тошнота, боль, и кто-то был у моей двери и звонил.

— Твой друг Эш молодец, довез тебя до дома.

— Он хороший.

— Он тебе нравится?

Я улыбнулась.

— Нравится? Нет. Он слишком юный для меня.

Я ощутила, как Ада напряглась. Я повернула голову. Ее глаза сияли. Ой-ой.

— А для меня?

— Нет. Ему двадцать. А тебе все еще пятнадцать.

— Это всего на пару месяцев, — возразила она.

— И у тебя есть парень, — напомнила я. Она пару месяцев сохла по Лейтону. Я видела его. Но не была впечатлена. Особенно, когда он назвал меня упырицей и показал жест банды.

— Не знаю, — пробормотала она. — Порой мне кажется, что мне больше не нравится Лейтон. Он не понимает меня. А я хочу, чтобы парень понимал меня.

— Это я знаю, — сказала я, чувствуя, как усиливается сонливость.

— Он думает, что мое увлечение модой — глупости. Думает, что мне стоит быть болельщицей, но это глупо. Они глупые. А он не примет отказ.

Я осторожно посмотрела на нее и заговорила с пересохшим ртом:

— Что значит — не примет отказ? Он под давлением хочет заставить тебя заняться сексом?

Ее щеки вспыхнули, и я знала, что ответ — да. Когда я нашла презервативы в столе Ады, я подумала, что у нее уже был секс. И то, что его еще не было, приносило мне облегчение.

— Ада, он не для тебя. Он должен уважать твои желания, а не вести себя как козел. Поверь, я знаю козлов. Тебе нужен тот, кому ты будешь нравиться, несмотря ни на что. Твоя мода, идеи, блог, перепады настроения, тайная любовь к японской поп-музыке и отвращение к физкультуре. Ему должно нравиться все.

Она посмотрела на меня смущенно.

— Я просто хочу, чтобы любили меня, потому что это я.

Ее честность ранила мое сердце.

— Знаю. Все этого хотят.

— Ты такое слышала? Кто-то любил тебя за то, какая ты? Без пошлых мотивов?

Я печально улыбнулась ей.

— Нет. Такого не было.

Она помрачнела. Ее настроение совпадало с моим.

— Но это еще может произойти, — добавила я.

— Даже когда они узнают о твоих... эм, силах?

Было странно слышать, как она называет мои дела с призраками силами, особенно, таким серьезным тоном, но она, может, и не ошибалась.

— Ну, теперь я буду осторожнее, — пошутила я, язык заплетался.

Ада открыла рот, чтобы что-то сказать, но медленно закрыла его. Она поджала губы и выдохнула носом. Она думала о чем-то еще.

— Что такое? — лениво спросила я. Сон был уже близко.

— А если... я — такая, как ты?

Я не понимала ее слова, я хотела высказать это ей. Но рот уже был слишком слаб, чтобы говорить. Глаза закрылись, и я провалилась в сон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хоть боль все еще пронзала меня время от времени, я смогла прийти на работу днем, к удивлению Эша и Шэй.

— Милая, если хочешь домой, иди домой, — сказала Шэй, когда я надела фартук. — Эш сказал, что ты чуть не умерла.

Я закатила глаза и посмотрела на Эша.

— Все не так плохо.

— Перри, ты чуть не сжевала пояс безопасности, — сказал он, глаза стали шире.

— У тебя пояс 1982 года, — сказала я ему. — Он старый.

— Эй, я 1982 года, — воскликнула Шэй. Она не была старой. С ее бодрым характером, пакистанским телосложением и круглым лицом она выглядела младше меня. Она была самым милым боссом, если не выводить ее.

— 1982? Нет, вы хотели сказать 1992, - выкрутилась я.

Шэй покачала головой и издала смешок.

— Ладно, жуткая Перри, если говоришь, что все нормально, я тебе верю. Ведешь ты себя нормально.

Я это изображала. От лекарств ощущалась усталость, хоть они и приглушали боль, она оставалась. Странная пульсация, а не боль. Это было плохо, что-то было не так внутри. Хорошо было лишь то, что я выпалась из-за «Никвила», и мне не пришлось ехать на работу на Тыр-тыре, папа подвез меня по пути на встречу в церкви. Родители были не против того, чтобы я осталась дома, но я видела гордость папы, когда сказала им, что справлюсь.

К сожалению, все было не так хорошо.

Вскоре меня поглотил мир латте и кассовых аппаратов, дорогой выпечки, и я пыталась отгонять боль. Отвлечение помогало, я была почти благодарна парню, разлившему пакет молока на стойку.

Я вытирала остатки с пола мокрой тряпкой, когда услышала из-за стойки голос:

— Пардон, мэм, здесь есть Перри Паломино?

Во второй раз за два дня мое сердце ёкнуло и замерло.

Я не поднималась, но увидела, как Шэй указывает за стойку в мою сторону. Перед ней был очень высокий мужчина с хорошим телосложением в ботинках, выгоревших джинсах и зеленой рубашке под кожаной курткой.

Ему не нужно было поворачивать голову, чтобы я узнала, что его глаза сочетаются с рубашкой. Но он повернулся ко мне.

Максимус.

Но в моей голове совсем не было мыслей. Как с Ребеккой до этого, я смогла лишь моргать, рука продолжала оттирать молоко на автопилоте.

Он улыбнулся, вспыхнув белыми зубами на фоне обветренной веснушчатой кожи, и пошел ко мне, словно ему было плевать на мир. Он остановился передо мной, я почти уперлась носом в его ботинки, которые были такими же поношенными и пыльными, как его джинсы.

— Мисс Паломино, — произнес он с легким луизианским акцентом. Он протянул мне большую ладонь. Не думая, я вложила в нее свою. Моя ладошка казалась маленькой.

Он поднял руку, и я оказалась на ногах. Я встала, словно у него были силы джедая.

— Что... ох, что? — таким был мой умный ответ.

Он сжал мою ладонь, и в теле проснулись два борющихся чувства. Одно было тревогой, что друг Декса, или бывший друг, пытался вернуться в мою жизнь. А другое было теплой дрожью, потому что он был красивым, даже краше, чем в мрачном и отдаленном Рэд Фоксе (где я его встретила), и они с Дексом никогда не ладили.

Вопрос оставался, и я не сдержалась и выпалила его:

— Максимум! Что ты здесь забыл?

— О, Перри, ты не изменилась, — ухмыльнулся он. — Не против, если я украду тебя с твоего, кхм, места на пару минут?

Я посмотрела на Шэй. Хоть она говорила с клиентом, ее взгляд пересекся с моим, он слабо кивнула и улыбнулась. К сожалению, Эш при этом не скрывал на лице недоверия к высокому красивому незнакомцу. Я не могла винить его. Максимум выделялся в Портленде как экзотический цветок среди сорняков (хотя у половины сорняков были похожие рубашки).

Он все еще держал меня за руку, а я неловко держала пропитанную молоком тряпку в другой руке. Он вел меня в уголок, где стоял свободный столик.

Как истинный джентльмен, он выдвинул стул и жестом пригласил меня сесть.

Я села, ощущая себя неуместно и глупо. Он выдвинул другой стул, вытянул длинные ноги. Он уткнулся локтями в стол и медленно осмотрел меня.

Я делала с ним так же. Это дало мне время собраться с мыслями.

Я знала Максимуса мало. Выходные в октябре. Вторая серия «Эксперимента в ужасе», мы с Дексом отправились в Нью-Мексико, чтобы раскрыть полтергейста. Но это оказалась работа злого шамана и его ведьмы-возлюбленной, которые вредили ранчо ее мужа.

Максимум поднял проблему. Его вызвали, потому что он был почти как говорящий с призраками. У него не было груди Дженнифер Лав Хьюитт, но то, что он делал, по его словам, было чтением умерших людей. Он мог понять, что они делали и думали в последние мгновения перед смертью. Но «сила» Максимуса была не только в этом. Я подозревала, что это психическое состояние. Но мы с Дексом не видели доказательств, пока были с ним в Рэд Фоксе. Максимум лишь сказал, что «ничего не умерло здесь», что могло быть догадкой. Декс думал, что Макс пытался обманывать людей, говоря, что может общаться с мертвыми.

Я не знала, что думать. В чем-то я была такой же, так что это не было невозможно. С другой стороны, я не видела доказательств этой силы. Он доказал, что переживал за меня и Ланкастеров, но у меня всегда была доля подозрений насчет его мотивов. Максимум и Декс не общались после колледжа, после того, как бывшая Декса...

«Хватит!» — закричала я себе. Я не хотела больше думать об этом. Даже звук ее имени вызывал дрожь в моем уже ослабленном теле.

— Прости, — быстро сказал Максимум. Он положил ладонь на мою руку и быстро сжал. — Я не хотел так мешать. Ты в порядке?

— В порядке, — прохрипела я и попыталась вести себя увереннее. — Просто недавно болела. Не переживай. Итак, Максимум... как это понимать?

— Точно, — он улыбнулся и отклонился на стуле, — я забыл, что ты не в курсе.

Видимо, я показала смятение, потому что он продолжил:

— Я переехал в Портленд шесть недель назад. Думал, Джимми или Декс тебе рассказали.

При их упоминании мое лицо стало холодным как камень. Джимми говорил что-то о

Максимусе и Портленде на рождественской вечеринке в декабре, но тогда я сдерживала себя от столкновения с девушкой Декса, Джен, и не вдумалась в его слова.

— Видимо, я это упустила, — честно сказала я.

Он почесал щеку, шурша щетиной.

— Ничего. Я здесь. Я выжидал, не зная, показываться ли тебе. Но Джимми меня подтолкнул.

Я вскинула брови.

— Джимми тебя подтолкнул?

Как они вообще были связаны? Странно, что он говорил о нем.

— Ты выбилась из колеи, да, милая?

Я не любила такого фамильярства, но у него это звучало очаровательно.

— Уверена, если ты говорил с Джимми, ты в курсе произошедшего.

Он с сочувствием кивнул.

— Да. Я слышал. Отчасти потому я здесь.

— В Портленде?

— Нет. Я всегда планировал переехать сюда или хотя бы в этот район. Но я связался с Джимми пару месяцев назад, пытаюсь найти работу. Мы с Дексом учились вместе, если помнишь. Джимми не был уверен во мне. Но потом место стало... свободным.

Я пронзила его взглядом.

— Какое место?

— Мы хотим вернуть тебя в шоу.

Ого.

— Шоу... — пролепетала я. — «Эксперимент в ужасе»?

— Ага, — он склонился над столом. От него пахло корицей.

— Я ушла из шоу, — еще и драматически.

— Мы знаем. Но ты ушла не из-за шоу. Это было из-за оператора.

Я скривилась при мысли о Дексе.

— Я прав, да? — сказал он. Его нефритовые глаза впивались в меня. Я знала, что меня легко читать.

— Да. Но это не все.

— Так ты не вернешься, если будет другой оператор?

— Нет, — выпалила я. Я даже не думала, такой была первая реакция. Ни за что. С Дексом или нет, но я покончила с этим. Это было опасно, непредсказуемо, это не было хорошей работой. Родители убьют меня, если этого не успеют сделать призраки, и, честно говоря, я не хотела быть в ситуации, где жалела бы, что Декс не со мной.

Он склонил голову.

— Уверена?

Ладно. Я не была уверена. Я посмотрела на тряпку в молоке, потом на стойку, где были заняты Шэй и Эш. Я уже долго говорила с Максимусом вместо работы.

— Мне пора за работу, — сказала я, вставая.

— Эй, — он подошел ко мне. А потом я оказалась в объятиях с ароматом корицы, он был выше меня на фут и обнимал крепко большими руками. Я невольно прижалась головой к его широкой груди. — Мне очень жаль, что все так произошло, — сказал он в мою макушку.

Я пыталась пожать плечами, но он не дал.

Наконец, он отпустил меня, мои щеки пылали от неожиданной близости.

— Не переживай из-за этого, — робко сказала я, отпрянув и избегая его взгляда.

— Можешь не отвечать сейчас. Тебе нужно это обдумать. У нас с Джимми пока есть дела, так что мы не спешим. Мы просто думали, что для нас всех это было бы круто.

— Я подумаю, — сказала я и взглянула на Шэй. Они с Эшем пялились на меня.

Я шагнула к ним и хотела сказать Максиму, что мы когда-нибудь увидимся, но он схватил меня за руку. Он притянул меня к себе. Его смелость удивляла меня.

— Я не только поэтому здесь, — сказал он, и я увидела, как его щеки вспыхнули тем же цветом, что и волосы.

Он опустил руку и потянулся в передний карман рубашки. Он расстегнул его и протянул мне бежевую визитку.

Я забрала ее, он вручил мне ручку из другого кармана.

— Можешь записать свой номер? Ты его, похоже, сменила.

— О, точно. Да, — я записала на обратной стороне номер и вернула визитку.

— Я тебе позвоню сейчас, — просто сказал он. — Ответишь?

— Эм, да?

— Что ты скажешь, если я позову тебя на фильм?

— Эм... — этого я не ожидала.

— Эм, да? — с надеждой спросил он, его полные губы приподнялись в уголках. — Не говори, что подумаешь об этом.

Я не знала, что сказать. Он приглашал меня на свидание. Это уже удивляло. Интриговало. Одинокая бабочка затрепетала в животе, я поняла, что у меня уже пять минут не было боли.

Я попыталась сыграть достойно.

— Да, конечно, это будет отлично, — пролепетала я. — Спасибо.

Сыграть не вышло.

Он улыбнулся и сунул визитку с моим номером в карман. Он быстро поклонился и сказал:

— Увидимся, милая, — развернулся и пошел на выход.

Если такой была романтика юга, откуда он приехал, то я была готова протереть лицо и грудь грязной тряпкой с молоком.

Я прошла к стойке, скрыть странную улыбку не удавалось. Клиентов не было, так что Шэй и Эш могли нападать на меня.

— Кто был этот хороший кусок мяса? — спросила Шэй, прижав палец к губам.

Я рассмеялась.

— Давний друг.

Эш все еще был не впечатлен. Он забавно посмотрел на меня и принялся чистить блендер.

— Он не выглядел как просто друг.

Я уперла руки в бока.

— Но он друг. Он был в Рэд Фоксе, когда мы снимали серию в Нью-Мексико.

— То-то он показался мне знакомым, — проворчал он и включил воду так, чтобы не слышать меня. Если бы я его не знала, решила бы, что Эш ревнует. Бедняга. Он мог посылать мне намеки столько времени, но я была слишком поглощена своими проблемами, чтобы это замечать. Могли ли мужчины и женщины быть не друзьями? Вся моя дружба добром не заканчивалась.

— Ты дала ему свой номер, — понимающе сказала Шэй. — Так что теперь вы, как по мне, больше, чем друзья.

Я отмахнулась, но при этом улыбнулась и покраснела. Я никогда так не думала о Максимусе, хоть и отмечала, что он симпатичный, но теперь все изменилось. Теперь я знала, что он ко мне испытывал. От этого покалывало пальцы ног.

Шэй похлопала меня по плечу и вложила мне в руки швабру и спрей.

— Не хочу портить момент, но нужно убрать в туалете.

Это победа.

Я сломлено улыбнулась ей, подавила недовольный вздох и пошла в женский туалет со шваброй и спреем. Я осторожно вошла в пустую комнату, боясь запаха, боясь, что это как-то усилит мою боль или заставит извергнуть завтрак. Но у меня хотя бы была швабра для этого.

Сегодня было не так плохо, хоть клиентов было много. Я заперла дверь и приступила к работе, стараясь мыть тщательно и быстро, ведь за дверью мог ждать клиент.

Сначала я разобралась с унитазом, стараясь не склоняться над ним. Запах был слабым, но оставался.

Пока я работала, я думала, как странно, что двое людей из моего прошлого показались за последние два дня. Сначала меня провела Ребекка, пытаюсь вызвать жалость к Дексу. А теперь Максимус хотел, чтобы я вернулась в шоу, но с ним, и он приглашал меня в кино. Пару месяцев я была скрыта, избегала прошлого. Но оно как-то нашло меня. Хоть я старалась уйти от охоты на призраков, от Декса, от той жизни, меня тащили обратно. Я не знала, минует ли это, была ли в этом причина. Что-то, чего я пока не понимала. Что-то вне этого мира.

Я была занята мыслями и мытьем умывальника, когда это случилось.

Свет в туалете вдруг погас.

Я испуганно вскрикнула. А потом охнула от боли.

Боль ударила все внутри так сильно, что я рухнула на колени на холодный твердый пол. Я сжала живот, ощущала плитку под головой. Пол дрожал, словно люди бегали за туалетом, направляясь в мою сторону.

А потом я услышала шум, который не ожидала уловить.

Гудение осы, летающей над моей головой. Я застыла, перестала дышать, я не моргала.

Дверь задержалась, я слышала за ней крики Шэй, но не обращала внимания. В темной комнате со мной была оса.

Я уже была в похожей ситуации.

Без предупреждения гудение прекратилось.

Я ощутила, как оса опустилась на мою щеку, лапки задели кожу.

Если до этого мой мир был черным, теперь он почернел сильнее. От боли или страха. Не знаю. Я отключилась.

* * *

Когда я проснулась, я лежала на носилках на колесиках в зале, похожем на больницу. Я видела панели на потолке, они медленно проносились мимо. Они были в дырочку, были белыми, кроме углов, откуда падала черная жидкость. Она падала сгустками, почти попадая

на меня, с плеском шлепаясь на пол.

Я повернула тяжелую голову и посмотрела на человека рядом, толкающего носилки. Это был доктор, может, хирург. Он был в маске, смотрел на меня добрыми глазами.

— Вы скоро увидите, — сказал он сквозь маску, ткань шевелилась от движений его губ. — Все будет хорошо.

— Что со мной? Куда я? — спросила я, голос был подавленным.

— Тише. Тебе нужны все силы. Самое плохое позади. Она будет жить. Ты постаралась.

Доктор убрал ладонь от металлической ручки и положил мне на лоб. Его ладонь была ледяной.

Я вздрогнула, но ощущала себя скованной. Я посмотрела на руки. Они были привязаны плотной кожей.

— Ты была хорошей ведущей, — добавил он. Его взгляд переместился за носилки. Я поняла вдруг, что рядом кто-то еще. Я с опаской повернула голову, чтобы увидеть, с кем он говорит.

Ее дреды выглядывали из-под белой шапочки, но это была девушка-демон. Маска закрывала ее ужасные острые зубы, но красные хищные глаза остались.

— Перри, Перри, Перри, — прошептала она. Тихий смешок сорвался с губ. — О, ты не понимаешь, да, милашка?

Я пыталась говорить, но губы пересохли.

Движение вдруг остановилось, носилки застыли. Доктор и девушка покинули меня, и я осталась одна, привязанная, у двери в конце коридора.

— Ау? — крикнула я.

Я приподняла голову и плечи, как только смогла, и огляделась. Старик сидел у двери, ладони лежали на трости, взгляд был опущен на ноги. Больше никого не было. Я посмотрела на свои ноги. Я все еще была в рабочей форме: узкие джинсы, черная футболка-поло, черный фартук. Я заерзала, джинсы ощущались мокрыми, особенно, между ног. Я подозревала, что от страха напрудила в штаны.

Странный звук, словно ногти касались стали, раздался справа, из земли. Я развернулась и увидела большое существо, похожее на жука, идущее мимо меня. Оно было размером с собаку, серое, сегменты тела двигались с каждым шагом множества лап.

Дыхание застряло в легких, я не могла выдохнуть, пока насекомое не прошло мимо старика за угол. Старик смотрел на ноги и не обратил внимания на большое насекомое.

Что за фигня? Это явно был еще один сон. Я все еще лежала на полу в туалете, оса все еще ползала по моему лицу. И хотя это было ужасно, я бы предпочла это, а не жуткие сны.

Тихий скрип раздался впереди.

Дверь, у которой я стояла, открылась, и вышел Декс Форей. Он был с белым свертком, держал его как ребенка.

Вид Декса испугал и успокоил меня. Он выглядел как в прошлый раз. Красивый в темном смысле. Глаза напоминали угли. Я должна была ощущать бесконтрольный гнев, но чувствовала лишь смятение и страх.

— Она не пережила этого, — сказал он мрачно. Он говорил со мной, но смотрел на то, что держал в руках. — Спасибо, Перри, что сделала это для нас.

— О чем ты? — прошептала я. Я попыталась взглянуть на него, но меня отвлек красный цвет, растекающийся по простыни подо мной. Я не напрудила в штаны, кровь покрывала мою нижнюю половину. — Ох, что со мной произошло? — пропищала я. Я пыталась

вырваться, но была крепко привязана. Ремни впивались в кожу, но мне было все равно.

— Расслабься, Перри, — раздался голос сзади. Я отклонила голову и увидела над собой Эбби. Бывшую девушку Декса. Мертвую девушку.

В отличие от прошлого раза, она не была из кровавых кусков. Она выглядела как красивая студентка. Прямые светлые волосы с рыжеватым отливом. Розовое платье, свободное ниже талии. Она выглядела нормально.

Пока не улыбнулась.

По ее зубам ползали осы.

Она закрыла рот и сглотнула, пока двигающиеся точки под ее губами не пропали. Она подошла к Дексу. Она обвила его рукой и посмотрела на ребенка в одеяле.

— Мои глаза, — сказала Эбби с акцентом и посмотрела на Декса. Он смотрел на стену и не двигался. — Хочешь посмотреть? — спросила Эбби, забрала сверток из застывших рук Декса. Она подошла ко мне осторожно, стук ее каблуков эхом разносился по тихому коридору. Она шла, а я смотрела на старика, не зная, сможет ли он мне помочь. Он смотрел на меня, глаза были черными, рот — широко открыт в беззвучном крике. Он сидел так, пустой рот не издавал ни звука, был широко раскрыт, пока Эбби не закрыла мне обзор.

Мой ужас был неопишным.

— Конечно, ты хочешь увидеть ребенка, — сказала Эбби и опустила сверток к моему лицу.

Да, это точно был ребенок.

Но все маленькое тело покрывал черный мех. Ребенок лежал в свертке из белого одеяла. Я смотрела на него и не могла оторвать взгляд. От ужаса.

Ребенок повернулся на бок, и от этого из одеяла выглянуло крыло. Оно было тонким, изящным, как у летучей мыши, сложенным и покрытым пульсирующими венами. Ребенок поднял голову и открыл глаза.

Они были темно-карими, как у Эбби, как она и сказала. Ее глаза.

Ребенок открыл рот и показал зубы акулы. Он смотрел на меня, дрожащие слова проникали в мой череп:

— Я все еще внутри тебя. Ты не можешь меня вытащить.

Я услышала крик старика, словно в коридоре включили звук. Он кричал за нас обоих.

* * *

Я оказалась на операционном столе, боль терзала все внутри. Доктор, которого я видела раньше, резко поднял голову. Он был между моих ног, на его руках была кровь. Он посмотрел на кого-то справа.

— Пациент проснулся!

Я ощутила суету за головой, машины пикали, маска легла на мой рот. Мои глаза закатились.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Перри? — голос Ады опустился на мои мысли перышком.

Я застонала и попыталась пошевелиться. Скванность пугала меня, и я вспомнила, как была привязана кожаными ремнями, но после пары попыток я смогла поднять руки. Немного, но я поняла, что они не привязаны.

Я заставила себя открыть глаза. Я снова смотрела в потолок, на те же белые панели в дырочку. Страх заполнил мое сердце. Я думала, что это был сон.

Я повернула голову влево, в сторону голос Ады, но тут же ощутила давление в голове, перед глазами заплясали черные точки. Я зажмурилась, с губ сорвался стон.

— Тише, тише, — сказал другой голос. Женский, собранный и успокаивающий. — Ты через многое прошла. Ты в больнице. Ты с медсестрой, мной, Шейлой. И со своей сестрой Адой. Твоя мама только отошла. Она вернется. Отдыхай. Не спеши.

Я глубоко вдохнула и попыталась открыть глаза. Я ощутила, как мою ладонь обхватили тонкие, чуть влажные пальцы, тревожное лицо Ады появилось перед глазами.

— Перри, это я, — тихо сказала она. Ее глаза были мокрыми, я видела, как ее сильный макияж оставил следы темных слез.

— Ада, — медленно сказала я. — Что случилось? Где я?

— В больнице. Ты упала на работе и... и...

Она замолчала и оглянулась. Она держала меня за руку, а мне стало видно женщину.

У нее были добрые глаза и красноватое лицо, как бывает в пятьдесят.

— Перри. Я Шейла, — она говорила с улыбкой. — Что ты помнишь последним?

— Я была на работе, — сказала я. Наверное, звучала я неуверенно, потому что последним я помнила эту больницу. — Я убирала туалет. А потом снова ужасно заболел живот. Я упала на пол.

Я не упоминала осу. Это было бы слишком странно, а здесь — неуместно. Если это вообще произошло.

Она улыбнулась, словно подтверждала мои слова.

— Да. Твои коллеги нашли тебя в туалете. Дверь была заперта, им пришлось ее выбить. Они нашли тебя без сознания на полу. Они сказали, что выключался свет. Ты это помнишь?

— Нет, — тихо сказала я. — Он выключался, когда мне было больно. Не знаю, почему.

Она кивнула и склонилась ближе. Ада все еще держала меня за руку.

— Помнишь, как просыпалась во время операции? — тихо спросила Шейла.

— Это было на самом деле? — выпалила я.

Шейла переглянулась с Адой и печально улыбнулась мне.

— Порой мы не знаем, сколько анестезии давать. Ты прибыла к нам без сознания, это все усложняло. Мы не знали, что именно с тобой, пока не сделали УЗИ.

УЗИ? От этого по венам словно побежал уксус, и дело было не в капельнице, соединенной с моей другой рукой.

— Ты знала, что была беременна, Перри?

Беременна! Мои глаза расширились, и Шейла немного огорчилась.

— Ты не знала, — сказала она себе под нос.

— Беременна? — выдавила я. — Я не была беременна!

— Боюсь, что была, Перри.

Нет! Месяц назад у меня были месячные. О боже. Это было невозможно. Я бы была тогда уже три месяца как беременна.

— Это не... вы ошибаетесь.

Она ошибалась. И сошла с ума. Как она могла подумать, что я беременна? Это было нелепо.

— Нет, — сказала Шейла. — Мне жаль говорить, но ты потеряла ребенка.

— Ребенка?

КАКОГО РЕБЕНКА?!

Я услышала, как заскулила Ада, и склонила голову в ее сторону, игнорируя точки перед глазами.

— Ада. В чем дело? Почему они так говорят? Ты же меня знаешь... Я не была беременна!

Она вытерла уголок глаза и посмотрела на Шейлу, а потом заговорила:

— Но ты могла. Разве нет? Ты набрала немного веса. Тебе все время было плохо, ты была уставшей и ворчливой.

— Я всегда такая! И у меня были месячные.

— Сколько раз? — спросила Шейла, выпрямившись.

— Два, — сказала я.

— Сильные или слабые?

— Очень слабые... но это считается...

Медсестра Шейла вытащила тетрадь из-за кровати и начала листать ее. Ее лицо все еще было как у доброй феи-крестной, но действовала властно.

— К сожалению, это не признак, что ты не беременна. Такое бывает редко, но в таких случаях, как у тебя, случается.

О боже. Я отдернула руку от ладони Ады и зажала рот. Как я могла быть беременной? Худший кошмар сбывался, и я даже не знала об этом.

— Так... я больше не беременна. Вы сделали мне аборт?

Шейла вернула тетрадь и взглянула на меня.

— Нет, милая. Мы не делали тебе аборт. У тебя был выкидыш. Мы должны были убедиться, что его извлекут безопасно. Нам нужно было сделать это, иначе это было опасно для тебя.

Она посмотрела на меня и Аду и добавила:

— Здесь нечего стыдиться. Такое бывает часто, особенно, с первыми беременностями, и когда мама не следит за собой. Но я так понимаю, что ребенка ты не хотела.

Нет. Не хотела. Но это не значило, что это не было шоком для тела, сердца и разума. Я ощущала миллион чувств, но одно выделялось сильнее всего. Я была очень напугана.

Словно ощутив это, Шейла подошла и похлопала меня по руке.

— Теперь ты с семьей. Все будет хорошо. Я схожу за твоей мамой и доктором, он ответит на все вопросы. Не переживай.

Она покинула комнату, вышла в коридор, озаренный флуоресцентными лампами.

Я посмотрела на Аду.

— Что случилось?

— Все, как она и сказала. Шэй и Эш рассказали, что нашли тебя на полу. Ты была без сознания. Они сказали... что вокруг тебя была кровь.

— О, нет, — я закрыла глаза. Не хотелось, чтобы они видели меня такой.

— Перри, радуйся, что ты жива, — сказала она.

— Как я могла быть беременна? — спросил я, хотя это становилось все логичнее. Это объясняло многое из происходящего.

— Знаю, — сказала она. — Я подумала об этом прошлой ночью, но не хотела говорить при маме. Она не знает, что ты спала с Дексом. Точнее, не знала.

— О боже.

— Ага, она теперь знает. И папа.

— Блин.

— Они оба, наверное, хотят его убить. Сильнее, чем раньше.

Удивительно, но я не ненавидела Декса из-за этого. Это была и моя вина. Мы не использовали презерватив. У меня была эта мысль, но я решила ее не слушать и справиться с последствиями потом. Вот они и были. Я не сохранила ребенка, но результат был одинаковым. Я осталась с опустошенным телом и угрызениями совести.

— Перри, милая, — сказала мама, войдя в комнату. Ее лицо было полно тревоги. Но, хоть она выглядела встревоженной, я уловила долю разочарования. Когда все наладится с моим состоянием, у меня будут УЖАСНЫЕ проблемы с ней и отцом.

— Привет, мам, — тихо поприветствовала ее я. Я вдруг сильно смутилась.

Она склонилась и поцеловала мой лоб, от нее пахло духами с туберозой. Разве в больницу можно было приходить с запахами?

Я хотела быть сильной и упрямой, но, увидев в ее глазах, как она расстроена, я сдалась.

— Мне очень жаль, мам.

— Все хорошо. Поговорим об этом позже, — сказала она, прогоняя из голоса раздражение. — Важно, что ты будешь в порядке. Все прекратится.

— У нее могут продолжаться боли и кровотечения еще несколько недель, — вмешался в разговор мужской голос.

Я подняла голову, чтобы увидеть нового посетителя, и застыла от паники и шока.

Это был доктор из сна, я видела его во время операции.

Он замер у моей кровати, не отреагировав на мою реакцию, а я не скрывала ужаса. Он даже улыбнулся.

— Рад встретить вас в более подходящих обстоятельствах, — сказал он. — Я — доктор Каин.

Конечно. Я посмотрела на маму с Адой, чтобы понять, ощущают ли они, что что-то не так. Я не понимала. Они не были испуганы.

— Что такое? — спросила у меня мама.

Я лишь покачала головой и посмотрела со страхом на доктора Каина.

— Она в порядке, — сказал он. — Но я ее явно пугаю. Ты меня помнишь, да, Перри?

Я не могла подобрать слова и просто кивнула. Я заметила, что с силой сжимаю ладонь Ады. Она тихо айкнула.

Он посмотрел на мою маму такими же добрыми глазами, как было в коридоре, когда он был с девушкой-демоном.

— Такое бывает, если пациент просыпается во время операции.

— Я так и думала, — ответила мама. — Бедняжка, стоило понять, сколько анестезии ей нужно дать.

— Случай был сложным. Мы думали, что угадали. Но Перри была в состоянии сна. Это ее потрясло, но она не чувствовала боли.

Я успокоилась достаточно, чтобы сузить глаза. Откуда он знал? Я помнила немного боли. Его глаза были добрыми, но не могли обмануть меня.

— Мы оставим ее на ночь, — продолжил он. — Она попала сюда при необычных обстоятельствах. Но, хоть и могут последовать боли и кровотечение, она будет в порядке. Мы дадим ей немного лекарств, и ей лучше побыть дома, в кровати еще несколько дней.

Доктор отдавал и другие указания нам, но кошмар ситуации спутал мои мысли, приглушил их, и мои глаза медленно закрылись.

* * *

Когда я проснулась, я была одна. Маленькая палата без окон была ужасно темной, свет исходил только от разных машин вокруг моей кровати. Я не была соединена с ними, только с капельницей, но они светились и гудели.

Во рту было хуже, чем в Сахаре, я провела языком по губам, и это было встречей наждачной бумаги и треснувшего бетона. Я хотела пить, хотела этого сейчас, но не знала, как вызвать медсестру. Я думала, что рядом будет Ада или родители, их отсутствие немного обижало. Я не была в опасности, но прошла через ужас. Мне было сложно даже все осознать.

Я прижала ладонь к животу, пока не стало больно. Неужели я набрала вес из-за беременности? Боль и перепады настроения? Глупо, что я так долго игнорировала симптомы, отгоняла мысль, потому что у меня были месячные. Казалось бы, я знала больше 14-летней девочки, но на деле вышло иначе.

Я осторожно села, игла капельницы впиалась в вену сильнее. Машина рядом со мной трижды пикнула, звуча зловеще в темноте. Я смотрела на нее, не зная, что она отслеживает, свет мигал, меняясь между красным и желтым.

Свет падал на стены, я подумывала выйти в коридор. Капельницу придется взять с собой, но так я хоть смогу получить воды и, может, найду семью. Они бы не бросили меня на ночь, они вредничали, но не были плохими.

Свесив ноги с кровати, я осторожно опустила их, пока стопы не встретились с холодным линолеумом. Боль пронзила все внутри, между ног становилось все влажнее. Я опустила ладонь и ощупала. Я была словно в подгузнике, все тело ощущалось смутно, от головы до низа. Я глубоко вдохнула, пытаясь добиться четкости. Я схватилась за капельницу рукой, другой проверила, что тонкая больничная сорочка не раскрывала мое тело миру, и осторожно пошла к двери.

Я открыла ее с трудом, она была тяжелее, чем я ожидала, и выглянула в коридор с резким освещением. Я быстро моргала. Казалось, я делала что-то запрещенное, хотя не было правил, не позволяющих вставать с кровати. Я ведь не сбегала.

Удивительно, но в коридоре никого не было, только было слышно стук капель. Мне стало интересно, который час. Обычно в больницах былолюдно.

Я пошла по коридору, кривясь от скрипа капельницы, звук эхом разносился вокруг меня. Все двери были закрытыми, темными и тихими. Я словно шла по склепу, где не было движения, людей, это меня пугало. Холодок пробежал по спине, словно капельница впиалась мне в шею, и я замерла.

Впереди, в конце коридора, послышался шорох, словно медленный неуверенные шаги

раненого старика. Я ждала, задержав дыхание.

Пожилая женщина вышла из-за угла. Она была в такой же сорочке, тоже держала капельницу бледными руками. Ее лицо было букетом ярких красок: красные губы, густой румянец от носа до виска, яркие зеленые тени, которые было плохо видно из-за складок ее век.

Жуткая клоунесса.

Я прилипла к полу, не могла двигаться или отвести от нее взгляд. Она медленно шла ко мне, но не смотрела на меня. Хотя вид ее был зловещим, я была даже рада ей. Прошло много времени, и мой язык начал двигаться. Я знала, что у меня к ней много вопросов.

Казалось, она вечность добиралась по коридору ко мне. Она прошла слева от меня, медленно шаркая. Она смотрела на пол, взглянула на меня лишь в последний миг. Ее бледно-голубые затуманенные глаза встретились с моими на миг, и я увидела в них ураган предупреждений.

Я открыла рот, но она шла, словно не знала меня. Я откуда-то нашла силы говорить.

— Эй, — прохрипела я и осторожно схватил ее за руку. От контакта вспыхнула зелено-синяя искра. От этого мои пальцы будто прилипли к ее коже, она остановилась и неохотно обернулась. Я еще не касалась ее раньше. Ее плотность удивляла меня.

Она смотрела мне в глаза, явно узнавая, ее голос с акцентом зазвучал в моей голове, хотя ее сухие губы не двигались

«Я не могу остаться. Я должна идти», — сказала она.

«Где все?» — подумала я, стараясь говорить с ней.

«Тебя не должно здесь быть. Все слишком рано», — в ее голосе звучала тревога, от этого мне стало не по себе.

«Что?».

Она посмотрела на пол, и я впервые поняла, какая она маленькая и хрупкая. Несмотря на ее странный макияж, в больничной одежде она напоминала чью-то забытую бабушку.

«Я пыталась предупредить тебя. Я оставила то послание. Я знаю, ты его слышала».

«Да, но я не понимаю. Я в беде?».

«Да, — сообщила она. — В ужасной беде, Перри. И я не смогла прийти к тебе. Я больше не могу»,

«Вы видите меня сейчас».

«Ты не там, где, по-твоему, находишься».

Мне стало холодно. Я посмотрела на свою сорочку, блестящий пол и пустой стерильный коридор. Я стала понимать, что могу быть не в больнице. Могу быть неизвестно где.

«Где я?» — потрясенно спросила я.

«Лучше тебе не знать».

«Издеваетесь? — недовольно подумала я, прижимая пальцы к ее руке. — Думаете, вы помогаете? Думаете, можно прийти сюда, показаться в моей жизни и все вот так испортить?!»

Вопли не помогали. Выражение ее лица стало пустым, как холст.

«В этот раз ты пришла ко мне, — сказала она. — Теперь это работает только так».

«Прошу, — взмолилась я, смягчив тон, — просто скажите, в каком я аду».

Она взглянула на меня с укоризной.

«Уверяю, это не ад. Пока что».

Она оглянулась.

«Мне пора, — сказала она. — Они следят за мной. Они следят за тобой».

И она пошла дальше.

Я смотрела ей вслед, потрясенная, но смогла прокричать последнее:

— Кто такой Деклан О'Ши?

Мои слова разносились эхом, пока она не пропала.

— Перри? — услышала я сзади голос сестры.

Я испуганно обернулась и увидела Аду в ее серых леггинсах и мокасинах с шипами, она держала в руках несколько модных журналов. Она не была одна. Коридор вдруг наполнили люди, словно больница ожила, пока я стояла к ней спиной. Голоса, шум, стук дверей, крики и скрежет ударили по ушам. Словно вуаль сняли с моих глаз, и шарики ваты вытащили из ушей.

Я быстро оглянулась туда, где пропала Жуткая клоунесса. Она уже исчезла, конечно, и коридор был занят медсестрами и пациентами, снующими туда-сюда.

— Тебе нельзя вставать, — сказала Ада, приблизившись. Она заметила мою тревогу и помахала мне журналами. — Я ходила за журналами, чтобы не скучать. Мама сказала, что мне не нужно завтра в школу, что я могу остаться с тобой на ночь. Не знаю, позволят ли врачи, но я попробую. Это лучше алгебры.

Она взволнованно говорила о том, как пропустит понедельник, а я думала о Жуткой клоунессе. Где я была теперь? В больнице или где-то еще? И где именно? Откуда она? Что происходило?

— Идем, вернем тебя в кровать, пока доктор не заметил, — сказала она, коснувшись моей руки и повернув меня к моей палате. — Думаю, доктор Каин с таким именем только и ждет шанса серьезно наказать людей. Хорошо, что он не дантист, да?

Я прикусила губу, не зная, можно ли ей говорить, где я видела доктора раньше. Ада всегда верила в то, что я рассказывала о призраках, одна из немногих верила.

Я опустилась на неудобную кровать и смотрела, как Ада достает журнал и листает его.

— Со мной кое-что случилось, — тихо сказала я.

Ада замерла, опустила журнал на колени и посмотрела на меня. Все ее внимание было у меня.

Я быстро рассказала о Жуткой клоунессе в коридоре, а потом про то, что было до пробуждения в больнице, о демоническом ребенке, Дексе и докторе Каине.

— Что думаешь? — спросила я, закончив.

Она поежилась и укуталась сильнее в кардиган.

— Думаю, спать я ночью не смогу.

— Но что это все может означать?

Она задумалась, голубые глаза шурились от тусклого света.

— Не знаю. Думаю, то, что ты видела до этого с доктором Каином, было сном из-за анестезии или шоком от произошедшего.

— А Жуткая клоунесса?

— Это тоже. Со мной не так, как было пять минут назад?

Я обдумала это.

— Немного. Я сейчас словно проснулась сильнее. Я не могла до этого толком думать, все было... смутным. Но я все еще думаю, что видела ее.

— Возможно. Это могло быть во сне. Ты могла ходить во сне. Это не значит, что она не пыталась дотянуться до тебя. Но я сомневаюсь, что ты прошла в другое измерение или нечто

подобное.

Мы рассмеялись от последнего, но натянуто. Мы обе знали, хоть другое измерение и звучало выдуманно, все было возможно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Следующие три дня без работы казались мини-каникулами, только я не могла радоваться им, как нормальный человек. Тело отекало и болело большую часть времени, потому я то лежала в кровати, то сидела. Когда я не спала или читала, я занимала кресло в гостиной как приклеенная и смотрела все, что смотрели сестра, мама или папа. Я не любила телевизор, но хотела быть с людьми, даже если они раздражали меня, даже когда мама заставляла меня смотреть «Бакалавра».

Я начала ненавидеть свою спальню. Там было странно одиноко и страшно. Я могла поклясться, что каждую ночь слышала, как кто-то шепчет мое имя из шкафа, и, когда я не была этим перепугана, меня терзала реальность произошедшего. Хотя я никогда не хотела ребенка, и его появление как-то разрушило бы мою жизнь, во мне боролись отчаяние и облегчение. Я то радовалась, что потеряла ребенка, то рыдала из-за того же. словно я расстраивалась из-за того, что могло быть. словно могла мечтать о «что если». Но я не позволяла себе думать, что именно за «что если» это было.

Вечером четверга Максимус связался со мной. Он извинился, что не позвонил раньше (из-за чтения для местной пары), и я извинилась, что не подумала об ответе насчет шоу. После случившегося возвращение в шоу было последней проблемой, и у меня не было сил думать об этом.

Он не сильно переживал из-за этого.

— Не спеши и подумай, милая, — сказал он по телефону. — Я хочу услышать ответ, когда я могу вывезти тебя в город?

Я сидела на диване, мама была на другом его конце, делала вид, что смотрит рекламу между частями «Топ-модели по-американски», хотя я знала, что она внимательно меня слушает.

Вопрос был хорошим. Я не была готова работать и иметь дело с людьми, не могла идти на свидание. Я пока не могла с этим справиться.

— Знаю, это звучит как отговорка, — начала я, отворачиваясь от мамы ради личного пространства, — но я болею. Я даже на работу не хожу.

— Болеешь? — протяжно сказал он. — Хочешь, я приеду и принесу тебе суп? Мама учила меня рецепту острого супа, который быстро прогонит простуду.

— Нет, все хорошо, — сказала я ему. — Я иду на поправку. Мне просто нужно немного отдохнуть.

— Ладненько, — сказал он. — Я знаю, когда меня отшивают. Но я так легко не сдамся.

— Я тебя не отшиваю, клянусь, — сказала я. — Хотя твоя настойчивость впечатляет.

— Милая, ты еще ничего не видела.

Я невольно улыбнулась и покраснела, когда поняла, что мама теперь пристально смотрит на меня.

— Давай, — продолжил он, — я позвоню тебе на следующей неделе. Дам время.

Я мысленно вдохнула. Он действительно был настойчивым. Я вспомнила, как в Рэд Фоксе он пытался уговорить меня уйти с ним и оставить Декса с оборотнями. Я не поддавалась тогда и старалась не поддаваться сейчас.

— Попробуй, — сказала я, пытаюсь сделать голос дразнящим, чтобы он не расстроился.

— Попробую. Спокойной ночи, миледи.

Щелчок в тишине, и я медленно нажала на кнопку, завершив звонок.

— Кто это был? — осторожно спросила мама. Ее голос был напряжен.

— О, — я пожала плечами. — Просто парень

— Декс? — ядовито спросила она. Я вздрогнула.

— Нет! — воскликнула я. — Не Декс. Думаешь, я глупая?

Она промолчала. Конечно, она так думала. Она видела, что со мной произошло.

— Это был Максимус, — объяснила я с вздохом, спрятав ноги под клетчатое одеяло. —

Я встретила его, пока мы были в Рэд Фоксе. Теперь он живет в Портленде.

— О, — сказала она. Она все еще смотрела с подозрением, но ее облегчение было заметным. Мои родители официально страстно ненавидели Декса. И я не могла винить их за этой.

Мне было все равно.

— Максимус хороший? — спросила она.

— Наверное. Он очень вежливый. В старом стиле. Тебе, наверное, понравится.

— Тогда можно как-нибудь позвать его за ужин.

Я опешила. Я потрясенно посмотрела на нее.

— Мы не встречаемся, мам. Он пригласил меня только что, но я точно не в состоянии идти куда-то, тем более, с... мужчиной.

— Но последнее твое свидание ничем таким не закончилось.

— С Брокком? Мам, он думает только о мышцах.

— Он казался хорошим молодым человеком.

— Ты его не встречала!

— Он заставил тебя похудеть.

— Мам... — предупредила я.

— Перри, — парировала она резким тоном. Ее внимание переключилось на шоу, где девушки, желающие стать моделями, грызлись между собой. — Ты красивая девушка. Ты могла бы быть в этом шоу, если бы сбросила достаточно веса...

— И подросла на восемь дюймов, — перебила я.

— И обрела немного уверенности. Ты заслужила хорошего мужчину. Надежного, заботливого, и...

— Спасибо, мама! — я закатила глаза.

— ...и любящего тебя. Нам с твоим отцом больно видеть тебя такой. Последние несколько месяцев ты словно... ходишь во сне. Ты сама не своя. Я рада, что ты нашла друзей на работе, но пора тебе найти нужного для тебя человека.

Я скрестила руки и пыталась сосредоточиться на лысой модели по имени Ракель.

— Вообще-то, мне всего двадцать три.

— Жизнь летит быстрее, чем ты думаешь, — закончила она тоном, который, к счастью, сообщал о завершении разговора.

Она продолжила смотреть шоу, тут же втянувшись в драму, а я думала, какой еще кошмар случится в моей жизни. Будто у меня без этого не хватало проблем.

Мысли о личной жизни преследовали меня и ночью, я ворочалась на кровати, не могла уснуть. Я сдалась, перекатилась и открыла глаза. Было 2:42, но мне повезло, что до работы оставался еще день.

Я вздохнула из-за своего беспокойства и дала глазам привыкнуть к полумраку комнаты. Уши улавливали разные звуки вокруг меня: тихий вой ветра снаружи, гудение моего

ноутбука, шум от моего телевизора.

Стоп, шум от моего телевизора?

Я медленно подвинулась и посмотрела на телевизор перед кроватью. Он был включен, красная лампочка слева внизу горела, но экран был почти черным, белый шум был в уголках.

Это было странно. Почему телевизор был включен? Я смотрела его внизу с мамой. Я не смотрела его здесь несколько дней.

Я потянулась к пульту на прикроватном столике, когда телевизор вдруг засветился серо-черным шумом потерянного сигнала.

Я вспомнила «Полтергейста». Сердце громко колотилось в груди.

Я направила пульт на телевизор и нажала кнопку, чтобы выключить.

Ничего не случилось.

Я нажала еще раз, изменив угол.

Все равно ничего не произошло. Шум стал громче, силуэт женского лица появился на экране, ее лицо было из дрожащих неровных черных, белых и серых линий. Я не могла разобрать ничего толком, кроме ее серых губ. Они двигались, словно лицо говорило.

Плохо дело.

Я выбралась из кровати и подошла к телевизору, словно он был пугливой ланью, направляя пульт на него. Я постоянно нажимала на кнопку выключения, подходя ближе, но тщетно. Я собиралась выключить его вручную.

Я была перед экраном, рука тянулась к кнопке в левом нижнем углу, когда лицо задвигалось. Я застыла, глядя на пляшущий экран. Губы открылись.

— Перри! — завопило лицо на экране.

Я закричала в ответ. Я ударила по кнопке кулаком, но ничего не произошло.

Телевизор снова прокричал мое имя, голос звучал из колонок.

Я быстро склонилась, схватилась за провод и выдернула его из розетки.

— Помоги! — закричал телевизор, голос был похож на мой. Телевизор уже не был подключен, но все еще кричал.

Я добралась до двери и открыла ее, помчалась по темному коридору, который освещал только ночник у двери ванны. Я бежала к комнате Ады, чуть не сорвала ее дверь и забралась в ее кровать.

— Ада! — кричала я в темноте, обвив ее руками. — Мой телевизор одержим!

Я замерла, сказав это. Ада ощущалась иначе. Она была... жесткой. Под простынями что-то холодное, твердое и острое коснулось меня, это были не ее ноги.

— Ада? — прошептала я в ужасе, неприятное ощущение поднималось по горлу.

То, что я держала, задрожало, словно смеялось.

Грубый выступ погладил мою ногу.

А потом включился свет, и я ослепла в море желто-белого.

— Что такое?

Я прищурилась в сторону голоса и увидела размытый силуэт Ады у ее двери, рука была на выключателе, другая прижималась в груди, сминая кофту пижамы.

— Боже, Перри, ты меня перепугала! Что ты делаешь?

Я посмотрела на ее кровать. Я обнимала подушки.

— Не знаю. Я... мой телевизор... он говорил...

— Как и телевизор внизу.

Я села, она подошла ко мне. Она была в полосатой дизайнерской пижаме, ее волосы

торчали в стороны, как у безумного ученого.

— Что? — спросила я, потирая виски и пытаюсь понять происходящее.

— Я проснулась, потому что услышала включенный телевизор внизу. Не знаю, всегда ли он так. Ты ведь его выключала, когда вы с мамой шли спать?

Я кивнула.

— Да. Я помню. Но мой телевизор тоже сам включился.

Она успокоилась, мы поделились своими историями. Но вот я успокоиться не могла. Я четко помнила, что сжимала не ее подушки пару мгновений назад.

— Может, в доме был всплеск энергии, — сказала она, понизив голос, чтобы не будить родителей.

— Почему тогда телевизор бы включен, хотя я выдернула провод? — со страхом спросила я.

— Не знаю. Уверена, такое возможно.

— Идем, — сказала я, встав с кровати и потянув ее за рукав. — Я тебе покажу.

Мы прошли в мою комнату, но, хоть телевизор был отключен, как я его и оставила, он не светился.

— Он произносил мое имя, — сказала я, глядя на нее, пытаюсь убедить.

— Ты, наверное, не проснулась тогда, — сказала она.

— Я не спала.

— Может, спала. Я не знаю, Перри. Ты многое прошла. Ты еще и посмотрела кучу выпусков «Топ-модели». Все вместе может вызывать кошмары.

Она оставила меня в комнате. Большая эгоистичная часть меня хотела молить ее остаться со мной, пока я не усну, но я знала, что утром ей в школу, а я могла поспать. Я собиралась принять что-нибудь для сна.

К счастью, на прикроватном столике оставалось немного «Никвила», и сон унес меня раньше, чем злой телевизор включился снова.

* * *

На следующий день я выбралась из сна от «Никвила» и заставила себя немного позаниматься. Я несколько дней не покидала дом, мое тело уже работало лучше. Я еще не могла бегать, внутренности порой болели, но я могла пройтись вдоль реки.

День был прекрасным. Солнце тускло светило из-за тонкого слоя тумана, что окутал реку и верхушки деревьев легкой тканью, но свет красиво плясал, и в воздухе ощущалась весна. Было приятно пройтись, а не спешить куда-то. Я неспешно наслаждалась природой, обращала внимание на прозрачные пруды у реки, где под водой сновали тени рыбок, на тонкие деревья, чьи ветви уже были с зелеными почками. Я вспомнила, как в детстве притворялась, что я в стране фей.

Когда я вернулась домой, мне было уже лучше, я ко всему относилась позитивнее. Одно меня тревожило в последние дни — что будет из-за того, как много дней работы я пропустила. Конечно, я не просила оказаться в больнице, но тут мое отсутствие ощущалось. Я знала, что Эш и остальные работали за меня (я говорила с Эшем, и он сказал, что все хорошо), но это не помогало мне в моем задании найти работу на полную ставку. Проблемы

со здоровьем делали вас не самым лучшим работником.

Но у меня был план. Я собиралась пойти на работу и трудиться очень усердно. Я приму миллион таблеток от боли, если потребуется, я только хотела доказать, что на меня можно положиться, что я могу работать. Да, это была лишь глупая работа бариста, но пока я могла только так пробивать свой путь, чтобы уйти из дома родителей и не слушать их тревоги о том, что их ребенок станет старой девой.

Я была почти у дома, когда увидела снова соседку с ее лабрадором Чирио. Я помахала ей и помахала собаке (а как иначе), широко улыбнувшись.

При виде меня пес застыл на месте, чуть не сбив хозяйку с ног. Он смотрел на меня, его лапы напряглись, как доски, и немного подрагивали.

Я оглянулась, чтобы понять, нет ли рядом другой собаки или зайца, но ничего такого не было.

— Чирио! — возмутилась соседка. — Идем. Это просто Перри.

Она пыталась тянуть за поводок, но пес не двигался. И только губы раздвинулись, открывая идеально белые острые зубы.

Низкое рычание вырвалось из его пасти. Казалось, я его ощущаю телом.

— Чирио, что... — начала она.

Она не успела закончить, пес прыгнул, вырывая поводок из ее рук, и хозяйка упала на колени на бетон. Она закричала от боли, а пес бежал ко мне.

Чтобы убить.

Я развернулась, не мешкая, и побежала к дому, не обращая внимания на боль в боках, я просила ноги двигаться сильнее, бежать быстрее.

Я добралась до двери и услышала рычание рядом. Я захлопнула дверь, и Чирио врезался в нее телом. Я упала в фойе, а дверь открылась, ведь я не успела запереть ее.

Чирио тоже упал, на миг мы оба были на земле, смотрели друг на друга как хищник и добыча. А потом мы встали, и нас разделяла только открытая дверь.

Я добралась до нее первой, надавила весом, удерживая на месте, Чирио снова и снова врезался в дверь, и я сотрясалась от этого.

Я прижималась к двери, пока не смогла запереть, пальцы путались в цепочке. А потом я сжалась в комок у лестницы и плакала, пока родители не пришли домой.

* * *

— Ты не притронулась к пюре, милая, — мягко сказала мама, указывая на горку, от которой шел пар. Она выглядела так же аппетитно, как отходы альбиноса.

Мы ужинали, но я из-за случая с Чирио есть не хотела, хотя пюре и курица с пармезаном были среди моих любимых блюд. Я могла лишь гонять еду по тарелке, ощущая напряжение и подавленность одновременно.

Папа громко вздохнул и сцепил ладони, его короткие пальцы были в старых пятнах от чернил. Он опустил на них подбородок и смотрел на меня поверх толстых линз очков.

Я насмешливо посмотрела на него.

— Что теперь?

Его глаза тут же сощурились, но он сдержал себя в руках. Ссоры с ним до добра не

доводили, но мне было плохо, и я устала от того, что все смотрели на меня, как на психа. Они и раньше так делали, а теперь стало только хуже.

— Мы все переживаем за тебя, — осторожно сказал он и посмотрел на Аду, чтобы узнать, против ли она. Но она была тихой, я видела, что она тоже беспокоится.

— Я тоже тревожусь, — призналась я. — Обычно животные меня любят.

Он вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Перри, ты просто как-то разозлила ту собаку.

— Как? — воскликнула я. — Я просто помахала.

— Помахала собаке?

— Я всегда машу собакам! И всегда машу Чирио. Спроси соседку.

— Мы спросили бы, но она еще в больнице из-за колена. Это ее больное колено, ты знаешь.

— Нет, не знала, — я недовольно отодвинула тарелку. Она загремела по твердому столу. — Откуда мне знать? Не моя вина, что ее чертова собака сошла с ума.

— Перри! — возмутился он. Напряжение в комнате повысилось. — Мы не произносим это слово дома.

— Чертова? Черт? — повторила я. — Почему, черт возьми? Думаешь, бог тебя за это накажет? Поджарит как этот кусочек бекона?

— Перри, ради бога! — закричала мама, ее голос дрожал от страха и гнева.

Я смотрела на свою семью, на их напряженные лица и кипела от гнева. Не знаю, что произошло, но я словно теряла контроль. Не только над эмоциями, но и над собой, над телом и разумом, словно во мне было два человека. Пугало то, что в чем-то я это даже ощущала.

Я глубоко вдохнула носом и закрыла глаза, пытаюсь взять себя в руки.

— Простите, — пробормотала я. — Не знаю, что на меня нашло.

Тишина. Я открыла глаз, увидела, как родители переглядываются. Ада посмотрела на меня большими глазами и похлопала меня по руке.

— Не переживай, чудик, — сказала она с улыбкой. Она посмотрела на мою ладонь и вскинула бровь. — Ого, в кои-то веки у тебя хорошие ногти.

Я нахмурилась и посмотрела на пальцы. У меня были хорошие ногти. Они были длиннее обычного, идеальной формы и покрытые блестящим коралловым лаком.

Комната начала медленно кружиться.

У меня никогда в жизни не было розовых ногтей. У меня даже лака такого не было.

— О, красиво, Перри, — добавила мама, радостно сменив тему. — Твои ногти обычно выглядят жутко.

Я убрала руку из хватки Ады и подняла к лицу. Это же была моя рука? Она соединялась с моим телом, на ней были следы шрамов от времени, когда я была подростком-эмо, решившим, что царапать себя булавкой — хорошая идея. Я подергала за края ногтей, чтобы понять, мог ли кто-то наклеить эти ногти в шутку. Но они были настоящими, были на моих пальцах, хотя я не помнила, чтобы так их красила.

— Что не так? — спросила Ада.

Я покачала головой, подавив смятение.

— Ничего, — выдавила я. — Просто... не помню, откуда этот цвет. Это твой?

Ада ближе посмотрела на мои ногти.

— Нет, эти слишком оранжевые. У меня есть такой оттенок, но с блестками.

Я с надеждой посмотрела на маму. У нее был идеальный французский маникюр.

— Не мой, — сказала она. — Но я бы себе такой взяла.

Я кивнула и посмотрела на ногти. Все вокруг меня кружилось, пока я думала. Когда я могла это сделать? Как я могла забыть такое? Это не было значительным, но это не могло просто забыться. И откуда этот цвет? Я не помнила, чтобы покупала его. Еще и розовый? Фу.

Такое бывало с пьяными. Может, я отключилась от «Никвила» или пока была на лекарствах в начале недели. Но это не объясняло, откуда вообще взялся лак. Может, я ходила во сне в круглосуточный магазин за лаком?

— Может, ты откроешь новую страницу, — сказала мама, изящно жуя салат. — Было бы мило, если бы...

Ее перебили три удара в дверь. Мое сердце сжалось в груди. Я заметила испуганное лицо Ады и поняла, что она ощущает то же самое.

Папа нахмурился, недовольный, но не встревоженный, и поднялся, бросив салфетку на стол.

— Я посмотрю, кто это, — проворчал он и ушел в коридор. Я смотрела на маму и сестру, те склонились вперед с напряженными плечами.

Мы услышали, как папа снимает цепочку и открывает дверь.

— Кто здесь? — его профессорский голос загредел в ночи. — Покажись.

Пауза, а потом послышались его шаги по крыльцу. Он вернулся в дом и тихо закрыл за собой дверь.

Он пришел в комнату, качая головой и сжимая что-то в руках.

— Что там? — спросила я.

Он остановился перед нами и поднял пару миниатюрных голубых ботиночков, они были соединены нитью с узелком, как для новорожденного. Жуть.

— Я нашел их на горшке с цветком, — объяснил он. Ботиночки на нити свисали с его пальца и танцевали от движения, словно издевались надо мной.

— Фу, пап, — Ада скривилась и заслонила лицо. — Убери их от стола.

Мама согласилась, сказав, что неизвестно, чьи они.

Только на меня это повлияло сильнее. Я была в ужасе, пока папа не бросил их в урну. Крышка закрылась со стуком, но мое сердце не успокаивалось.

Кто-то идиотски шутил? У меня был выкидыш, и вдруг пара детской обуви появилась на крыльце. Но кто еще, кроме моей семьи, знал о моей ситуации, кто мог так сделать?

Я поежилась и поспешила уйти из-за стола. Мне было все равно, что подумали родители. Аппетит окончательно пропал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я проснулась в странном темном месте. Подо мной не было подушки или матраса. Вместо этого я лежала на чем-то неровном, что царапало мои голые руки и щекотало ноги сзади.

Я осторожно села, холодный ветерок вился вокруг меня, и от этого подпрыгивали волосы. Я была в лесу, заполненном сине-зеленым сиянием. Вокруг меня проносились светлячки, танцуя друг с другом.

Крик ребенка разрушил тишину среди деревьев, и я тут же вскочила с земли, покрытой мхом, и пошла по неровной поверхности, пока не попала в темную часть лесной чащи. Я пошла по узкой пугающей тропе, пригибаясь из-за низких веток, что словно тянулись ко мне. Я была уверена, что, если посмотрю вверх, увижу глаза деревьев, следящие за моими движениями. Я почти слышала, как глаза двигаются на коре.

Я шла и шла вечность, пока не попала на поляну. Мужчина сидел на бревне в центре, огонь ярко горел перед ним. Он был спиной ко мне и держал что-то в руках, смотрел на это и говорил порой что-то на языке, который я никогда не слышала.

Я замерла на половине пути, и мужчина поднял голову. Я убедилась в правильности своих подозрений. Это был Декс в линялой серой кофте. И он знал, что я здесь.

— Перри, — сказал он. Его низкий голос звучал так, словно в него добавили металла.

Я пошла вперед, обогнула бревно и оказалась между ним и огнем. Он не посмотрел на меня. Его внимание было сосредоточено на том, что он держал в руках. Я не видела его толком, потому что это было укутано в белую ткань, но я понимала, что это явно был ребенок, который кричал раньше.

— Хотел бы я, чтобы он был нашим, — отметил Декс, отсутствие эмоций звучало зловеще. — Возьми.

Он протянул сверток, и я осторожно обхватила его руками. Я отогнула край ткани. Внутри была лишь грудa сырой плоти, что хлюпала возле меня. За секунды гадкая кровь пропитала сверток и полилась потоками с моих рук.

— Разве она не прекрасна? — спросил Декс и поднял голову. Его глаза были мертвыми, белыми, словно у мраморной статуи.

— В чем дело?

Голос папы прогремел из-за деревьев, и я вдруг увидела искусственный свет. Я скривилась от яркости, а потом открыла глаза.

Я стояла посреди кухни в шортах и рваной футболке с концерта. В моих руках был большой кусок мяса, кровавого и сырого. Кровь стекала по моим рукам и ногам, окрашивая их в розовато-красный, лужа собралась у моих ног.

Я развернулась и посмотрела на отца, стоявшего у холодильника с рукой на выключателе. Его глаза расширились при виде меня.

— Перри... что ты творишь?

Я посмотрела на кусок мяса. Я понятия не имела, что произошло. Я была в лесу, а тут оказалась с куском мяса на кухне.

Я ходила во сне.

Папа открыл шкаф и достал тарелку, заставил опустить мясо туда. Оно упало с неприятным хлюпаньем.

— Ты хотела что-то приготовить? Но сейчас середина ночи, — отметил он с опаской, убирая тарелку на стол и протягивая мне бумажные полотенца. — Боже, ты ела его сырым?

Он коснулся моей щеки. Мое лицо было влажным вокруг рта. И тут я заметила вкус крови и мяса на языке. Похоже, ела.

Волна отвращения накрыла меня, и я едва успела склониться над рукомойником, меня стошнило в него.

Я слышала, что папа что-то ворчал. Он быстро покинул комнату. Мне было все равно, что я пачкаю кухню, мне нужно было вывести из себя этот яд.

Он вернулся пару минут спустя с мамой. К тому времени тошнить мне уже было нечем.

— О, Перри, — сказала мама при виде меня.

Я помахала рукой, вытирая подбородок. Я включила воду, чтобы смыть рвоту, стараясь не смотреть на нее, чтобы приступ не повторился. А потом я умылась холодной водой и вытерла грязным полотенцем.

Я глубоко вдохнула, содрогнувшись. Я была слабой и, что удивительно, голодной. Я развернулась и посмотрела на родителей. Они молчали, и я могла лишь представлять, что они думали. Они были близко друг к другу и далеко от меня, и я ощущала себя одинокой. Я знала, что мама порой боялась меня, но теперь они боялись вдвоем, и, возможно, это было оправдано.

Казалось, я сходила с ума.

* * *

— Ох, мисс. Я не это заказывал.

Мужчина произнес худший кошмар любого баристы.

Я выглянула из-за кофе-машины и посмотрела на злодея. Это снова был противный Ларри. Я даже знала его имя, а он все еще называл меня «мисс». Может, это доказывало, что он злил меня сильнее, чем я его.

Я вдохнула и сверкнула ему, как я надеялась, виноватой улыбкой. Это был мой первый день на работе, и все, что могло пойти не так, шло не так. Утро я провела за легким заданием, разбирала товар на складе, но Шэй ушла, и меня вывели в главный зал, где царил хаос. Я путала заказы, рывкала на людей и словно прорывалась сквозь грязь, делая самые простые вещи.

А еще случалось так, что я начинала молотить зерна для кого-то, а потом оказывалась у стола с тряпкой и не помнила, как перешла к этому делу. С такими моментами Ларри был лишь пустяком.

— Мне очень жаль, Ларри, — сказала я, подчеркивая имя. — Я сейчас сделаю другой.

Я быстро сделала другой напиток, хотя в самом разгаре был обед, а без Шэй за работой остались лишь Эш, Микеала и я. Я чувствовала на себе мрачный взгляд Микеалы, она записала заказ на бумажном стаканчике и опустила рядом со мной. Она долго привыкала ко мне. Ей всегда нравился Эш, и теперь я понимала, почему раздражала ее.

Я попыталась подавить волнение и сделать правильный напиток, глубоко дыша носом при этом. Когда я нервничала, я ошибалась еще больше, а потом паниковала. Не стоило еще паниковать из-за кофе.

Я вручила Ларри правильный (и ужасно выглядящий) напиток и извинилась. Он вскинул голову и ушел. Обычно это означало, что все в порядке.

— Снова грезишь? — спросила Микеала едва слышно, пройдя мимо меня, чтобы что-то взять. Я не мечтала. Я спала на ногах, пыталась прояснить голову и собраться с мыслями. Мне все еще было нехорошо, и с каждым часом, проведенным в магазине, становилось только хуже. Понимаете, ощущался запах туалета, он напоминал мне об испорченном мясе, и это плохо сочеталось со случаем с мясом ночью. И я поспала всего два часа с помощью «Никвила», а потом начала приводить себя в порядок.

— Эй, она вернулась, это важнее, — прокричал Эш, пока шумела кофемолка, он готовил кому-то пачку свежемолотого кофе.

Микеала рада этому не была, и это укрепило мою уверенность в теории. Микеала выглядела неплохо. Она была высокой, почти без груди, но с изящным фарфоровым личиком, пока не морщилась, глядя на меня. Она была забавной, и я надеялась подружиться с ней. Но я вела себя так, словно долго задерживаться здесь не собиралась.

Я благодарно улыбнулась Эшу. Нужно было его поблагодарить. Я не хотела обнадеживать его, хотя моя ненависть к мужчинам на него не распространялась, но он сильно меня поддерживал, как и Ада.

— Большой, горячий латте с карамелью без сахара, не размешивать, — рявкнула Микеала, записав еще один заказ и опустив чашку в ряд. Я быстро заметила клиента, мужчину в свитере и хипстерских очках, и приступила к выполнению заказа.

Я подошла к столу с сиропами, но не могла найти карамель без сахара, что было странно, ведь я использовала его не меньше трех раз за последние полчаса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я склонилась и сосредоточилась, разглядывая каждый ярлычок. У нас была ваниль, ваниль без сахара, мята, мята без сахара, карамель, миндаль, миндаль без сахара, лесной орех и корица. Карамели без сахара не было.

— Секундочку, — я подняла палец мужчине и склонилась к шкафчику у ручкомойника. Эш стоял рядом со мной, вытирая кофемолку.

— Что ты ищешь? — спросил он.

— Карамель без сахара. Я только что использовала ее, но теперь ее нет, — сказала я и потянулась к концу шкафчика. Я выгащила бутылку, но это была ваниль, как и всё остальное.

Я посмотрела на Эша.

— Он кончился?

Он посмотрел на стол с сиропами и нахмурился.

— Разве он не там?

Я повернула голову. У машины, на виду, отдельно от остальных стояла бутылка сиропа с затертой этикеткой.

Я вернулась к своему рабочему месту и схватила бутылку. Это была карамель без сахара. Она все время была передо мной, как я могла ее не увидеть?

— Перри, — тихо прорычала Микеала, опустив еще два стаканчика. Ряд перед ней рос. — Что за задержка?

Я не могла ответить ей. Я посмотрела на бизнесмена, ждущего свой напиток, отвлеченно листая газету.

— Простите, — обратилась я к нему. Он оглянулся, а потом подошел.

— Да?

Я указала на сироп.

— Он все время был здесь? Вы его сюда поставили? Или он был здесь все время?

Он вытянул шею, глядя на меня сквозь очки.

— Прошу прощения?

— Я просто хочу знать, схожу я с ума или нет, — выпалила я. — Потому что его там не было секунду назад, а теперь он есть. Объясните это.

Я услышала, как Микеала резко вдохнула.

— Вы обвиняете меня в краже сиропа? — спросил мужчина удивленно. И громко. Наверное, весь магазин повернул головы в нашу сторону.

— Нет, — сказала я, краснея. Но мне казалось, что он прятал сироп от меня. Я видела его лицо, когда он подошел сделать заказ, и он выглядел так, словно задумал эту пакость. Пока я не смотрела, он мог взять сироп, чтобы подставить меня, а потом вернуть. Заставил меня тратить время. Выглядеть безумной.

— Я просто хочу напиток. Пожалуйста, — добавил он с фальшивой вежливостью.

— Вы ничего не получите, пока не извинитесь, — сказала я.

Повисла тишина. Стало так тихо, что я слышала, как трепещут уголки его газеты от волн шока, в который я его повергла. Я сама не могла поверить в это, но и остановиться не могла.

— Перри, по-моему, ты себя плохо чувствуешь, — сказала Микеала, положив ладонь на мою руку и крепко сжав.

Я пронзила ее взглядом и вырвала руку из ее хватки.

— О, не нужно меня успокаивать, — сказала я. — Я знаю, когда меня пытаются выставить душой. Он как раз это и делает. Я ему не нравлюсь. Он думает, что я неуравновешенная.

Кто-то в дальнем конце магазина издал смешок, кровь закипела в моей голове. Я найду того, кто сделал это. Найду и убью.

— Перри, — раздался сзади голос Эша. Он был тихим и дрожащим. — Можно поговорить с тобой секундочку, Перри?

Он спрашивал так вежливо, так... испуганно, что это пронзило меня насквозь.

И я поняла, что делала. Я ругалась с клиентом из-за бутылки сиропа.

Все словно замедлилось, я смотрела на злое потрясенное лицо Микеалы, ее рот был раскрыт от шока, я видела, как пальцы хипстера крепко сжимали его газету, я видела, как солнечное лицо Эша помрачнело от страха, может, жалости, и я видела себя с красным лицом, злящуюся из-за того, чего не было.

Я смотрела на всех, безликую размытую толпу, а потом развернулась и убежала в кладовую. Эш пошел за мной и пытался успокоить, пытался понять, что я делала, но не мог оставить Микеалу там одну, а помочь мне ему не удавалось. Я не могла объяснить ничего, кроме того, что была не в себе. Мне было плохо. Я могла лишь держаться подальше от людей, а после быстрого звонка Шэй меня отправили домой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поездка домой была ужасной. Нет ничего хуже, чем ехать в дождь, это бесило, хотя я думала, что уже привыкла к этому, живя здесь. Но погода подходила к моему настроению, к уровню поражения, которое я ощущала после случая с клиентом.

Как я могла быть такой беспечной и позволить эмоциям овладеть мной? Я вела себя вне своего характера, поддавалась паранойе, что со мной что-то не так. Я не могла сосредоточиться, взять себя в руки и быть в реальности. Даже поездка домой, во время которой холодный дождь и ветер хлестали меня, ощущалась так, словно происходила с кем-то другим.

Я позвала маму, но ее не было, и я пошла наверх в свою комнату. Каждая ступенька передо мной была горой, но я добралась до кровати.

Я какое-то время лежала на спине и смотрела на потолок. Я онемела и была рада этому. Я знала, что под поверхностью бушует ураган эмоций, ждет выхода наружу. Мне нужно было лишь подумать, как я испугана, как одинока. Мне нужно было лишь пожелать, чтобы рядом был кто-то, понимающий, что со мной не так, и пытающийся это исправить. У меня было это раз, и больше не будет. Если я подумаю об этом, слезы потекут бесконечным потоком, так что я прогоняла мысли.

Перекатившись на бок, я заметила брошюру, которую мама принесла из больницы, на прикроватном столике. Я подняла ее и полистала. Она была о выкидышах и процессе восстановления, была полна кривых рисунков. Я была удивлена, что заголовком было не «О, так у вас выкидыш!».

Я не знала, было ли ощущение потери времени и ссоры с клиентами побочными эффектами. Упоминалось сильное кровотечение и боли, но это прекратилось пару дней назад. Наверное, мне повезло, что моя беременность (все еще странно было так это называть) была недолгой. Хотя ничто в моей жизни уже с везением связано не было.

В брошюре упоминалось, что каждая женщина реагировала по-разному. Некоторые были расстроены и скорбели из-за потери. Другие не переживали. Я все еще не была уверена, что чувствую, но знала, что мое тело восстанавливалось быстрее разума. Порой мне казалось, что я даже не знала, кто я теперь.

Даже хотя был еще день, и солнце тускло пробивалось среди туч и попадало лучами в мое окно, я уснула со слезами в уголках глаз, и брошюра осталась открытой передо мной. Когда я проснулась, было почти темно. Тучи вернулись, ветер ударял по окну каждый пару секунд. Холодный воздух заполнил комнату, и я сильно дрожала, укуталась в одеяло плотнее.

В дверь постучали, но я не успела запаниковать, она открылась, показав Аду.

— Я не знала, что ты дома, — сказала она с порога, ее озарял свет из коридора.

— Я задремала. Холодно, да?

Она пожала плечами. Она была только в леггинсах и кружевной тунике.

— Чего ты хотела?

— А? — спросила я.

Она скрестила руки.

— Мне нужно готовиться. У меня свидание с Лейтоном. Что такое?

Я нахмурилась.

— Не знаю, о чем ты.

— Ты мне только что звонила, — нетерпеливо сказала она.

— Нет. О чем ты?

— Звонила, — она странно посмотрела на меня. — И просто орала: «Ада, Ада, Ада».

Я села.

— Не-е-ет. Я спала.

Она вскинула бровь.

— Спала и писала сообщения?

— Что?

Она вздохнула и подошла к кровати, включила лампу у кровати. Я смотрела, как Ада открывает сообщения. Она указала на экран своего телефона тонким пальцем.

— Смотри.

Я посмотрела. Там было сообщение от меня, где говорилось «Ада, приходи, ты мне нужна», и ее ответ «Скоро буду». Я точно этого не отправляла. Время говорило, что оно пришло три минуты назад. Я спала и была уверена, что мой телефон в сумочке у кровати.

Я сказала это Аде, и она принесла сумочку. Телефон был там, как я и думала, но, когда мы проверили сообщения, оно было в исходящих.

— Ты не помнишь, как отсылала это? Ты не помнишь, как звала меня? — спросила Ада. Она звучала спокойно, но я видела по ее бровям, что она начинает беспокоиться.

Я хотела бы соврать и сохранить лицо, но не могла.

— Нет, не помню. И я не помню, как до этого выкрасила ногти в другой цвет.

— Может, ты ходишь во сне. И пицешь во сне. И красишься во мне.

— А что потом? — проворчала я. Жизнь все сильнее выходила из-под контроля с каждой минутой.

— Не знаю, — сказала она, выпрямившись и сунув телефон за пояс леггинсов. — Главное, не начинай трахаться во сне.

— Ада! — возмутилась я.

Она улыбнулась и пожала плечами, радуясь, что задела меня.

— Так ничего нет?

— Теперь уже есть. Я делаю что-то, а потом не помню! Вы идете в кинотеатр сегодня?

Она прикусила губу.

— Я хотела бы пойти. Я не была с Лейтоном вне школы за эту неделю.

— Я думала, ты собиралась порвать с ним, — сказала я.

— Может, это я и делаю, — сказала она мне.

Я кивнула. Я не собиралась мешать ей жить из-за своего страха. Ада могла только отвлечь меня от происходящего. И помешать трахаться во сне. Боже упаси.

Она положила теплую ладонь на мое плечо и сжала. А потом замерла, глядя на мое лицо.

— Что с твоими глазами?

Неприятный страх сдавил мышцы моей спины.

— Глаза? — я медленно покачала головой. Голос дрожал. — Что там?

Она склонила мою голову, чтобы лучше падал свет, и посмотрела прямо мне в глаза. На ее лице появился испуг.

— Что там? — безумно спросила я.

— Зрачки... огромные. Ужасно большие. У тебя словно глаза акулы. Ты что-то

принимала?

Страх растекся по моей спине. Я вскочила с кровати, чуть не запутавшись в одеялах, и подбежала к зеркалу.

Я вскрикнула, комната закружилась. Я схватилась за край туалетного столика и поглядывала на свое лицо. Я не могла смотреть прямо.

Глаза точно напоминали акульки. Зрачки были такими огромными, что только тонкое кольцо цвета окружало их. И ужаснее, страшнее, страннее всего было то, что цвет был не голубым. А карим. Золотисто-карим.

— Они карие! — закричала я.

— Что? — Ада подошла ко мне и еще раз осмотрела. — Нет, они голубые. Но жуткие.

Я посмотрела в зеркало. Зрачки все еще оставались огромными, но кольцо цвета теперь было васильково-голубым. Карий пропал. Может, этого и не было.

— Что ты принимала? — спросила она. — Ты обещала, что наркотиков больше не будет, Перри.

Я была потрясена и оскорблена ее обвинением. Я хотела зло возразить, но видела, как больно ей даже думать об этом.

Честно глядя на нее странными глазами, я сказала:

— Я ничего не принимала, Ада. Я не трогала наркотики уже давно. Не трогала. И ничто не принимала. Даже те болеутоляющие.

Она не спешила верить мне. Я не винила ее. Я жутко себя вела, когда была в ее возрасте. Я была глупым подростком.

— А если ты принимала их во сне? — тихо сказала она.

Я посмотрела на свое жуткое лицо в зеркало и пошла мимо нее к шкафу.

— Смешно. Где бы я взяла наркотики?

— А где ты взяла лак для ногтей?

— Наверное, купила в «Волгринс», — сказала я, глядя на нее, — рядом с лавкой с кокаином.

Я надела футболку и толстовку и вернулась в кровать. Ада все еще смотрела на меня.

— Ты не уходишь? — спросила я, ее общества мне уже не хотелось.

— А ты будешь в порядке? — спросила она.

— Я не под кайфом, — заявила я недовольным тоном.

— Если ты так говоришь, — ответила она. — Звони, если что-то понадобится. Только проверь, чтобы ты была не во сне при этом.

Она сочувственно улыбнулась и покинула комнату, закрыв за собой дверь.

— Опекающая коза, — проворчала я странным голосом. Я быстро зажала рот, боясь того, что вылетит. Я не хотела это сказать. Я даже так не чувствовала. Или нет?

Мне нужно было отвлечься. Чем больше я думала о случившемся, о своих чувствах, тем страшнее мне было. Во мне словно спорили две части. Одна была подлой и хотела поступать ужасно с Адой, Эшем и моими родителями. Другая была боязливой, трусливой. И подлая сторона могла вот-вот победить. Я стану мистером Хайдом.

Я подняла пульт и включила телевизор. Он был подключен, но я не смотрела его после того случая. Ужас покалывал мое сердце в предвкушении, что случится что-то необычное, но все выглядело нормально. Шла серия «Друзей», где Росс и Чендлер должны были развернуть диван, из колонок звучал смех. Я невольно посмеивалась, устроившись в кровати, решив провести вечер за просмотром сериалов. Я не помнила, когда в последний раз так делала,

бездумно развлекалась.

После двух серий «Друзей» и двух серий «Фрейзера» я услышала, что подъезжает машина папы, и меня охватило облегчение. Я невольно была напряжена, несмотря на гримасы Найлза Крэйна.

Я услышала, как открылась входная дверь, мама что-то сказала ему. А потом я услышала их шаги по дорожке, двери машины закрылись.

— Не-е-ет! — закричала я и подбежала к окну. Джип папы отъезжал, мама была на пассажирском месте. Они выехали на улицу и пропали во тьме за деревьями. — Блин, — выдохнула я. Они, наверное, отправились к друзьям или на ужин, но это означало, что я осталась одна в большом доме на неизвестный срок. Ветер бушевал снаружи, от холодных порывов содрогались окна, и это ухудшало ситуацию. Я не хотела оставаться одна.

Я пыталась вернуться к просмотру сериалов, но уже не могла. Я оставила телевизор, чтобы голоса заполняли тишину, но разум не успокаивался. Я прогоняла события дня в голове раз за разом и задумывалась, что будет дальше.

Двадцать минут спустя началась старая серия «За гранью возможного». Это мне точно не нужно было смотреть. Я решила переключить, схватила пульт и сбила брошюру с кровати. Она упала с тяжелым стуком на пол. Странно. Там было пару страниц, она была легкой как перышко.

Я посмотрела с края кровати и увидела, что брошюра торчит под странным углом, словно под ней что-то было. Я с любопытством подняла ее.

Синие детские ботиночки были под ней на полу.

Я выронила в тревоге брошюру и отскочила на кровати, сердце колотилось. Я нервно вцепилась в толстовку и пожелала, чтобы родители были дома.

Что происходит? Ада принесла их? Я выглянула. Ботиночки были чистыми и новыми, ждали ножки новорожденного. На них не было следа пребывания в урне, но я знала, что они там были. Я видела, как папа бросал их туда, я бросала пустую пачку от апельсинового сока на них утром. Я могла спуститься и проверить, но не хотелось покинуть комнату, хоть и сомнительно безопасную. Не важно. Как-то они нашли меня снова, и я вряд ли могла сбежать. Шестеренки вставали на место, я поняла, что кто-то или что-то получило задание напугать меня. Это было не в моей голове. Просто не могло быть.

Родители уехали, Ада была на свидании, и у меня было не очень много вариантов. Но я могла позвонить Максимусу, и я так и сделала.

Я схватила телефон со стола, держась подальше от ботиночек, ведь они могли начать двигаться, и быстро набрала его номер.

— Перри, — тепло ответил он.

Его голос пробудил во мне надежду.

— Привет, слушай, что ты сейчас делаешь?

— Сейчас? — осторожно повторил он. Я задержала дыхание, боясь, что у него уже есть планы. Я так боялась, что все равно постаралась бы убедить его.

— Да, я бы хотела побыть в компании. Мне нужно уйти из дома, — я старалась говорить как можно спокойнее, но не получалось.

— У тебя проблемы? — спросил он, перейдя к делу.

— Не уверена, — честно сказала я.

— Я сейчас буду. Где ты живешь?

Я сказала ему и закончила разговор. Я знала, что если Максимуса позвать, он прибудет.

Я полчаса прихорашивалась. Не знаю, с чего я взяла, что иду на свидание, ведь он просто спасал меня от безумия, но с такой точки зрения мне было не страшно, в животе появились бабочки. Хорошо было то, что, когда я набралась смелости заглянуть в зеркало, отражение уже не было демоническим. Мои глаза стали нормальными, и я скрыла бледность тональным кремом.

Я рылась в шкафу в поисках одежды, но не могла принять решение, пока не заметила лиловое платье. Почему-то меня тянуло к нему, и я надела его.

Я посмотрела в зеркало. Было неожиданно видеть себя в таком цвете, но он сочетался с моими черными волосами и бледностью. Я выглядела как девушка, и мне в этот раз нравилось. Это было странно естественно. Я надела леггинсы и черные ботинки, чтобы сравнить образ, и вытащила кардиган из шкафа, когда услышала гудение машины у дома.

Внизу стоял красный грузовичок старого стиля, пыхтел выхлопной трубой среди холодных порывов ветра. Максимус оставил грузовик заведенным и выбрался. Я быстро постучала в окно, чтобы сообщить, что выхожу, а потом схватила сумочку и пошла к двери.

Я замешкалась у дверной ручки. Ладони покалывало, как было, когда думаешь, что тебя ударит током. Я не боялась этого. Но я вдруг испугалась, что попытаюсь открыть дверь комнаты, и что-то на другой стороне не выпустит меня.

— Тогда я выпрыгну в окно, — сказала я вслух, чтобы запугать то, что могло быть просто моим воображением.

Я бы так сделала. Крыша под моим окном была с небольшим склоном, дуб рос на углу дома, и было легко пересечь ее и слезть по дереву. Так я часто сбегала, когда училась в старшей школе.

Но сейчас время было неподходящим. Я глубоко вдохнула и схватилась за ручку. Дверь легко открылась, и я поспешила по коридору к входной двери. Свет горел, было не так жутко, но я не хотела проводить и секунды в этом доме.

Я выбежала из двери и быстро заперла ее за собой, а потом пошла к Максимусу, который придерживал пассажирскую дверь.

— Милый грузовичок, — сказала я с улыбкой.

Он повернулся с широкой улыбкой.

— Милое платье.

Мне было слишком холодно, чтобы краснеть. Я залезла на сидение, он закрыл дверь, и ветер снова усилился.

Он сел со своей стороны и спросил:

— Куда, юная леди?

— Подальше отсюда, — сказала я, глядя на мой дом. Он выглядел угрожающе, зловеще и не так, как дом, в котором я выросла. — Где много выпивки. Юной леди нужно напиться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Максимус привез меня в необычный маленький винный бар с видом на реку в конце парка Уотерфронт. Летом открытая площадка у входа будет полна туристов и местных, любующихся водой, но зимой было уютно внутри. Если бы я была в правильном расположении духа, я бы даже назвала это место романтичным, особенно, с огнями, покачивающимися на черных волнах снаружи и приглушенным светом внутри.

Я была не в лучшем состоянии, и Максимус понял это. Пока мы ехали, он говорил на безопасные темы, из колонок напевал Том Уэйтс, подражая моему настроению. Я пыталась отвлечься. Но, когда мы устроились за крохотным столиком у окна, за которым крупный Максимус смотрелся даже спешно, и заказали наши первые напитки, он начал выжидающе поглядывать на меня.

Официант опустил передо мной текилу, я подняла стакан в воздух в сторону Максимуса.

— За... — я замолчала, не удавалось придумать что-то, достойное тоста.

— За нас, — закончил он, подняв свое пиво «Cogoпа». Я вскинула бровь. Его зеленые глаза мерцали в свете свечей.

— Ну, это лучше, чем ничего, — сказала я с ухмылкой, мы звякнули стаканами. Я старалась выдерживать его взгляд, но сделала глоток, он обжег мое горло, и я закашлялась.

— Не спеши, — пожурил он, поднял мой лайм и протянул мне.

Я сунула его в рот, пока горечь не остудила пожар. Я улыбнулась ему с лаймом во рту и отклонилась на стуле, чувствуя себя расслабленнее, чем за последние недели.

— Мило, — подмигнул он. Я вытащила лайм и опустила его в пустой стакан от текилы. — Ты сегодня красивая, — продолжил он, кашлянув. — Не знаю, почему я никогда не представлял тебя в платье.

— Потому что я ношу платье только по особым случаям.

Теперь бровь вскинул он.

— Это особый случай?

— Нет. Возможно. Часть меня решила, что было бы неплохо надеть его.

— Я рад, что так вышло.

— Хотелось бы знать эту часть, — я пристально посмотрела на него.

Я сделала большой глоток вина и тут же ощутила, как мягкая золотая жидкость поднимается в голову, где уже сидела текила. Я даже не ужинала. Я просто забывала о еде.

— Так что случилось сегодня, что ты позвонила мне? Я бы хотел думать, что ты просто хотела моей компании, но звучало так, словно подошел бы кто угодно.

Мои губы чуть дернулись, я смотрела на него. Он выглядел немного обиженным, будто его задевало то, что на его месте мог быть кто-то другой, и я просто хотела с кем-то выбраться из дома. Но я не была уверена, правда ли это.

— Думаю, на меня охотятся, — сказала я, склонившись ближе и понизив голос. — Или это призрак. Или я схожу с ума. Одно из трех. Или все сразу.

Он тоже склонился, чуть не столкнувшись лбом с моим. Он схватил меня за руки своими большими обветренными ладонями и сжал. Это успокаивало.

— Расскажи мне все, — прошептал он. Его низкий голос был невероятно сексуальным, когда он так шептал. Мне не нравилось, что я замечала его таким. Не сегодня.

Я опустила взгляд на пол и начала длинный безумный рассказ о последних неделях. Я

опустила часть с выкидышем, потому что это было не его дело. Я просто сказала, что у меня были серьезные «проблемы по женской части», и я не знала, догадался ли он. Я закончила все последней каплей в виде детских ботиночков в моей комнате.

Пока я говорила Максимум молчал, щуря изумрудные глаза в тусклом свете. Я порой смотрела ему в глаза, пытаюсь заметить сомнение. Но он был поглощен моей историей и казался встревоженным. Он допил пиво и поставил на стол так, что бутылка закружилась на столе.

— Жаль, что я сегодня водитель, — сказал он, наконец, — потому что после такого захотелось выпить еще. И тебе тоже.

Было заманчиво убедить Максимума выпить со мной. Но мне нужно было разгадать загадку.

— Ну, что думаешь? — осторожно спросила я.

Он снова быстро сжал мои руки и отклонился на стуле.

— Я буду честным, Перри, — сказал он. Мое сердце колотилось. Он думал, что я сошла с ума. Что я чокнутая. Он думал, что я теряла рассудок. — Я думаю, что это проделки призрака, — деловито сообщил он. — Я бы хотел проверить твой дом, провести чтение. Докопаться до правды.

Ох.

— Серьезно? Ты мне веришь?

— Конечно. Не всегда можно понять сразу. По призракам нет руководства. Если тебя терзает призрак, он может многое спутать в твоей жизни.

— Но это объясняет не все...

Он пару мгновений гладил подбородок, смотрел на новых посетителей, вошедших в бар с порывом холодного ветра.

— Нет. Проблема в том, как я думаю, что ты соединяешь все события и хочешь, чтобы они были связаны. Но здесь, наверное, не так.

Я помахала официанту и привлекла его. Порой и мне можно построить глазки.

— Как ты понял, что здесь «призрак»? — спросила я, повернувшись к рыжеволосому.

— Ботиночки. Дверной звонок. Стук. Крики, телевизор. Это все в духе полтергейста.

— В прошлый раз ты думал, что это полтергейст, а оказались оборотни, — возразила я.

Он улыбнулся с долей смущения.

— Я не говорю, что это не может быть что-то другое...

— А мой лак? — я помахала перед ним правой рукой.

— Красиво.

— Как он оказался на моих ногтях? И кто спрятал от меня сироп?

Он пронзил меня взглядом, официант подошел к столику. Я взяла себя в руки и улыбнулась ему.

— Что будете? — спросил официант. — Еще текилы?

Я кивнула, Максимум заказал еще пива.

Он проводил официанта взглядом, а потом склонился, упершись локтями в стол. Я заметила, что его серая рубашка сделана из хорошего шелка, как у крутых ковбоев.

— Что случилось с тобой в Сиэтле?

Я вздрогнула, не ожидая этого вопроса.

— О чем ты?

— Я не про отношения с Дексом, это мне не важно.

Я могла поклясться, что его веснушчатое лицо помрачнело при упоминании его имени. Такое выражение явно было на моем лице, и часто.

Он продолжил:

— Каких призраков ты встретила?

— О. Я даже не думала об этом. Ты же видел выпущенный материал?

Он кивнул.

— Это все? Или там было что-то еще?

Я подумала о Жуткой клоунессе и ее послании на записи. А потом вспомнила ее в больнице.

— Помнишь, я рассказывала тебе, что видела женщину?

— Чудачку из цирка?

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

— Ага. Она оставила послание для Декса. Для нас, точнее. На записи. Но слышал только я. Может, Декс уже тоже послушал, но я сделала это первой и сказала ему не слушать сразу, а потом все... ты знаешь. Она хотела меня предупредить кое о чем.

Он склонился еще ближе. Я уловила его пряный запах корицы. Я вдохнула и невольно закрыла на миг глаза.

— Что говорилось в послании?

— Я всего не помню, — честно сказала я. — Она говорила спросить у родителей, кто такой Деклан О'Ши... ты не знаешь?

— Разве что другая фамилия Декса. Но такого при мне у него не было.

Я кивнула, ведь и не ожидала получить ответ. Я глубоко вдохнула, а потом выпалила то, что было больнее:

— Она знала, что я сделала с Дексом.

Он с подозрением посмотрел на меня.

— Что именно?

— Не суди меня, но... я подменила его лекарства. Я узнала, что он принимает и заменила часть его таблеток плацебо.

— Ого, — Максимус выругался, его глаза стали огромными, как блюдца. Он тихо присвистнул. — Перри, я не знаю, что сказать.

— И не нужно ничего говорить, — быстро сказала я, холодный пот выступил на ладонях. — Я знаю, что поступила неправильно. Мне нужно было знать. Понять, что с ним не так.

— И ты узнала?

— Думаю, он такой же нормальный, как я. Это не исправят лекарства.

— Не знаю, — начал он.

— Я знаю, — твердо сказала я. — И разговор не о нем. Я не хочу говорить о нем. Есть кое-что еще. Пиппа, чудачка из цирка, сказала, что за ней следят. Бездушные, которые держат ее там... демоны.

— Демоны? — повторил Максимус. Он звучал недоверчиво, и я не хотела убеждать его, упоминая страхи, с которыми я имела дело в прошлом. Например, про Джейкоба.

— Да, так она и сказала, — подтвердила я. — А потом сказала, что я в опасности, особенно, если он думает, что я в порядке. Когда я буду в порядке, будет нанесен ущерб. И она придет за мной...

— Она? Кто? Пиппа?

Я опустила голову, отрицательно покачав ею. Я положила ладонь на изгиб его локтя, мне нужно было держаться за что-то плотное.

— Нет. Не Пиппа. Пиппа предупреждала Декса. Про Эбби.

Из-за того, что моя ладонь лежала на его руке, я ощутила, как напряглись мышцы при упоминании ее имени. Я посмотрела на него и улыбнулась. Я ощутила в себе волну ненависти, она словно сочилась из моих зубов.

— Ты помнишь меня, да, Рыжик?

Ужас проступил на его лице.

— Ч-что?

— Я сказала, ты ведь помнишь Эбби? — я схватила его руку на миг и отпустила. Станный прилив гнева пропал. — Ты сам говорил мне о ней в Нью-Мексико.

— Ты сказала не так, — пролепетал он и отпрянул, словно испугался меня. — Ты назвала меня Рыжиком.

Я не понимала, о чем он.

— Может, безумие заразно.

Он обдумывал это.

— Может, — тихо сказал он. Страх не покидал его лицо. — Может.

— В общем, там мы видели Эбби.

— Мы?

— Декс и я. Мы видели ее. В больнице, на улице, в квартире, — я содрогнулась, вспомнив, как она шла по его квартире, кровь капала на пол с плеском. Осы. Запах джина. — Думаю, она мне мстит, — медленно сказала я. Это было озарением, пролившим свет на простую проблему. — Эбби. Она меня изводит.

Максимус кивнул, но он не был поражен моей дедукцией. Конечно, это была Эбби. Об этом и предупреждала Пиппа. Потому я видела Эбби во снах. Она стучала в двери и оставляла всюду детскую обувь.

Говоря о ней, я нервничала, словно она сидела на моем плече и могла в любой миг скользнуть в меня через ухо.

— А призраки могут... — начала я и огляделась. Толпа шумела, слышался звон бокалов, но я все равно четко слышала наш разговор. — Могут так издеваться? Пролезать в голову? Могут... захватывать?

— Ты про одержимость? — спросил он, и моя кровь остыла от этого. Я укуталась в кардиган.

Я взмахом пальцев попросила его продолжать.

— Зависит от культуры, — объяснил он. — Иногда это могут шаманы. В случае с виккой людей может захватывать богиня, они отдаются добровольно. В католическом обществе человек одержим дьяволом.

— А ты умеешь?

— Не знаю. Обычно это что-то другое. Ментальное заболевание.

О, конечно. Все смотрят с этой стороны.

— Ладно, а призраки? Обычные старики. Духи. И так далее. Думаешь, они так могут?

Он поджал губы и двигал ими, пока размышлял.

— Нет. А если и могут, то добровольно. Но это не значит, что они не могут забраться в твою голову. Это не значит, что ты не могла принести в своих руках мстительного полтергейста из Сиэтла.

Я с жаром выдохнула, это дыхание я, наверное, задерживала весь час. Значит, был шанс, что ужасные вещи происходили со мной, потому что Эбби решила превратить мою жизнь в ад. Я отчасти была рада решению, но при этом оставался вопрос, что теперь делать?

Серьезно.

* * *

Я забыла о своем предыдущем решении. Сильно напиться. После прозрения насчет Эбби я выпила еще вина, и Максимус сказал, что мы поедем обратно на такси, он решил выпить виски.

Мы оставались до закрытия. Я получала сообщения от родителей и Ады, спрашивающих, где я и в порядке ли. Я отвечала, что в порядке. Но я не думала, что выйду из бара в два часа ночи.

Мы пьяно помахали официанту, а тот был рад, что мы уходим, и запер двери с решительным щелчком. Максимус схватил меня за руку и повел к дорожке, что вилась вдоль темной бурлящей реки и проходила через парк, где спали бездомные на скамейках. Было холодно и немного жутко, но мне было спокойно с его рукой на мне.

И стало еще спокойнее через пару секунд, когда его рука обвила мою талию.

Я посмотрела на него, пока мы шли, словно пара на ночной прогулке зимой. Я не знала, что чувствую. Я была пьяной, это точно. И мне было страшно, и дело было не только в Эбби и странных тенях, что были в парке, и не в том, что я попала бы домой ночью. Я понимала, что могу не попасть домой ночью, и это тоже меня пугало. Потому что мне не нужно было сейчас отношений с другим мужчиной, тем более, с этим. Максимус был вежливым джентльменом, но он все еще был связан со мной и Дексом, так что это была не лучшая идея.

И когда я начала думать, что, возможно, он мне нравился-нравился (как сказала бы Ада), я задалась вопросом, было ли это правдой. Может, дело было в моем страхе. И в одиночестве. И от того, что что-то глубоко во мне еще хотело нанести удар из мести. Я не собиралась притворяться, что я лучше этого, что я не думала, как было бы неплохо переспать с бывшим лучшим другом Декса.

Но это было противно. И когда Максимус придвинул меня ближе к себе, я ощутила тепло от силы его рук, я не могла уйти без ничего. Одинокая, напуганная... я хотела его и хотела сильно. Было больно без него.

Словно уловив эти флюиды, он остановился на дорожке, идущей полукругом, где летом люди делали хорошие фотографии у реки. Я остановилась с ним, он опустил другую ладонь на мою талию и посмотрел на меня.

Он был очень высоким. Ветер с реки трепал его волосы, портил его прическу в стиле Элвиса, и волосы казались бесцветными в холодном свете города. Но его глаза все еще были зелеными, как жидкий лес, и они смотрели в мои. Не было напряжения или драмы, как и романтики, но я видела, как в них борется жаркое желание и необходимость уважать.

— Ты собираешься поцеловать меня? — прошептала я, голос дрогнул от влажного ветра.

Он улыбнулся криво, лениво, одной стороной рта.

— Я думал об этом.

Мне нужна была лестница. Я успела подумать об этом, он склонился и прижался губами к моим. Его губы были шершавыми, но крупными и упругими, от этого покалывало мой язык, и мурашки бежали по спине. Он положил ладонь на мою голову сзади и удерживал, и я ощущала себя маленькой, словно птенчик меж двух ладоней. Я ощущала странную смесь желания и безопасности, мы долго целовались в парке, его ладони не отпускали мою голову и талию, и я ощущала себя спокойно. словно меня мог тронуть только он, и пока я была рядом с ним, все было хорошо. С Дексом я тоже так себя ощущала. Но не сердцем.

Я просунула руки под его кожаную куртку, что была приоткрыта. Я ощущала его мышцы под шелковистой рубашкой. Он не был твердым, он был склонен набирать вес, а не терять, но его тело все еще было сильным, и, чем больше мои пальцы с коралловыми ногтями касались его, тем больше я верила, что ничто не сможет его сбить. Он стоял крепко, как дерево. Я хотела позаимствовать немного этой силы у него. От мысли об этом поцелуи стали быстрее.

Наконец, он отпрянул и переместил ладонь на мою щеку. Она была теплой поверх моей холодной кожи, которую терзал ледяной ветер.

— Становится поздно, — сказал он неровным голосом. Он кашлянул.

— Уже поздно, — прошептала я, не желая останавливаться.

— И холодно — сказал он и укутал меня в мой кардиган. — Тебе нужно что-то теплее.

— У меня есть ты, — сказала я. И удивилась своей смелости. Максимус тоже удивился.

— Я довольно жаркий, признаю, — хитро сказал он и рассмеялся. — Но нам нужно в теплое такси, пока ты не заболела.

Он быстро коснулся моих губ, взял меня за руку и повел по дороге. После поцелуев страхи и тени разыгрались сильнее. Я не хотела домой. Не могла туда идти. Там будет Эбби.

Но я не могла сказать это ему, пока мы пересекали парк, влажная трава задевала подошвы моих ботинок, среди травы под деревьями спали бездомные. Мне, наверное, было бы безопаснее с парнем, спящим под мешками мусора, полными банок от пива, чем одной в своей комнате.

Мы легко поймали такси, попав на улицу Бернсайд, в выходной в Портленде было много людей, ходящих по барам с плохими музыкальными группами и местными дивами. Я хотела, чтобы ночь продолжалась. Я хотела встать в очередь с остальными у «Вуду Донатс» и ощущать поддержку всего города.

Но вместо этого мы сели в такси. Максимус решил высадить сначала меня, хотя он жил ближе к центру, чем я.

Машина ехала по моей улице, когда он спросил:

— Завтра у тебя есть дела?

— Моя смена на работе, — сказала я, ощущая укол смущения. — Но кто знает, что там будет. Думаю, на меня снова нападет призрак. Может, я получу вязаные вещи. Детская обувь нынче популярна.

Мой голос подрагивал, и я подавила слезы. Мой дом возвышался перед нами, водитель назвал мой адрес.

— Перри, — Максимус коснулся моей ладони. — Знаю, тебе страшно. Но пока не случилось ничего плохого.

— Что? — рывкнула я. Я заметила взгляд водителя в зеркале заднего вида, он быстро отвернулся, это было не его дело.

— Эбби начала медленно. Стук, ботинки, лак на ногтях.

— И захват моего тела!

Я ощутила на себе взгляд водителя, он пытался понять, что за чудики сели к нему в машину.

Максимус понизил голос.

— Мы даже не знаем, связано ли это, да? Не думаю, что связь есть. Ее точно нет. Ты — это все еще ты, Перри. Сто процентов.

— О, если ты такой умный, тогда скажи, что еще это может быть?

Он слабо улыбнулся, не реагируя на мой гнев.

— Не знаю. Но тебе не понравится услышать, что это все может быть в твоей голове...

Я охнула. Потрясенно.

— Но, продолжил он, — ты через многое прошла. Так что я бы на твоём месте обдумал это. Я загляну в ближайшие дни, мы попытаемся в этом разобраться. Но по шагу за раз. Эбби не будет проблемой, вот увидишь.

Я не знала, когда он сменил работу с говорящего с призраками на охотника на них, но могла лишь поверить ему. Только у него был в этом опыт, и только он воспринимал меня серьезно. Может, не совсем серьезно, но довольно-таки. И он хорошо целовался.

Он склонился и обнял меня, окутав меня еще и запахом корицы. А потом он сказал:

— Я позвоню завтра.

Я бы осталась на всю ночь в этом такси, если бы могла, но выбралась с неохотой. Он заставил водителя ждать, пока я не заперла входную дверь, а потом уехал в ночь.

Я прошла на носочках в свою комнату, стараясь игнорировать тьму спящего дома, и добралась до кровати. Ботиночки пропали. Буклет был снова на столе. Я не знала, почему так плохо относилась к варианту, что все было в моей голове. Это было бы к лучшему. Может, не было никаких ботиночков. Тогда и нечего было бояться.

Это не объясняло многое другое, но я не успела обдумать варианты, вечер вина и текилы обрушился на меня волной, и я мгновенно уснула.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Просыпайся, соня, — бодрый голос Ады пробился в мои сны. А во снах я падала в красное пламя, огромные древесные жуки лазали в моей голове.

Я застонала и старалась не шевелиться, вспоминая события прошлой ночи. Я знала, что перепила, и я бы пожалела, если бы открыла глаза или двинула хоть мышцей.

— Уходи, — невнятно сказала я, не найдя других слов.

— Снаружи прекрасный день, — ответила она, не обращая внимания. Я слышала, как она подошла к окну и открыла его. — Ах, так пахнет! Весна в пути.

Почему она такая веселая? Обычно Ада по утрам — богиня ворчания.

Я ощутила, как она села на мою кровать, я покачнулась на матрасе. Я застонала снова и закрыла рукой лицо. Воздух был прохладным, манящим, но этого не хватало, чтобы убрать паутину.

— Что ты делала прошлой ночью? От тебя воняет.

Я не слушала ее и попыталась уснуть, провалиться в темную невесомость. Я не успела, она схватила меня за руку и убрала ее с лица, чтобы туда упал свет. Я скривилась.

— Я сказала: уйди, — повторила я, придавая словам оттенок нытья.

— Тебе нужно на работу?

Пауза.

— Черт, — я совсем забыла об этом.

Я осторожно открыла глаза, и их пронзило светом. День был хорошим, но я могла видеть в этот миг лишь пустоту, словно стояла посреди солнца.

А потом я увидела Аду на моей кровати с моим телефоном в руке, словно она знала, что происходит. Она была в платье бирюзового цвета, ее волосы были стянуты в пучок на макушке. Она выглядела как лесная нимфа с ясными глазами. Я ощутила укол зависти.

Я взяла телефон, пробормотала «спасибо» и набрала номер кофейни. Не было времени пугаться и нервничать, Шэй подняла на первом гудке.

— Не переживай, Перри, — сказала она, когда я принялась извиняться, что не там. — Мы сняли тебя с графика, пока тебе не станет лучше. Отдыхай и приводи себя в порядок.

Я опустила телефон, чувствуя себя хуже. Меня не уволили, но это было знакомо. Так я почти потеряла прошлую работу (пока я все не испортила). Моих работодателей волновало, что я видела Старика Родди в своей спальне. Теперь призрак был другим, а проблема такой же. Я была обречена на это всю жизнь? И никогда не сбегу от мертвых? Хотелось бы знать, что им от меня нужно.

— Потому что ты — одна из них, — сказала Ада.

Я вздрогнула от ее голоса, забыв, что она не только в одной комнате, но еще и сидит рядом.

— Прости? — спросила я, сердце колотилось чаще.

Она закатила глаза.

— Я сказала, что ты — одна из них. Я спросила, почему в твоей кофейне такие понимающие, и ответила, что ты — одна из них. Лодырь. Такие им там нужны. Я говорю с собой, ведь ты меня не слушаешь. Никогда.

Это было не так. Не совсем.

— Как прошла ночь? — спросила я, осторожно садясь. Я потеряла виски, комната

кружилась. Казалось, что мой матрас плавал на воде.

— А тебе это нужно знать? — едко спросила она.

Я посмотрела одним глазом. Это было не так больно, как двумя.

— Да, не веди себя как эмо.

Я видела, что она хотела сказать, что это я веду себя как эмо. Но она подавила это. Первое слово всегда считалось сильнее.

— Раз тебе важно знать, мы расстались.

Я открыла другой глаз, чтобы видеть ее лицо лучше. Она упрямо выпятила подбородок. Она выглядела уверенно.

— Ты в порядке?

Она кивнула.

— Никогда еще не было лучше.

— Значит, ты поступила правильно. Как он это воспринял?

Она рассмеялась и широко улыбнулась.

— Ему хватило наглости заявить, что он долго ждал, но так ничего и не получил.

— Какой же придурок, — сказала я, желая избить Лейтона.

— Настоящий придурок, — подтвердила она. — Так я и убедилась, что сделала правильный выбор. Он так злился, его лицо стало красным, он лепетал бред, говорил, что я никогда уже...

Я издала злой смешок.

— Этот мажор доиграется, и футбольная команда захудалого колледжа разобьет ему голову.

— Если ему повезет, — сказала она, глядя пальцем узор на моем одеяле. — А потом я сказала ему, что, видимо, противно, когда тебя так бросают. И я ушла. Ну, показала ему палец. И ушла.

Хоть моя голова болела, я склонилась и обняла Аду.

— Я тобой горжусь, — выпалила я, чувствуя себя странно эмоциональной.

Она фыркнула.

— Потому что ты так не умеешь, — но я видела, что она обрадовалась.

— Эй, послушай...

Меня перебил ужасный крик с первого этажа.

Крик нашей матери.

Мы на миг с ужасом взглянули в глаза друг другу, вскочили с кровати как можно быстрее. Я была только в длинной футболке, но это было не важно. Я никогда не слышала от мамы такой крик, и я молилась, что мы, спустившись, не обнаружим ее мертвой на полу.

Мы перепрыгивали по две ступеньки за раз, Ада крикнула:

— Мам!

— Девочки! — вопила она, звуча спокойнее, что меня обрадовало. Ее голос доносился из кабинета моего отца.

Мы поспешили туда. Дверь была открыта, мама стояла посреди комнаты, стопка бумаг была у ее ног, облака пыли поднимались, заметные в свете солнца, льющемся из окон, где были свернуты жалюзи.

Она стояла спиной к нам, застывшая, словно еще держала бумаги. Она смотрела на стены, и я тоже повернулась туда.

Кабинет отца был разрушен. На стенах были большие дыры, словно кто-то бил топором,

куда попадал. Края дыр были в красном, такого же цвета были пентаграммы на стенах и потолке. Некоторые были размером с ладонь, некоторые — размером с колесо машины. Распятая, украшавшая комнату, была перевернута. От этого мне стало еще страшнее. Было так жутко, что я содрогнулась и чуть не упала. Я впилась в край двери.

Ада и мама не смотрели на меня. Они смотрели на другое. Даже картины священников и религиозных фигур в рамках были искажены, их глаза вырвали, оставив черные нечеловеческие дыры.

— Кто это сделал? — шепотом спросила мама.

Ада тряхнула головой.

Только я знала, кто это сделал, но я не могла этого сказать. Мои родители не поверили бы, что это была Эбби. Но они бы поверили, что я сошла с ума, обвинили бы меня и где-то заперли.

Словно услышав мои мысли, Ада взглянула на меня, еще держащуюся за дверь, пытаюсь бороться с похмельем.

Она странно посмотрела на меня, словно пыталась что-то понять. Словно думала обо мне. И я подозревала, почему.

Я вскинула бровь и едва заметно покачала головой. Она нахмурилась и посмотрела на комнату и маму.

Я знала, что она думала, что я сделала это во сне. Может, я решила превзойти случай с лаком и украла банки с красной краской, а потом обрушилась на религиозные вещи папы.

Я посмотрела на свои ладони. На них не было следов краски. Как и не было на ногах или где-то еще. Вряд ли я бы так хорошо себя очистила. Мне стало лучше. Какие магазины были открыты в три часа ночи? В «Волгринс» не было краски. Может, стоило поставить в моей комнате камеру, чтобы я перестала быть козлом отпущения.

— Нужно вызвать полицию, — сказала я сдавленным голосом.

Мама медленно кивнула. Было очевидно, что она потрясена. Как и все мы.

— Где папа? — спросила я.

— В церкви, — сказала Ада, словно не верила своему ответу.

Я выпрямилась и прошла в комнату. Похмелье или нет, но кто-то должен управлять ситуацией, а мама с Адой этого делать не могли.

— Слушайте, думаю, нужно вызвать копов. А потом они закончат, и мы все уберем. Я не хочу, чтобы папа это видел.

— Но кто такое сделал? — повторила мама. Ее акцент стал сильнее от расстройства, она сильно напоминала Жуткую клоунессу. Странное смутное ощущение встрепенулось в голове, словно думать вдруг стало сложно, словно требовалось пробиваться через кучу слоев.

— Звони им, — сказала Ада, вырвав меня из этого и указав на телефон в кабинете. Она схватила маму за руку и повела из комнаты.

Я моргала, чтобы разбудить себя, а потом схватила трубку и набрала номер.

Полиция пообещала, что пришлют ближайшую машину, вернула трубку на место, и два крика раздались из кухни.

Что теперь? Я оббежала стол и вырвалась в коридор, босые ноги шлепали по паркету.

Мама с Адой были у стойки, смотрели на домофон. Я быстро добралась до них и застыла, поняв, на что они смотрят.

Широкие шкафчики под домофоном были закрыты, из щелей и из-под них текла красная жидкость. Она медленно сочилась, собираясь алой лужей на полу.

Я надеялась, что там была пара открытых банок с краской, и они разлились. Но я понюхала воздух, и там не было запаха скипидара, а жутко пахло сырым мясом, этот запах меня уже много раз преследовал. Не знаю, почему я так наивно подумала, что кто-то разрисовал стены отца краской. Это была совсем не краска.

Это была кровь.

— Я открою, — сказала Ада, приблизилась и склонилась.

— С ума сошла? — прошипела я и схватила ее. Я оттащила ее назад. — Ты не знаешь, что там.

— Но это пачкает мою кухню, — сказала мама. Я не успела отпустить Аду и схватить ее, мама схватилась за ручки шкафчика и открыла дверцы.

Тело свиньи без головы вывалилось оттуда на пол кухни с противным стуком. Она была скорее красной, чем розовой. У нее была рана на брюхе, склизкие органы и внутренности вывалились оттуда, едкая жидкость пролилась, когда они оказались в луже крови.

А потом я закричала. Все мы закричали и выбежали из дома на улицу. Аду стошнило в кустах, мама махала на себя руками, как птенец крыльями, а я жевала воротник футболки, пытаюсь прикрыть при этом ноги, утренний воздух жалил их.

Это было отвратительно. Отвратительно и страшно. И где была голова свиньи? Я поежилась. Но я воспринимала это не так, как Ада с мамой. Наверное, у меня просто было больше опыта в таком. Хотя это не было хорошим моментом.

— Все хорошо, — сказала я, подойдя к ним, камни были холодными и грубыми под моими ногами. Я схватила руку мамы и сжала, остановив ее бесполезные взмахи. — Мам, все хорошо. Полиция едет. Они поймут... — я не сразу сказала дальше, — кто это сделал.

Она кивнула, белки ее глаз сияли, пока она озиралась. Я знала, что она думает. Что это мог быть кто угодно, что кто-то задумал зло по отношению к ней, к ее семье. Такое могло быть. Я не знала, была ли это Эбби. Отец был профессором теологии, у него могли быть недовольные студенты. Может, он кого-то завалил. Они могли так отомстить ему.

Но это не объясняло, как это произошло незаметно для всех. И я знала глубоко внутри, где оставался страх, что это было связано со мной. Это все было мстью мертвой девушки.

Я не знала, что могу так сильно ненавидеть призрака.

Когда Ада выпрямилась (за последние недели я видела слишком много рвоты), она взяла себя в руки и помогла мне убедить маму, что все будет хорошо. Да, кто-то пришел и разрушил кабинет отца, нарисовал кровью пентаграммы, а на кухне свинья без головы и с кишками наружу, но я была уверена, что полиция с таким часто сталкивалась. Это же Портленд. Он странный!

Наконец, она перестала махать руками и закатывать глаза раньше, чем прибыла полиция. Первыми здесь оказались офицеры Хартли и Монро. Хартли был юным, напоминал Ченнинга Татума, выглядел глупо, но внушительно, а Монро было за тридцать, она была темноволосой, красивой и была мозгом в их команде.

Я поговорила с ними пять минут, и мы вошли в дом, я вернулась в свою комнату, чтобы надеть лифчик и штаны. Когда я спустилась, Ченнинг говорил с моей мамой и Адой в гостиной, а Монро обследовала комнаты. Она вышла из кухни и, заметив меня, подозвала к себе.

Я с опаской приблизилась, не желая оказываться близко к трупу, запах которого ощущала.

— Перри, да? — спросила она четким голосом.

Я кивнула.

— Ваша мать упомянула, что соседский пес пытался на днях напасть на вас.

Я чуть не раскрыла рот, но успела стиснуть челюсти.

— Да, — я понизила голос. — Пса зовут Чирио. Обычно он — самый добрый пес в мире, я не знаю, что произошло. Но он побежал на меня, словно хотел убить.

Монро посмотрела поверх моего плеча в гостиную и кивнула, словно понимала. Мы ушли от кухни и остановились у входной двери.

— Знаешь, почему твоя мама такое мне рассказала?

Я прикусила губу.

— Нет... почему?

— Правда, что у той же соседки с Чирио есть пара свиней? — спросила она, склонив голову.

Я кивнула, все стало ужасно вставать на места.

— Это была ее свинья, да? — спросила я. Вдруг мне стало плохо. Да, ее пес сошел с ума, а соседка повредила колено, а теперь одна из ее свиней была без головы в нашем доме.

— Мы это проверим, — сухо сказала она. — Я только хотела убедиться, что вы не держите обиды.

— Обиды?

Она промолчала. Она выдохнула уголком рта и смотрела на меня, ожидая, пока я пойму.

— Погодите, — сказала я. — Вы думаете, что я убила свинью соседки. Ее огромную свинью? Притащила сюда, вскрыла, отрубила голову и сунула под рукомойник? Потому что ее пес попытался напасть на меня?

— Странные вещи произошли, мисс Паломино.

Я едва могла говорить. Я прижала ладонь к груди и пыталась приглушить гнев.

— Простите, но я думаю, что вы лааете не на то дерево. Это никак бы не проучило ее. Это проучило мою семью. И меня.

Офицер нахмурилась.

— Кто говорил, что кто-то кого-то проучил?

Я замерла.

Она прищурилась.

— Где вы были прошлой ночью? Не дома?

Я закатила глаза. Я не могла поверить, что все так обернулось. Зачем мама вообще вспомнила собаку? И как все так сложилось?

— Да, я была не дома.

— С кем?

— С другом.

— Когда вы попали домой?

— В три часа ночи, — осторожно ответила я. — Простите, но я теперь под подозрением?

Монро вздохнула и вытащила блокнот. Она что-то записывала, пока говорила, но я была слишком далеко, чтобы рассмотреть.

— Я просто делаю работу и пытаюсь выстроить порядок событий. Никто из вашей семьи ничего не видел, но мы еще не проверили, что знает ваш отец.

Отец. Это будет плохо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Низкое рычание остановило меня. Слева, у ограды соседки, я видела силуэт Чирио, заметившего меня. И хотя ограда была из толстого старого дерева, а за ней был колючий куст, я подумывала перепрыгнуть и прочить собаку.

— Перри! — я услышала голос мамы у своего уха и вдруг поняла, что она уже несколько раз кричала.

Она была рядом, сжимала рукой шаль. В свете дня ее мятный цвет сочетался с вялой травой у моих ног.

— Что ты здесь делаешь? Где твоя обувь?

Я посмотрела на ноги. Я была в штанах от пижамы, в толстовке. Волосы были стянуты в хвост. Я не знала, где моя обувь. Если подумать, я не знала, почему стояла в глубине двора и смотрела на ограду соседки. Что я здесь делала? Где была раньше? Я снова не могла вспомнить.

— Что ты собиралась сделать с собакой? — тихо спросила она.

Я посмотрела на нее, словно у нее были две головы.

— С собакой?

— Почему ты здесь стоишь?

— Я... мне... нужен был свежий воздух.

Взгляд мамы впивался в мое лицо, ее губы были сжатыми, она думала неизвестно о чем. Может, о том, что я — убийца свиней. А потом она взяла меня за руку и сказала слишком нежным голосом:

— Ты замерзла, тыковка. Идем внутрь.

Этот тон возвращал другие воспоминания. Я словно снова оказалась в старшей школе.

Я выдавила улыбку, мы прошли по влажной траве в дом. Я не хотела переживать из-за того, что она думала, и я не хотела тревожить ее сильнее, чем уже было. Ей хватало переживаний из-за папы. Когда он вернулся и увидел офицеров Монро, Хартли и еще нескольких, делающих снимки дома, у него чуть не случился сердечный приступ. Когда он узнал, что случилось, он побледнел так сильно, что я будто увидела череп за кожей. Я думала, он закричит или что-то бросит (это сейчас случалось часто), но он принял все и дрожал. Это было страшнее. Папе нужно было бросать вещи, кричать, переворачивать столы. Это было в его стиле. Так он справлялся со всем. И то, что он держал все внутри, меня пугало. Гнева и страха в доме уже было слишком много, и становилось только хуже.

Мы поднялись по ступенькам за домом и прошли через двери в дом, миновали кабинет, не взглянув. Я боялась смотреть. Комната была закрыта, завтра туда придет команда для уборки, но я все еще ощущала, как зло проникало сквозь щели.

Мама села рядом с Адой и отцом в гостиной. Они смотрели «За пригоршню долларов» но не видели фильм. Они смотрели друг на друга. Следили за домом. Были затеряны в своих мыслях.

Частичка меня была почти рада, что они напуганы. Было приятно знать, что я страдала не одна, хоть они знали лишь каплю того, что происходило. Я хотела держать их в неведении относительно остального, сколько могла, и был лишь один способ сделать это. Я должна была знать, с чем имею дело, и как от этого избавиться.

Максимус сказал, что позвонит мне, но у меня не было нескольких дней. Я не могла это

объяснить, но мне казалось, что времени у меня мало. И я не была против поцелуя. Я была только рада этому отвлечению. И была за всеми руками.

Я вытащила телефон из кармана толстовки, набрала ему и пошла по ступенькам в свою комнату, чтобы поговорить наедине.

— Милая, — ответил он.

Я улыбнулась и надеялась, что он это уловил по телефону.

— Эй. Как ты?

— Я... мне уже лучше. Виски хорошо ударил в голову. Прости, что не позвонил раньше.

— Все хорошо, — сказала я, забыв об этом в суете.

Мне показалось, что я уловила женский смех на фоне. Я тут же нахмурилась.

— Где ты?

Он кашлянул.

— Дышу свежим воздухом. На рынке. Просто закупаюсь. Тут хорошие тако.

Я прислушалась сильнее. Звучало так, словно он был в месте, где много людей. Не знаю, откуда взялась моя паранойя.

— Слушай, сегодня кое-что случилось, — сказала я, не желая говорить много по телефону.

— Ты в порядке?

— Да. И все мы. Но здесь были копы, и...

— Копы? — воскликнул он. — Я приду. Ты точно в порядке?

— Пока что да, но я бы хотела, чтобы ты пришел и сделал свое чтение или что-то еще. Не знаю, но мне кажется, что времени осталось мало, и, раз уже пугают не только меня, но и мою семью, я не могу стоять в стороне. Не могу. И не буду!

— Ладненько, не переживай, Перри. Я уже иду.

— Спасибо, — шепнула я в телефон.

— Жди, — ответил он, и наступила тишина.

Я глубоко вдохнула и переделалась в леггинсы и длинный свитер, чтобы не выглядеть так, будто я только что вылезла из кровати, а потом нанесла на лицо пудру и тушь.

Семья внизу все еще молчала и притворялась, что смотрит телевизор. Я устроилась на краю кресла папы и опустила ладонь на его. Она была холодной. Он поднял голову и улыбнулся. Сдержанно, но уже хоть что-то.

— Ко мне придет друг, — тихо сообщила я.

Все удивленно посмотрели на меня.

— Перри, — недовольно сказала мама. — После случившегося сегодня...

— Из-за случившегося сегодня, — исправила я ее. Я не хотела говорить о призраках, но нужно было что-то сказать. — Он недавно в городе. И... с ним мне безопаснее.

Сначала вся семья смотрела на меня, а теперь Ада, мама и папа переглядывались между собой.

— Кто он? — спросил отец.

— Ты ни о ком не говорила, — заметила Ада.

— Это парень с фитнеса? — спросила мама с надеждой. Я забыла о ее страхах, что я стану старой девой, но теперь мне нужно было разобраться с этим.

— Нет, — сказала я ей. Она помрачнела, и я добавила. — Это Максимус, о котором я тебе говорила.

— Максимус? — глаза Ады загорелись. — Тот самый, которого ты встретила в Нью-

Мексико?

— Тот самый, — сказала я, голос был напряжен, я хмуро посмотрела на нее. Я не хотела, чтобы она упоминала дела с призраками.

— О, Перри, я надеюсь, ты закончила с этими... этими... чудаками, — сказала мама, шлепнув по бедрам. Я была уверена, что она имеет в виду Декса.

— Он не чужак. Серьезно, — сказала я, Ада хихикала.

Мама с папой переглянулись. Они были настороженными, недоверчивыми. Но я к такому привыкла, потому что они всегда тревожились из-за меня, а не из-за загадочной персоны, оставившей обезглавленную свинью в доме.

Они задали мне еще пару вопросов о нем, на большую часть у меня не было ответов, потому что я не знала сама, я даже его фамилии не знала. А потом мы повернулись к экрану и смотрели, пока Клинт Иствуд не убил пару мексиканцев. И тут прозвенел дверной звонок.

Блин.

Я вскочила и подбежала к двери, открыла ее и выбежала на крыльцо, где стоял Максимум.

— Ого, где пожар? — он растягивал слова. Он опустил ладонь на мою руку и сжал, глядя на меня. — Ты в порядке, маленькая леди?

Я быстро кивнула.

— Да. Хотя не знаю. Но кое-что...

Я склонилась и тихо закрыла входную дверь, чтобы меня не слышала семья внутри. Максимум вскинул бровь.

Я понизила голос и продолжила:

— Моя семья не знает, что ты говоришь с призраками. Они не верят в такое, и упоминание этого приведет к проблемам. Не знаю, почему. Особенно сегодня, когда они хотят верить, что это сделал кто-то живой, а не мертвый. Так что нужно все это скрывать, ладно?

— Понял, — сказал он, поглядывая на окна прихожей. Свет только что включился там. Наверное, папа хотел понять, куда я пропала. — Так что случилось сегодня?

Я кратко пересказала ему, пока папа следил за нами из окна. Я помахала ему, пока объясняла, надеясь, что он поймет, что мы скоро войдем, и не будет нас перебивать.

— Голову ты нашла? — спросил Максимум, когда я закончила.

— Нет, — я схватила его за руку. — Думаешь, у тебя получится уловить то, что происходило здесь сегодня? Ты сможешь что-то сделать?

Он окинул дом взглядом. Он не выглядел уверенно.

— Утверждать не могу. Процесс этот медленный. Можно только уловить, что чувствовал человек, когда умирал. Если это Эбби, она умерла не здесь. И я не знаю, что смогу сделать. Я уверен, что понимаю, что она чувствовала, когда умирала.

— Но ты сказал, что можешь это исправить, — взмолилась я, чуть не топнув, как маленькая девочка.

— Я попытаюсь, — сказал он, опустив ладонь на мою голову, чтобы успокоить. — Я обещал. Мы сначала пойдем, что это, а потом уберем отсюда.

— Куда? Это как экзорцизм? — я поежилась от мысли.

— Ты не одержима, Перри, — сказал он. — Экзорцизм — трата времени. Сложно найти того, кто это делает. А потом нужно доказать, что ты одержим, а это сложно, потому что, как я говорил, это часто в головах людей. Обычно причина в расстройстве личности. Но

всегда есть другое объяснение. И очень опасно приводить жреца или шамана к человеку, который не одержим. Это опасно для жертвы, для шамана, да всех. И в доме так не делают. Его очищают.

— И ты сможешь это сделать? Да? — с каждой секундой мне было все тревожнее. — Не говори, что ты попробуешь.

Он замолчал, облизнул губы. А потом...

— Я никогда не пробую, — медленно сказал он. — Я просто делаю.

Это были слова из одного из моих любимых фильмов «Быстрее, кошечка! Убей! Убей!», и я ощутила, как уголки губ растягивает улыбка. Он знал, как меня успокоить и подобраться ближе.

— Хочешь испытать меня? — добавил он.

Я стукнула его по руке, а потом обхватила его ладонь и повела в дом.

— Кстати, ты чем-то похожа на юную Туру Сатану, — прошептал он мне на ухо.

— Наверное, грудью, — бросила я через плечо, папа появился перед нами, ожидая нас в прихожей все это время.

— Перри, я думал, ты уже не зайдешь, — сказал он с нервной улыбкой, глядя на высокого рыжеволосого парня. Мой отец не был высоким, и Максимус возвышался над ним.

— Папа, это Максимус, — сказала я. — Максимус, это папа.

Максимус пожал руку моего отца, глядя ему в глаза, и сказал:

— У вас очаровательная дочь, сэр.

Отец просиял. Он никогда еще так не улыбался парням, которых я приводила домой. Хотя приводила я только одного, но все же.

— О, да, мы ее любим, — он неловко рассмеялся.

Ага. Теперь они меня любят.

Мы прошли по коридору, папа спрашивал, где он рос в Луизиане, а потом они начали говорить о каджунской еде. Мы пришли в гостиную, где стояли Ада и мама, ожидая нас.

Максимус пожал им руки, и я видела, что его вид, манеры и очаровательное произношение за секунды покорили мою маму. Ада была насторожена. Я насмешливо посмотрела на нее, прося вести себя, но она лишь закатила глаза и опустилась на диван, делая вид, что титры фильма интереснее.

— Раз ты здесь, можно заказать китайский ужин, — предложила мама. — Я вряд ли буду в ближайшее время готовить на кухне.

Максимус кивнул и скрестил руки.

— Перри рассказала мне о случившемся. Мне очень жаль. Надеюсь, что тот, кто сделал это, получит по заслугам. Я пока я буду рад помочь всем, чем смогу.

Он посмотрел на моего папу.

— Знаю, завтра придут убирать ваш кабинет, но я был бы рад помочь вам сделать комнату такой, будто там ничего и не произошло. Знаю, очень расстраивает, когда убежище разрушают.

Ох, он очень хорош.

Отец был потрясен щедростью Максимуса. Я посмотрела на Аду, а она глядела на меня с сарказмом. Да что с ней такое? У нее ненависть к рыжим?

Я пыталась придумать, как увести его от них, но Максимус сам был хорош и повернулся ко мне с ослепительной улыбкой.

— Я бы хотел увидеть весь твой красивый дом, Перри.

Я подавила смешок, взяла его за руку и вывела из гостиной к лестнице. Я оглянулась, чтобы проверить, не преследует ли нас моя семья. Они не шли, но я слышала приглушенные восторженные голоса. Они будут какое-то время говорить о нем.

— Я бы хотел увидеть твою спальню, — сказал он, пока мы поднимались по ступенькам.

— Ого, ты разогнался, — отметила я.

— Там ведь чаще всего происходили странности?

Ох. Конечно. Точно. Мы снова говорили о призраках.

— Угу, — сказала я, повысив голос, открывая дверь в свою комнату. Я быстро убралась перед тем, как он пришел, так что там уже не лежали на виду вещи, которые я не хотела ему показывать.

Он прошел в центр комнаты и медленно огляделся, сканируя взглядом каждый выступ. Я закрыла дверь и, прислонившись к столу, наблюдала за ним.

Я молчала, не говорил и он какое-то время.

А потом сказал:

— Здесь что-то есть.

Лед пронесся по моей спине, я поежилась.

— Что? — пропищала я, озираясь, пытаюсь увидеть что-то ненормальное за фасадом из моих плакатов групп, плюшевых зверей и фотографий в рамках. Я искала мерцание в воздухе, какое видела много раз до этого. Но ничего не было.

Он закрыл глаза и поднял ладони в воздух. Я следила за ним, боясь дышать или двигаться. Я хотела тоже это ощущать. Почему я не могла видеть Эбби, хотя видела остальных? Призраки могли выбирать тех, кто их видел?

Я хотела спросить, была ли это Эбби, но прикусила губу и ждала.

— Это она... — сказал он.

— Да? — мое сердце забилося быстрее. Думать и знать было как разница между бояться и быть в ужасе.

— Я улавливаю обрывки ее мыслей, — сказал он с закрытыми глазами. — Но они повсюду.

— Мыслей?

— Когда она умерла, — медленно и терпеливо сказал он.

Точно. Я закрыла рот и оглядела комнату. Жаль, хоть это и ужасно, что не сохранились ботиночки, потому что он мог бы считать с них что-нибудь. Я знала, что он сказал, что уловил ее последние мысли, но он явно мог больше, чем это. А что я могла? Я стояла у стола и оглядывала комнату орлиным взглядом, но ничего не видела.

— Она злится, — сказал он. — Но дело не в ненависти. Это зло.

— Зло? — повторила я. Вдруг мне стало холодно, и я пожалела, что на мне нет еще пары слоев одежды.

Максимус открыл глаза. И посмотрел сквозь меня, словно меня и не было.

— Она ушла, — тихо сказал он. А потом немного расслабил плечи и руки.

— Ты в порядке? — спросила я и шагнула к нему.

Он кивнул и скривился, словно от боли. Его глаза слезились.

— Это больно делать?

— В этот раз было больно, — сдержанно сказал он.

— Что я могу сделать? — я подошла к нему и взяла за руку.

Он потер лоб свободной рукой, а потом тряхнул плечами, руками и ногами.

— Это пройдет.

— Так ты уверен, что это была Эбби?

— Я так думаю, — сказал он, а потом сел на мою кровать, прижал ладони к голове и провел пальцами сквозь густые блестящие рыжие волосы. — Но это странно. Если это она, то она умерла и ушла туда, откуда нет возврата.

Я нервно пошевелила пальцами.

— Куда?

— Не знаю, — приглушенно сказал он. — И вряд ли хочу знать.

Я села рядом с ним.

— Я тоже. Но, возможно, нам придется узнать, чтобы решить это. Не попытаться, да? А сделать.

Он медленно поднял голову и посмотрел на меня. Он был бледнее обычного, тонкий слой пота был на его высоком лбу.

— Я бы хотел обойти дом и дальше, если можно.

— Конечно.

— Просто... может, это не только Эбби.

Казалось, мои глаза выпадут.

— Здесь не один призрак?

Он вздохнул и выпрямился.

— Не знаю. Такими были ощущения... Необычными.

О, отлично. У меня необычный призрак.

Он встал и поднял меня на ноги, придерживая за локти.

— Здесь еще была активность? — спросил он.

Я задумалась о подходящих местах, как кабинет или кухня. А потом вспомнила.

— Комната Ады, — сказала я. — Она думала, что я ее звала.

— Надеюсь, она не против, — сказал он с улыбкой. — Я бы не хотел ее злить. Мне кажется, я ей не очень понравился.

— Да, Аду лучше не злить, — ответила я, мы вышли из комнаты и прошли по коридору. Я слышала голоса родителей внизу и звуки программы по телевизору.

Я постучала в ее дверь. На ручке висел знак «Не беспокоить», но он там был всегда.

Я услышала ворчание за дверью. Она открыла и не была удивлена нас видеть.

— Ну? — недовольно спросила она.

— Мы можем войти? Пожалуйста.

Она вздохнула, словно это было самым большим недоразумением в ее жизни, а потом прошла к своей кровати, плюхнулась на нее и скрестила руки. Она смотрела на нас, словно мы собирались обворовать комнату. Что случилось с бодрой девушкой, какой она была утром?

— Мы просто, кхм... — я посмотрела на Максимуса. Он выглядел тревожно рядом с Адой, и я его не винила. В комнате подростка находиться было непросто.

— Ты хочешь сделать чтение, — сказала Ада за него. Она нахмурилась от нашего удивления. — Не важно. Ты говорила мне, что он странный и говорит с призраками.

— Я не называла его странным, — и это была правда.

— Не страшно, милая, — сказал он мне. Ада выглядела так, словно ее тошнило от его слов. — Ты права. Я кое-что ощущаю. Ты против?

Она вздохнула, а потом отрицательно покачала головой. Я закрыла за нами дверь и села на кровати рядом с Адой.

— Тебе так сложно быть с ним хорошей? — прошептала я в ее ухо.

— Дамы, попрошу тишины, — сказал он. Он вытянул руки и закрыл глаза, словно ожидал, что пойдет дождь.

Мы с Адой сидели и смотрели на него. Было приятно, что и Ада была в этом. Я не знала, чувствовала ли она то же.

Через пару минут, судя по часам у ее кровати, Максимус открыл глаза.

— Здесь не так сильно. Но все же было.

Он посмотрел на Аду.

— Ты что-нибудь странное видела? Ощущала холод?

Она оба раза отрицательно покачала головой.

— Слышала шепот?

Ада застыла. Ее глаза виновато вспыхнули, она посмотрела на свои ладони.

— Что? — спросила я, осторожно ткнув своим плечом.

— Я слышала шепот.

Я тихо выдохнула, грудь сдавило. Только не мою сестру.

Максимус подошел и опустился на пол перед нами, положил ладонь на ее колено.

— Откуда? Что там говорилось?

Она указала на шкаф, а потом на конец кровати.

— Говорили имя Перри. Порой я не могу их понять. Они будто на другом языке.

Я смотрела на шкаф. Призрак там был бы худшим кошмаром Ады. Никто не должен был занимать шкаф Ады.

— Это было больше одного раза?

— Несколько раз, — призналась она. Я была потрясена.

— Почему ты не рассказала мне? — спросила я.

Она пожала плечами.

— Ты уже многое получила. Я справлюсь.

— Не стоило так думать.

Она посмотрела на меня.

— И тебе не стоит.

— Ужин готов! — прокричала мама с первого этажа, мы услышали удар по входной двери. Ада поспешила из комнаты, радуясь оставить нас. Я чуть не упала на пути к двери, и Максимус поддерживал меня весь путь. Я не могла поверить, что и Ада слышала голоса. Это давало больше уверенности, что все это происходило на самом деле, но я не хотела, чтобы она страдала, как я. Это ей не нужно было.

С такими мыслями я едва тронула еду, даже говядину и брокколи, которые обожала. Я совала их в рот и жевала, жевала, жевала, а потом глотала. Но вкуса не было.

Было странно сидеть за столом с парнем и моей семьей. Я не могла даже назвать его своим парнем, ведь он им и не был. Я с ним целовалась, ему нравилось звать меня милой, и я надеялась, что он как-то объяснит разрушение вокруг меня. Но только меня происходящее смущало. И Аду. Максимус говорил с моими родителями так, словно знал их годами, хотя мне было приятно, что они поладили, это меня и бесило. Они никогда не говорили ничего хорошего о Дексе (на то были причины), а к Максимусу у меня были не такие чувства, как к нему.

Я пыталась убедить себя, что сердцу нужно время. Так и было. Все с Дексом было быстрым, страстным и смутным. Мне нужен был кто-то нормальный (относительно) и хороший. Надежный. Как Максимус. Страсти мне сейчас не хватало, тяги во всем теле, но я его только встретила.

Зато он ел чау-мейн и говорил с моими родителями. И я думала об этом, хотя были проблемы важнее. Были опасности в виде нескольких призраков.

Я начала добавлять себе на тарелку курицу в лимоне, чтобы выглядеть занятой, когда трижды прозвенел дверной звонок с короткими паузами.

Мое сердце громко колотилось. Я не думала, что выдержу это.

— Кто откроет? — спросила мама со страхом в голосе.

— Я, — вызвался Максимус, я так и подозревала.

Он похлопал меня по руке, словно говоря, что дойдет сам, и отправился к двери. Папе стало неловко, и он пошел за ним, конечно, мне пришлось идти за ними. Потому что я была испуганной и упрямой.

Они стояли и смотрели на что-то на крыльце, дверь была открыта. Высокий Максимус был рядом с моим низким папой, свет датчиков движения сиял на лысине моего отца.

Я не успела увидеть, но уже знала, что это было. Голова свиньи.

И я была права. Я протиснулась между мужчинами и увидела окровавленную отвратительную голову свиньи на первой ступеньке. Глаза были выколоты. Милый злой жест.

Я скорее злилась, чем боялась. Я прошла в дом, качая головой, мама с Адой вышли с опаской из-за угла.

— О, очень по-взрослому, Эбби! — закричала я потолку, потрясая кулаком. — Ничего лучше не придумала? Это все?

— Перри, — я услышала предупреждение в тоне Максимуса. — Я бы не...

Я пожалала плечами, понимая, что была близка к тому, чтобы случайно изобразить сцену из «Я знаю, что вы делали прошлым летом». Я прошла мимо Ады и мамы и сказала им:

— Голова свиньи. Вам лучше не видеть, — и прошла в столовую.

Я опустила на свой стул и недовольно выдохнула. Голова кружилась. Каждая мысль была важной. Каждая мысль была заряженным пистолетом.

Папа вызвал полицию по телефону на кухне, а Максимус и остальные вернулись в комнату. Они стояли за стульями, смотрели на меня и на еду. У всех теперь пропал аппетит.

Ада сообщила, что устала и пойдет спать, Максимус помог моей маме убрать со стола. Я подумала, что это мило с его стороны, хотя часть меня чувствовала, что он подлизывается. Горечь от этой мысли удивляла. Я не помогала. Меня терзали мысли.

Когда он закончил, он вернулся в столовую и сел рядом со мной.

— Как ты? — спросил он. Его голос был нежным. Слишком нежным.

Я смотрела на него.

— Я не лепетала на латыни, если ты об этом.

Он сделал паузу и облизнул губы.

— Почему ты так говоришь?

Я пожалала плечами.

— Не знаю. Разве не так говорят одержимые демонами?

— Ты смотришь слишком много фильмов ужасов.

Или мало. Они бы меня чему-нибудь научили.

Он посмотрел на часы на стене, я ощутила его неловкость и знала, что он хотел уйти. Я не могла его отпустить. Не после прошлой ночи. Не после сегодня.

— Ты можешь остаться? Со мной? — спросила я, понимая, что родители в соседней комнате.

Он слабо улыбнулся, и я поняла, что хорошей новости не будет. Что случилось с Максимусом, приглашавшим меня на свидания, флиртовавшим со мной?

— У меня нет с собой вещей.

Я кивнула и посмотрела на жирную курицу с лимоном.

— Но ты могла бы поехать ко мне. Если хочешь. Я бы хотел.

Я резко вскинула голову, хоть это оказалось больно.

— Ты серьезно?

Почему я не добавила в конце «черт возьми»? И хотя я звучала глупо, факт, что мне не придется оставаться дома, был песней для моих ушей.

Он быстро кивнул и широко улыбнулся.

— Конечно, серьезно, Перри. Я был бы рад. У меня только одна спальня, но я могу поспать на диване. Это удобно и просто.

Я не соображала, но благодарно улыбнулась ему и встала, чтобы собрать вещи и сбежать из своего дома ужасов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Максимус жил в маленькой квартире в башенке нового квартирному дома у автострады. Звук проезжающих машин по шоссе успокаивал, как теплая ванна. Как могло что-то пойти не так, если за дверью цивилизация?

— Мило, — сказала я, опуская рюкзак на пол и снимая обувь.

Он пожал плечами.

— Ты так думаешь? Я не знаю. Где характер?

Он прошел в комнату и посмотрел на белые голые стены. Его голова покачивалась от отвращения.

— Я не знал, как долго здесь буду, так что снял квартиру. Иначе я бы выбрал старый домик из кирпича. С историей. Орегон не такой, как Луизиана. Все такое... новое.

— Скажи это призракам из отеля «Бенсон», — сказала я, вспомнив старое здание с неприятной историей и призраками.

— Милая, если ты думаешь, что сто лет — это старое, то мне придется тебя переубедить.

Я оставила ботинки в углу и игриво уткнула руки в бока.

— О, да? И как?

Он улыбнулся.

— Я бы вовлек в это пиво. Хочешь?

— Выпила бы парочку.

Он пропал на кухне, я пошла за ним. Как и вся квартира, она была тесной. Но все еще выглядела просто и броско. Может, потому мне и нравилось это место: в нем не было истории, что не дала бы мне покоя.

Он выудил пачку из шести бутылок «Blue Moon» из холодильника, и я спросила:

— Так ты еще не знаешь, останешься ли здесь? Так ведь?

Он выпрямился и ударил краем верхушки бутылки о край стола. Крышка отлетела и упала в рукомойник с грохотом. Он посмотрел на стол, отметил след, который его удар оставил на дешевом материале. Он провел руками по ущербу с одобрением.

— Вот. Теперь здесь есть характер.

Он вручил мне пиво, открыл свою бутылку и поднял к моей.

— За Портленд, — сказал он.

— За ответ на мой вопрос, — ответила я, приближая бутылку.

Он сделал быстрый глоток пива и вздохнул. Он провел рукой по своим волосам, стараясь не растрепать укладку сверху, и прошел в гостиную, где устроился на мягком диване.

Я прислонилась к стене на кухне, смотрела на него и ждала.

— Перри, — медленно сказал он. — Я не знаю, как долго здесь буду. Если я буду делать для Джимми что-то другое, то в Сиэтле мне быть логичнее.

Кошмар, но слово Сиэтл теперь вызывало у меня вздрагивание.

Он с надеждой посмотрел на меня.

— Но если ты согласишься на шоу, то я буду рад пустить здесь корни.

Я тихо выдохнула и посмотрела на пузырьки пива.

— Так тебя здесь держу я?

Максимус молчал, я улыбнулась и сделала большой глоток пива. Но я знала, что это была правда, и это давило на меня. Это того не стоило.

— Так что скажешь, милая?

— Думаешь, я могу тебе сейчас честно ответить про шоу? Меня саму преследует призрак.

— Вообще-то... — он замолчал, посмотрел на окно, за которым сияли огни города.

— Что? — спросила я и приблизилась. Я остановилась перед диваном, заставив его смотреть на меня. — Что?

— Ты не думаешь, что пора это все снять?

Я рассмеялась, злясь на себя.

— Ты серьезно?

— Да, Перри. Происходит что-то интересное. Почему бы не включить это в шоу? Это было бы отлично. Мы можем докопаться до истины, так еще и запишем все на камеру. Это может помочь тебе, если все... кхм... обострится.

Мой рот приоткрылся, и я закрыла его, едкий яд тек по моим венам.

— Ты невероятен, знаешь?

Он был потрясен.

— Что я сказал?

— Ты как он, — рявкнула я, выглядело так, словно я ударила его по лицу. — Вы оба одинаковые. Вам обоим плевать, что со мной, вы только хотите использовать меня для своей выгоды. Тебе должно быть стыдно. Я думала, ты другой!

Я опустила бутылку пива на кофейный столик и бросилась к двери. Я была оскорблена и в ярости, хотелось ударить кулаком по его стене. Это тоже придало бы его дурацкой квартире характер?

Он поднялся и через два огромных шага оказался на коленях передо мной, обхватил ладонями мои руки.

— Прости. Прошу, не уходи, — сказал он.

— О, не стоит, — сказала я, пытаюсь вырваться из его хватки. Я это уже слышала.

— Я серьезно, — твердо растянул он. — Я был дураком. Прости. Я не понимал, как бесчувственно себя веду. Ты абсолютно права, Перри. Я просто подумал, что ты к этому привыкла.

— К такому не привыкнуть, — тихо сказала я и была удивлена тому, что на глазах быстро появились слезы.

— О, Перри, — сказал он и встал. Он прижал меня к своей груди и обвил руками. Я застыла, а потом сдалась, и слезы полились из меня. Я даже не знала, из-за чего плакала. Я была злой и растерянной. Злой на мир, на Максимуса, на Декса. Больше всего я злилась на Декса. Без него этого не произошло бы, и я бы жила почти нормальной жизнью. У меня были демоны прошлого и скелеты в шкафу, но он пришел, разворотил все и выпустил их поиграть.

Я всхлипывала, уткнувшись в теплую зеленую в клетку рубашку Максимуса, и чувствовала, что ненавижу Декса еще сильнее.

И тут это произошло. Жаркая лава, бурлящая во мне, опустилась в живот, зажгла мою нижнюю половину. Голова кружилась от множества эмоций, и давление в комнате словно изменилось. Максимус тоже это заметил. Он чуть отпрянул, и я посмотрела на него, на его полные губы, веснушки и зеленые-презеленые глаза. А потом он поцеловал меня.

Как и раньше, я ответила ему, но в этот раз с пылом. Он обхватил меня крепче, и вскоре я впилась в него, ощутила его твердые руки и широкую грудь, силу его плеч. Он был крепким как бык, а я ощущала себя хрупкой феей в его объятиях.

Но, пока мы продолжали, а мир уплывал от нас, я все меньше ощущала себя робкой фейри. Я становилась все увереннее. Я хотела власть. И собиралась ее получить.

Мы добрались до его крохотной спальни, он ловко снял мою тунику и леггинсы, оставив меня в нижнем белье, что не сочеталось между собой. Мне было все равно. Я разорвала его рубашку, пуговицы отрывались с приятным треском.

Я замерла, чтобы восхититься тем, как хорошо он сложен, как ковбой с Дикого запада. Он выглядел естественным, словно мышцы получил, тягая тюки сена и ставя клеймо скоту. Он воспользовался моментом, обхватил мою талию и, словно я ничего не весила, бросил меня на кровать. Я приземлилась с приглушенным стуком и смотрела на него восхищенно из-за занавеса спутанных волос, упавших мне на лицо.

— Тебе нравится грубо? — сказала я хитрым голосом, испугавшим меня. Он был низким и гортанным, не моим.

Максимус словно не заметил. Он только улыбнулся с пылающими глазами и снял джинсы, а потом бросил их в другую часть комнаты. То, что он управлял, уже удивляло и отвлекло меня от странного изменения моего голоса. Не удивляло то, что он был хорошо одарен (это я подозревала, исходя из всего его размера) и уже крепок, как сталь.

В мгновение ока презерватив был на месте, а он оказался на мне. Я наслаждалась ощущением его крупного тела на мне. Он прижал влажные губы к моей шее и направился ниже. Я знала, что врачи и буклеты говорили, что секс через неделю после выкидыша уже был возможен, а прошло уже больше времени, но я все еще не хотела, чтобы он был там. Еще и лицом.

Я выгнула спину от наслаждения, он скользил языком по моим костям таза, и я схватила его за голову с одной стороны. Я потянула, пытаюсь остановить его путешествие вниз, но он был так поглощен процессом, что не обратил внимания. Я сжала крепче и попыталась снова, но без толку.

Тихий стон сорвался с моих губ, прилив силы, желания и гнева поднялся из моего живота. Я приподнялась, сунула ладони под его руки и одним пугающим движением потянула его.

Я потянула с такой силой, что он рухнул рядом со мной на кровать, подпрыгнув от столкновения.

— Милая? — выдохнул он, глядя на меня со смесью страха и удивления.

Я не могла поверить собственной силе, но не хотела задерживаться на этом.

Он попытался сесть, я одной рукой надавила на его дальнее плечо, а потом с новой для меня ловкостью забралась на него, крепко сдавила бедрами.

Я склонилась к нему, мои груди прижались к его груди, и я сладко улыбнулась.

— Это для тебя слишком грубо?

Его глаза на миг прищурились.

— Так ты хочешь сыграть?

Я рассмеялась и напала на его шею языком. Не знаю, что на меня нашло, я словно играла чужую роль в пьесе. Это было страшно, я словно смотрела со стороны, как я вожу ногтями по его рукам, но это и освобождало. Я была не в себе, но в этот раз я не переживала.

Я была отчасти даже рада этому. Возможно, даже слишком рада.

Я уверенной рукой направила член Максимуса в себя, что вызвало у него похотливый стон. Я не чувствовала боли, не чувствовала ничего, кроме энергии, растекающейся во мне. Я безжалостно целовала его и раскачивала бедрами в уверенном быстром ритме, и все больше его стонов вылетало в мой рот.

Он попытался отпрянуть, задыхаясь и не желая еще кончать. Он взмолился:

— Медленнее.

Я рассмеялась и провела ногтями по его груди. Сильнее.

— Ай, — закричал он и склонил голову, чтобы увидеть три кровоточащие линии на груди.

Я склонилась и рассмеялась в его ухо.

— Котик.

Он замер от этого.

— Кто ты? — прошептал он.

Я подняла голову и посмотрела на него, движения замедлились.

— А кем ты хочешь, чтобы я была? — ответила я.

Он нахмурился, и я ощутила еще одну волну, оттолкнувшую мой контроль еще дальше. Я хотела извиниться, но слова не вылетели, я и провела ладонью по его щеке. Я оставила четыре царапины, кровь медленно сочилась с его скулы.

Улыбаясь от его шока и причиненного ущерба, я подняла другую руку. Я знала, что могла лучше. Он заслуживал лучшего. И все они.

Я не успела ничего сделать, он вскинул руку и обхватил мое запястье так крепко, что моя ладонь обмякла, как увядший цветок.

— Хватит, — прорычал он и изо всех сил перевернул меня, оказавшись сверху. Я извивалась под ним, у меня были подозрения, что я могла бы бросить его через всю комнату, если бы хотела. Но что-то во мне сдалось, и огонь начал затухать, а власть и реальность вернулись ко мне.

Мы тяжело дышали, наши лица почти касались, его глаза сверкали от конфликта, глядя в мои. Кровь начала собираться в его порезах на лице и груди, грозя пролиться на меня. От этого мне было нехорошо, чего не наблюдалось, когда я наносила ущерб.

— Я рад веселью, Перри, — сказал он. — Но порой и мне хочется сыграть.

Он слабо улыбнулся. От этого кровь с его щеки упала мне на лицо. Я скривилась, мое лицо покраснело от смущения, а не похоти. Что на меня нашло?

— Прости, — тихо сказала я. Я была в ужасе.

— Милая, не надо. Как говорится, у каждого свой стиль секса. Просто... давай будем мягче. И медленнее.

Он вытер большим пальцем кровь на моей щеке.

— Теперь мы квиты.

Я умудрилась рассмеяться. Он поцеловал меня, и мы начали снова. Прилив гнева и силы, который я ощущала раньше, держался в стороне. Мы двигались медленнее. Я не могла кончить, потому что боялась отпустить себя, но в этот раз все было хорошо. В этом я отчаянно нуждалась. Кто знал, что нехватка секса ведет к жестокости? Но медленный темп его устраивал, он бурно кончил. Он вышел, снял полный презерватив и лег на простыни рядом со мной, а я мысленно отметила, что не стоит тянуть со следующим разом.

Пока я не легла слишком удобно, я выбралась из кровати и, смущаясь, выбежала обнаженной из его спальни в коридор, где схватила свою сумку и быстро оделась в пижаму в

ванной.

Когда я вернулась в спальню, Максимус уже укутался в одеяла и тихо посапывал. Решено.

Я забралась к нему, повернулась в его сторону, желая чувствовать себя безопасно и близко. Снаружи все ехали машины, а я уснула с замешательством и довольной ухмылкой на лице.

* * *

— Тебе это понравилось, да?

Мой разум был кружащимся прудом нефти и теней. Я открыла глаза, и холодный влажный ветер ударил мне в лицо. Была ночь, и я стояла на дорожке у реки, где мы с Максимусом впервые поцеловались. Только теперь я стояла на толстом каменном поручне вдоль края. Река мерцала в темноте и текла под моими босыми ногами. Вдали не переставали звенеть колокола церкви.

— Ты хочешь потерять контроль.

Я осторожно повернула голову, чтобы не нарушить равновесие. Эбби стояла в нескольких футах, склонившись к холодному камню, одетая в бледно-розовое платье, что трепал зимний ветер. Она смотрела на реку, ее глаза напоминали воду, были темными прудами обсидиана.

— Можно просто прыгнуть, знаешь?

— Я сплю, — сказала я с трудом, голос словно доносился издалека.

— Ты сможешь долго спать, когда умрешь.

Она подняла голову, и я увидела, что ее глаза не черные. Их просто не было. Как на голове свиньи, их не было, остались только темные, грубо изрезанные глазницы.

— Что ты от меня хочешь? — спросила я. Язык казался опухшим и слишком большим, чтобы двигаться. Тут я поняла, что мое тело придвинулось на дюйм к краю поручня. Я двигалась, не понимая этого.

— Мы хотим тебя, — просто сказала она. Ее голос гудел, как провода.

— Кто — мы? — я придвинулась еще на дюйм, желудок сжимался.

Она пошла, белые каблуки издавали резкие звуки при каждом шаге, хотя она парила в нескольких дюймах над землей. Она остановилась и посмотрела на реку. Звон колоколов стал громче.

— Я не знаю его имени...

— Его?

— Я не знаю имени, — она пронзила меня взглядом. — Но мне обещали.

— Что обещали?

Еще дюйм.

Эбби улыбнулась. Ее рот приоткрылся, из него в небо вылетели две осы, их гудение пропало за звуком колоколов.

— Тебя.

Мои ноги свисали с края, вода бушевала внизу, как яростный водопад, готовый проглотить меня целиком. Она пульсировала со звоном невидимых колоколов.

Я оглянулась на Эбби.

— Почему меня?

Даже с пустыми глазницами она смогла выглядеть удивленно.

— Потому что я умерла не по своей вине, — сказала она так, словно я была дурой. — А из-за него.

— Месть, — прошептала я. Ветерок подхватил мои слова и унес над волнами.

Мои ноги переместились еще на дюйм. Меня ничто не поддерживало. Я даже не размахивала руками, чтобы сохранить равновесие. Я просто безмолвно падала, как палка без опоры, все ниже и ниже, к зубам и черным языкам реки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

И хотя я проснулась утром от аппетитного запаха жарящегося бекона, доносящегося с кухни Максимуса, и от яркого солнечного света, падающего из окон, воспоминание о сне было достаточно четким, чтобы все еще меня пугать. Я легла, слушая, как Максимус насвистывает «Understand Your Man» Джонни Кэша, и прогоняла темные картинки из головы. Я все еще видела, как бушующая река готовится встретить меня, водоворот голодных ртов, звук негодования в металлическом голосе Эбби. Данное ей кем-то или чем-то обещание. Обещание получить меня.

Я поежилась, несмотря на тепло спальни, и была рада, когда Максимус позвал с кухни: — Ты уже пошевелилась, солнышко? Завтрак готов.

Я улыбнулась от его спокойного тона и поднялась с кровати. Мышцы, особенно бедер и рук, болели от неожиданного использования прошлой ночью. Все остальное было в порядке, боли не было. Я вытащила ноги из-под одеял. Я начала опускать их на пол и замерла. Что-то было не так.

Я подняла одну ногу и посмотрела на подошву ступни. Она была черной от грязи.

Другая нога выглядела так же. Я с тревогой подняла одеяла. Там, где лежали мои ноги, теперь остался след грязи, словно я прогулялась с босыми ногами, а потом забралась в постель, не вымыв их.

Желудок сжался. Прошлая ночь должна была остаться сном. Я не была мокрой. И точно не была мертва.

— Милая?

— Иду, — сказала я, но не смогла убрать дрожь из голоса. Я быстро смела грязь с ткани и заправила постель. Я потерла ноги о серый ковер, радуясь жесткости дешевой поверхности и цвету, что скрывал грязь. Я не могла объяснить, почему, но мне не хотелось, чтобы Максимус знал об этом. Только не сейчас.

Он оставил белый халат поверх моего рюкзака, и я надела его и пошла по квартире.

Новизна квартиры уже не успокаивала меня. Как я могла быть в безопасности, если покидала и это место посреди ночи и уходила на ночные приключения?

— Ты в порядке? Немного бледная, — сказал Максимус, когда я зашла на кухню. Он опустил два ломтика бекона на тарелку яиц и тоста и подвинул ко мне локтем. — Это тебе, солнышко.

— Спасибо, — сказала я как можно добрее. Я взяла тарелку и понюхала. — Я просто немного... устала.

Он кивнул с улыбкой и повернулся, чтобы взять солонку из подставки со специями. И тут я увидела на его лице четыре тонкие царапины, что тянулись от скулы к его рту.

Я сглотнула и впиалась в тарелку сильнее, чтобы не уронить.

Он вскинул бровь, а потом застенчиво улыбнулся.

— Да, мое лицо. Говорю тебе, Перри...

— Прости! — воскликнула я, прерывая его. Я опустила тарелку на стойку со стуком и потянулась к его лицу, нежно прижала пальцы к порезам. Ему это шло, придавало еще один слой грубости и загадки, но мне все еще было стыдно. Я не была жестокой, тем более, во время секса.

Он поймал мою ладонь и поцеловал, не сводя взгляда с моего лица. Он не выглядел

злым, но мне лучше не становилось.

— Не переживай. Я, наверное, заслужил это.

— Я не пыталась тебя ранить, — сказала я. Но, как только произнесла это, стала сомневаться.

Он пожал плечами и сжал мою ладонь.

— Я тебя не виню. Но, эй, порой первый раз получается немного слабым. Мы найдем свой стиль.

Он поцеловал меня в щеку, посыпал солью свою яичницу и понес тарелку на стол. Я не знала, будет ли другой раз, чтобы найти наш стиль. Утром похоть и пыл ночи угасли, и я не могла тратить много времени на отношения с Максимумом. Я даже не знала, хотела ли этого. Может, я просто хотела секса. Но я знала, что мне нужно было сосредоточиться на более важном.

Я села напротив него и налила себе свежесваренный кофе из чайника.

— Библиотека близко? — спросила я у него между глотками.

— Ты же местная, маленькая леди, — отметил он, обхватив чашку большими ладонями. — Идем читать?

— Я иду.

— Не хочешь компанию джентльмена?

Я насмешливо огляделась.

— Не вижу ни одного.

Он негромко рассмеялся и принялся за еду.

— Но ты можешь меня позвать.

— Ты можешь пойти, если сможешь. И не будешь смеяться надо мной. Или осуждать меня.

Он замер, яичница была на вилке.

— Почему ты так говоришь?

Я склонилась, чтобы он понял, как я серьезна.

— Я хочу взять книги об одержимости демоном.

Я видела, что он хотел сказать что-то, чтобы я передумала, но проглотил это. Серьезно, я видела, как покачнулся его кадык.

— Зачем? — ровным голосом спросил он. Его глаза были немного стеклянными, словно мысленно он уже осуждал меня.

— Потому что я думаю об этом.

— Но, Перри, одержимость демоном — это одно. А призраки — это другое. Это не одно и то же.

— Но похожее, — возразила я.

Он покачал головой, его глаза расширились.

— Нет. Призрак — дух умершего человека. Это все еще человек, или когда-то был он. Демон не из этого мира. Это не человек. У него нет человеческих чувств. Это чистое... зло.

Он заметил выражение моего лица и добавил:

— Я не пытаюсь запугать тебя. Я просто думаю, что мы бы оба поняли, если бы ты была одержима демоном. Мы бы точно не сидели тут и не беседовали бы. Это может быть призрак, Эбби... можно продумать эту теорию. Мы пойдем в библиотеку и поищем что-то об этом.

Честно говоря, я была потрясена его поддержкой. Она успокоила мои нервы и придала

сил доест (хотя Максимус переборщил с острым соусом), я впервые за долгое время ощутила надежду, поверила, что мы сделаем что-то, и у меня появится шанс.

Видимо, эти чувства перешли и в амурные, потому что я не успела осознать, а он пошел в душ, выглянул из-за шторы, и пригласил меня присоединиться. То, что я думала раньше, что между нами может не быть другого раза, вылетело из головы. Пока что. Ручейки грязи утекали от моих ног в сливное отверстие, но Максимус был отвлечен минетом и не заметил. Я ощущала, как с грязью утекает и негатив, его пальцы нежно скользили вокруг моего клитора, и я даже смогла ощутить оргазм без мыслей, что все рухнет в ад.

И потом мы оба со свежими лицами (у меня точно, но его лицо все еще было потрепано из-за моих ногтей) вышли к солнцу и отправились дальше по улице, меняли общественный транспорт. Я подозревала, что лучше всего искать книги из серии оккультизма в большой кирпичной Центральной библиотеке. И если там ничего не будет, дальше можно было отправиться в «Книги Пауэлла».

Центральная библиотека Малтнома была огромной. За пару минут поиска в их онлайн-каталоге мы нашли очень много странных, жутких и необъяснимых названий.

К счастью, они были на одном этаже. Некоторые секции были о призраках и НЛО, а другие — о демонах и колдовстве. Несмотря на слова Максимуса, что одержимости демоном у меня нет, мне все еще было любопытно, и когда я сказала ему, что проверю те книги, он не возражал.

Часть с оккультными книгами на этаже была чуть дальше и тише остальных. Вокруг меня стояла тишина, я искала номера из каталога на боках стеллажей. Я быстро огляделась, чтобы заметить признаки жизни. Я и не думала, что тут будетлюдно, но флуоресцентный свет мигал надо мной, и от этого было не по себе.

Я отогнала это жуткое ощущение и пошла дальше по ряду, высокие стеллажи окружали меня, словно грозили обвалиться и раздавить меня. Я остановилась у правильных цифр и начала листать книги.

Все тут же стало казаться неправильным. Словно чтение книг могло пригласить в мою жизнь что-то темное и опасное. Конечно, это было смешно, ведь нечто темное и опасное уже было в моей жизни. И не только я.

Спину пронзили иголки льда и холодный пот, я потянула за куртку сзади, чтобы отлепить тунику от тела. И хотя я была в публичной библиотеке, понедельник был тихим, я была вдали от Максимуса, а библиотека была старой и полной истории. Закрыв глаза, я могла представить, как выглядела эта секция в начале века. Может, оккультные книги хранили запертыми в склепе, покрытыми паутиной и окруженными капающей водой.

Холодное дыхание задело мою щеку.

Я тихо вскрикнула и вздрогнула, выронила книги. Я не обращала внимания на боль, когда самая большая книга упала на мою ногу, я дико озиралась. Свет мерцал, вокруг никого не было.

— Блин, Перри, — отругала я себя, а потом скривилась из-за жалкого выбора слов.

Я присела, чтобы собрать книги. При этом я смотрела поверх книг на полке.

Я увидела пару ног, от лодыжек до колен, стоящих на другой стороне. Они были босыми, с множеством порезов на них. Они не двигались, и только полка с книгами разделяла нас.

Я замерла, пальцы слепо нащупали корешок самой толстой книги. Я не хотела отводить взгляд от ног, ведь две секунды назад там никто не стоял.

Ноги повернулись, медленно и беззвучно пошли вправо. Я осторожно встала, пытаюсь уловить движение между книг, но ничего не видела. Я напряженно смотрела, пульс колотился в горле, я ждала, когда человек повернет за угол и покажется мне.

Тихий смех позади меня.

Я развернулась, прижимая предательские книги к груди. Книга в твердом переплете в конце ряда выдвинулась, подталкиваемая с другой стороны, и упала со стуком на землю.

Это мог быть обычный человек, немного неуклюжий. Просто кто-то искал книги о садоводстве и нечаянно уронил эту.

С другой полки, ближе ко мне, упала еще одна книга, рухнув плашмя и раскрывшись на ковре.

Я отпрянула.

Рука показала между полок и впиалась в пояс на моей талии.

Я закричала и отскочила от женской руки, а та впиалась сильнее. В панике я посмотрела на полку и заметила красные сияющие глаза, глядящие на меня. Нижняя часть лица была закрыта, но я знала, как выглядят ее зубы, знала, что она опасно улыбалась.

Я с последним рывком высвободилась из хватки, потеряла равновесие и упала на другой стеллаж, сбила ее, и острые уголки книг впились в мою спину. Я не теряла времени и вскочила на ноги, побежала оттуда, слыша, как следом за мной падают книги.

Я бежала мимо стеллажей с колотящимся сердцем, не обращая внимания на мрачные взгляды стариков, читающих газеты, и студентов, пытающихся учиться за столами. Я бежала, пока не нашла Максимуса с горой книг на столе, листающего страницы.

Он поднял голову и тут же вскочил со стула.

— Перри, что случилось?

Я покачала головой, боялась говорить, не могла дышать.

Он уже лучше понимал меня. Он опустил ладонь на мое плечо и склонился, пристально глядя на меня.

— Хочешь, чтобы я посмотрел?

Я покачала головой.

— Мы можем уйти?

— Конечно, — сказал он и тут же подхватил пару книг, оставив остальное библиотекарям.

Он посмотрел на мою грудь.

— Ты это берешь?

Я опустила взгляд. Я все еще прижимала к груди самую крупную книгу, впившись в нее. Она была темно-коричневой, без обложки от пыли, называлась «Демонология 101» золотыми буквами. Я догадывалась, что книга идет со мной.

* * *

— Так что ты делала весь день? — спросила мама за ужином, горой пюре и жареной курицы, к которым мне не хотелось притрагиваться.

«О, знаете, — я размышляла и подчеркивала ударения, тыкая пюре вилкой, — проснулась после ночи секса и хождений во сне, позавтракала, получила прекрасный минет

в душе, сходила в библиотеку за книгами об одержимости и увидела демона. Все как обычно».

Вместо этого я подняла голову и улыбнулась ей.

— Ходила в библиотеку и читала.

— Ты работаешь завтра? — спросил папа. Он выглядел хуже, глаза опухли от бессонницы. Когда мы с Максимусом покинули библиотеку, он хотел знать, нужна ли моему отцу помощь с уборкой кабинета. Было уже слишком поздно, папа ждал уборщиков рано утром, все было сделано. Глядя на папу, я понимала, как пугала его эта ситуация. Не только я страдала.

— Нет, у меня не так много смен на этой неделе, — сказала я. Это было так. У меня вообще не было смен, пока я не докажу Шэй, что я не психопатка, и мне казалось, что это проще сказать, чем сделать.

Я ожидала, что он будет недовольно ворчать, но он не стал. Он просто продолжил есть.

Я посмотрела на Аду, что была необычно тихой. Она странно смотрела на мою шею, как только поймала мой взгляд, она понимающе улыбнулась. Я заподозрила, что там большой засос, и тут же прикрыла шею волосами. Это вызвало смех Ады.

— Может, стоит спросить у Перри, как прошла ее ночь, — весело сказала она.

Мои родители неловко переглянулись, и я мрачно посмотрела на нее.

Мама кашлянула.

— Уверена, Перри хорошо провела время с этим Максом. Он просто чудо.

— Так и есть, — согласилась я и села прямее, готовясь произносить речь. Видите ли, у меня был план. — Мам, пап, я тут подумала... с Максом все идет хорошо, и я хотела бы видеть его. Раз я пытаюсь накопить деньги, — я пронзила отца взглядом, — может, нам с ним стоит встретиться здесь. Его квартира очень маленькая. И я хотела бы приготовить ему хороший ужин.

Мама фыркнула, я впервые за последнее время увидела, как она смеется.

— Перри, ты не умеешь готовить. Ты можешь печь, но ужин из одного яблочного пирога не сделаешь.

— Но ты умеешь, — быстро сказала я. — Я просто хотела, чтобы мы побыли одни. Здесь. Если... это не слишком, я подумала, может, вы вдвоем сходили бы на ужин. На свое свидание. И мы все насладились бы личным.

— А я? — недовольно спросила Ада.

— О, ты можешь пойти к друзьям, — сказала я. Она скрестила руки и откинулась на спинку стула. Я хотела подмигнуть ей, ведь дело было в том, что Ада никуда не шла. Я хотела остаться с Максимусом одна для церемонии очищения дома, и Ада, хоть она и не знала, была необходимым участником.

Я посмотрела на родителей с надеждой и любовью. После пары секунд переглядываний они посмотрели на меня и почти одновременно кивнули.

— Ладно, милая, — сказала мама. — Но только пару часов. И без шалостей.

Она погрозила пальцем, хотя все мы знали, что я уже пошалила ночью.

— И не мечтала, — сказала я с улыбкой. Все медленно вставало на места. Хоть раз.

После библиотеки мы с Максимусом пришли в его квартиру, и я объяснила, что произошло с книгами, рассказала про девушку-демона. И было сделано два вывода. Или я перестаралась, и это было воображение (сомнительно), или что-то сверхъестественное меня преследовало (вполне вероятно). При втором варианте нужно было очистить дом, место, где

начались эти кошмары. Так был шанс, что я буду защищена дома, а потом, может, и в библиотеках и кофейнях.

Максимус проверил много книг об очищающих ритуалах, составил список трав, масел и свечей, какие нужно было купить. Он обещал, что справится, если я смогу освободить дом вечером как можно скорее.

— Какая ночь подойдет лучше? — спросила я у родителей, зная, что нужно спрашивать как можно быстрее, независимо от их ответа.

К счастью, папа сказал:

— У меня завтра вечером работа, так что среда подойдет. А у тебя, милая?

Мама кивнула, и я выдохнула с облегчением.

Ужин закончился, и я вызвалась мыть посуду с Адой, чтобы отблагодарить за то, что они разрешили все это устроить.

— Ты меня вдруг возненавидела? — прошипела Ада, когда родители ушли в гостиную, чтобы читать и пить чай.

Я убедилась, что родители не слышат, а потом опустила тарелки в раковину и схватила ее за руку.

— Слушай, это все обман.

— Что? Дурман?

Я закатила глаза.

— Нет. Обман. Я их обманула.

— Соврала? Говори нормально.

— Да, соврала. И мне нужно, чтобы ты была со мной дома.

Ее нос сморщился, она отпрянула от меня.

— Фу-у-у! Перри, я не хочу играть в ваши странные секс-игры с этим рыжим...

— Ада! — теперь шипела я. — Тише говори. И, фу, нет! Игры? О чем ты думаешь? Нет нам нужна твоя помощь в очищении дома, извращенка.

Она нахмурилась и обдумала это.

— Типа «Призрак, уходи»? Или как то, что делали ребята в кабинете? Они убирали руками.

— Понимаю, — сказала я и включила воду, чтобы ополоснуть тарелки. — Но ты не хотела бы поучаствовать в, кхм, магии?

— М-А-Г-И-Я? Да? Я не против.

— Хорошо. Не знаю, что задумал, Максимус, но... — я замолчала, заметив неудобство на ее лице. — Что теперь?

— Ничего, — сказала она.

Я вздохнула, сил игнорировать это уже не было. Я спала с Максимусом, и ее поведение начинало меня раздражать.

— Что за проблема? Серьезно. Он был с тобой милым. И не говори, что это из-за цвета волос.

Она пожала плечами и взяла тарелку.

— Не знаю. Он просто...

Я вскинула брови, ожидая продолжение.

Она продолжила натянутым голосом.

— Просто он слишком уж хорош. Думаю, он что-то скрывает.

— Что-то скрывает? — повторила я. — Он злодей с закрученными усами?

— Ты понимаешь, что я имела в виду, — процедила она, ставя тарелки в посудомойку. — Это странно. Стоило Дексу пропасть, и он тут же прибыл.

Я прикусила губу и переключила внимание на упрямый кусочек курицы на сковороде.

— Это не так, — наконец, сказала я.

— Может, так, может, нет. Но я ему не доверяю. Думаю, тебе нужно сохранять ясную голову. Тебе нужно, чтобы за тобой кто-то приглядывал.

Я рассмеялась и посмотрела на нее краем глаза.

— Ада всех спасет?

— Я бы хотела пригодиться для чего-нибудь, — сказала она с улыбкой.

— Не нужно себя унижать, малыш, — пошутила я. Это было в стиле Декса и вылетело инстинктивно. При звуке моей клички что-то внутри сжалось.

Ада посмотрела на меня с теплом, нам не требовались еще слова. Мы продолжили мыть посуду, только шум воды нарушал тишину.

Через пару часов наступило время сна, и осознание этого ударило меня тонной кирпичей, одной в комнате было намного страшнее. И хотя я послала Максимуму пожелание спокойной ночи (на которое он ответил: «Сладких снов, милая», и я услышала это в голове), он был у себя дома, а я у себя, где гром окон, скрип дома, хлопанье двери и гудение электричества выводили меня из себя. Я оставила включенным ночник у кровати, решив, что можно вести себя как шестилетняя девочка. Если за мной что-то шло, я хотела увидеть это. Нельзя было винить меня за это.

Вспомнив, что было раньше, я посмотрела на книгу из библиотеки. Я отчасти ожидала, что она начнет летать по комнате, но она просто лежала на моем столе, выглядя зловеще. Я ее еще не открывала, решив, что стоит сделать это среди людей и на солнце. Мое воображение могло разыгаться так, словно меня захватил кто-то из ада.

Я поежилась от мысли и отругала себя за такие размышления перед сном. Я посмотрела на часы, где было 11:40. Все в доме спали, мне не нравилось, что не сплю только я.

Мои глаза закрылись, обрезав свет, и мысли начали путаться, готовя тело и разум к ленивому пути в сон. Я была почти там, когда что-то заставило глаза открыться.

Я задержала дыхание во рту и слушала за громким биением сердца.

Тишина.

А потом...

Вот. Над головой. Стук с крыши.

Я медленно повернула голову, чтобы смотреть вверх, разглядывала пустоту сверху.

Тук.

Тук.

Тук.

Что-то там точно было. Что-то ходило по крыше.

Выбора не было. Я схватила еще одну подушку и накрыла ею голову, закрываясь от шума и света. Я могла лишь игнорировать страх. В этот раз только сон мог меня спасти.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Время до вечера среды тянулось ужасно медленно. Ада была в школе днем, я все еще не работала, хотя я начинала испытывать от этого угрызения совести. Мне не нравилось прохлаждаться, но у меня был шанс стать хорошим работником только после очищения, когда все будет под контролем. И пока моя жизнь была на паузе.

К счастью, вся ненормальная активность вокруг меня притихла. Может, Эбби (или кто это был) знала, что грядет, и боялась. Или копила энергию для нападения. В общем, были лишь стуки с крыши, и все выглядело ярче. В прямом смысле. Казалось, что мои глаза привыкли везде видеть тени, а теперь все было свежим и чистым.

Я мало говорила с Максимусом и верила в то, что он затевал, хотя насторожилась, когда он позвонил мне поздно во вторник и попросил кое-что сделать.

— Что ты хочешь? — повторила я.

— Получи ногти и волосы своих родителей.

Я сидела на диване и смотрела с ними новости. Я скривилась от отвращения, но они не обратили внимания.

— Как... и зачем вообще, Максимус? — прошептала я.

— Знаю, звучит странно, но это часть ритуала изгнания. Радуйся, что тебе не нужно найти кровь дракона.

— Кровь дракона?

Теперь уже родители оторвали взгляды от телевизора и странно посмотрели на меня. Я вяло им улыбнулась и пошла в свою комнату

— В Луизиане этого полно, но здесь найти сложно.

— Видимо, это выглядит нормальнее, чем звучит, — сказала я, поднимаясь по ступенькам. Я замерла в коридоре, оглянулась на лестницу и быстро и тихо пробралась в спальню родителей и в их большую желтую ванную, где было достаточно света, чтобы увидеть каждую пору на лице. — И что мне нужно делать с... частичками родителей? — спросила я, разглядывая полку. Я заметила расческу мамы, а папина нашлась в одном из шкафчиков.

— Найди стеклянный флакон, можно пластиковый, и оставь их в нем.

Я взяла пинцет и отцепила волос, держа его подальше от себя. Забавно, как мило выглядели волосы, как приятно их было касаться, пока они были на голове, и какими гадкими они были, когда падали с нее.

— Ммм, тебе стоило сказать об этом сразу, — сказала я, кривясь. — Где я возьму ногти?

— Думаю, это не так важно. Волос хватит. Но нам нужно такое же от тебя и Ады. И от меня.

— Это говорится в книге? — я быстро потушила свет в ванной и беззвучно прошла в свою комнату, пока меня не поймали с волосами в руке.

— Я точно не выдумываю, — ответил он. — У тебя есть колокольчик?

— Колокольчик? — я вспомнила звон из своих снов.

— Да. Знаешь, динь-динь.

— Я знаю, что это такое. Зачем он нам?

— А зачем нам святая вода? Просто надо. Если не найдем, написано, что можно

заметить айподом.

Я рассмеялась.

— Нам нужна святая вода и кровь дракона, но если мы не найдем колокольчик, можно просто использовать айпод.

— Вот так.

— Да уж.

— Увидимся завтра, Перри. Выспись хорошенько.

— Удачи с драконом. Потребуется большая игла, — сказала я и закончила разговор.

Следующим вечером мы с Адой сидели в моей комнате, листали книгу по демонологии и несколько, которые она взяла из школьной библиотеки. Они были про ведьм, ничего слишком серьезного для школы, но было приятно знать, что она тоже восприняла это серьезно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вот это ад, — сказала она, замерев на странице.

— Ада, — возмутилась я, такие слова меня нынче задевали. Я заглянула в книгу. Она была старой, дополненной черно-белыми рисунками гадких существ в отвратительных позах. Я смотрела на рисунок вверх ногами, но он все еще был понятен, и это говорило о многом.

Она посмотрела на меня с болью.

— Ужасные художники.

— Они в это верили, — сказала я.

— Представь, если они такое видели?

Теперь мне стало не по себе.

— Я не хочу думать об этом.

Она смотрела на меня своими большими голубыми глазами. А потом она сказала:

— Думаешь, это с тобой происходит? Seriously?

— Не знаю, — призналась я. — Максимус так не думает. Он говорит, что такое бывает редко, и если это было бы... связано с демонами, мы бы точно поняли. Посмотри на происходящее. Похоже на призрака, и он сосредоточен на мне. Кроме свиньи, все касалось меня.

— Но ты взяла эту книгу.

Я посмотрела на свои ногти. Коралловый лак облетел, они снова были нормальными.

— Просто у меня странное ощущение. Здесь, — я прижала ладонь к животу. А потом приложила к голове. — И здесь.

Она кивнула.

— Ты так сильно веришь своим инстинктам. Ты можешь ошибаться. Но я думаю, что дополнительная осторожность не помешает.

Я вспомнила предупреждения Максимуса об опасности экзорцизма для тех, кто не одержим. Я надеялась, что до такого не дойдет.

Вскоре родители были у моей двери, Ада тут же спрятала книги под подушку. Они выглядели неплохо. Папа был в костюме, хотя синий пиджак натянулся на его животе, мама была безупречна, как всегда, в лавандовом платье и с черным жемчугом.

— Ада, оставь сестру, — возмутилась мама. — Иди, иди.

— Меня заберет Рейчел через десять минут, — соврала она с солнечной улыбкой.

— Хорошо, — сказала ей мама и перевела бледные глаза на меня. — Повеселись, Перри. Не сожги кухню. И остальное.

— И никаких шалостей, — строго сказал папа, мама шлепнула его по руке. — Эй, ты тоже так говорила.

Они покинули комнату, мама крикнула:

— Мы сообщим, когда будем возвращаться. Не позднее полдесятого!

Они ушли, и мы остались дома. Я посмотрела на Аду. Максимус должен был прийти в 18:30, и времени было не так много, как я надеялась.

— Надеюсь, они не нагрянут посреди этого, потому что будет неловко.

— Тогда твоему рыжему лучше знать быстрое очищение... — хмуро сказала она.

Я подозревала, что он и общее очищение делать не умел. Но не было смысла думать об этом. Все было готово, и нам оставалось лишь действовать.

В 18:30 Максимус подъехал на своем грузовике, подошел к входной двери с дюжиной пакетов. Царапины на его лице стали страшнее, стали черно-красными.

— Нам нужно все это? — спросила я, открыв дверь и впустив его.

— К сожалению, — сказал он и склонился, чтобы поцеловать меня в щеку. Он посмотрел на Аду за мной, она свысока смотрела на него.

— Фу, что с твоим лицом?! — сказала она.

Он улыбнулся и с любовью погладил щеку.

— Дикая кошка.

Я покраснела и посмотрела на сестру, мысленно прося ее вести себя хорошо, на ее лице появилось смирение.

— О. Мы рады, что ты пришел, — с неохотой сказала она.

— Спасибо, блонди, — сказал он. И протянул ей один из пакетов. — Ты будешь отвечать за материал для очищения.

Она с опаской взяла его и заглянула внутрь, пока он повернулся ко мне.

— Бутылочку ведьмы сделала? Получилось?

— Что? — сказала Ада, но я его поняла. Я быстро взбежала по ступенькам в свою комнату за флаконом на своей тумбочке. Как он и просил, бутылочка была стеклянной, и на дне были волосы всех членов семьи, и наши с Адой ногти. Выглядело как крысиное гнездо из черных и светлых волос.

Я принесла флакон на кухню, где они собрались, вытаскивали предметы из пакетов на стол.

— Вот, — я протянула ему. Мы скривились при виде флакона.

— Мило, — сказал он. — И дом?

Я сказала ему, что выкопала ямку на заднем дворе, где это можно будет закопать без свидетелей, если только родители не решат потом выкопать там пруд.

— Ага, пруд. Зарплаты папы для этого не хватит, — сказала тихо Ада.

Никто это делать и не стал бы.

Мы посмотрели на все перед нами. Там был медный колокольчик, бутылочка ведьмы, два стеклянных флакона с прозрачной жидкостью (видимо, святая вода), коробочка соли, две небольшие миски, пакеты специй красного и желтого цвета, бутылочка красного масла и черная и белая свеча.

— Ты ведь будешь все объяснять? — спросила я.

Максимус улыбнулся и подошел к чулану. Он вышел с метлой, которую вручил мне, и шваброй, которую отдал Аде.

— Да. Но сначала нам нужно вымыть дом.

— Перри! Ты обещала, что ручного труда не будет! — закричала Ада, в ужасе глядя на швабру.

— Я не знала! — парировала я и посмотрела на Максимуса.

— Нужно убедиться, что все поврежденные места вымыты, — спокойно сказал он. — Пыль и грязь задерживают негативную энергию.

— Ладно тебе, — сказала Ада.

— Эй, не я это придумал, — сказал Максимус, подняв руки, сдаваясь. — И упрощать их не мне. Я буду вытирать пыль.

Я посмотрела на часы. Придется поспешить.

Мы начали с первого этажа и пошли по дому, Максимус вытирал труднодоступные места, следом шла я с метлой и мусорным мешком, а потом Ада со шваброй и ведром. Наш дом не был поместьем, но был довольно большим, и было очень много закоулков. Почти час мы занимались этим. Мои родители точно удивятся, когда вернутся в сверкающе чистый дом, но я надеялась, что тогда уже будет все равно, что говорить им, ведь наши проблемы закончатся.

Потом мы собрались на кухне, которую Максимус нарек сердцем дома (наверное, потому там и спрятали тушу свиньи). Он расставил все особые предметы на голубом полотенце мамы, и стало похоже на алтарь. А потом он вытащил щипцы и небольшие ножницы из кармана черной рубашки, отцепил пару кусочков ногтей, попросил меня отрезать немного его волос сзади. Потом он сунул их в бутылочку к остальным и запечатал ее скотчем.

— Теперь, — сказал он, подняв коробочку соли, — мы очищаем.

Он вышел из кухни и дошел до входной двери. Мы с Адой следовали за ним, держась позади, не зная, что он собирался делать.

Он присел и провел широкую полосу соли вдоль двери.

— Очищающая соль, — сказал он громким гулким голосом, что эхом отражался от потолка и стен, — позволяет впустить позитивную энергию и выгнать негативную. Позволяет нежелательной энергии и сущностям покинуть дом и больше не вернуться.

Часть меня хотела смеяться, потому что это звучало в стиле Гарри Поттера, всяких трюков, и звучало смешно. Другая часть напряглась, словно в его словах была сила.

Ада придвинулась ко мне. Она тоже это ощущала.

Он встал и слабо улыбнулся нам.

— Теперь мы обойдем дом по часовой стрелке, сделаем так со всеми дверями, ведущими наружу.

Мы с Адой переглянулись, но пошли к дверям сзади дома. Когда мы закончили с этой дверью, то пошли к проходу в гараж, и Максимус повторил действия.

— Хорошо, что это не наша соль, — прошептала я, было ощущение, что стоит говорить тише. — Мама бы задалась вопросом, что я готовила.

— Она подумала бы, что ты перепутала соль с сахаром, как в тот раз с пирогом, — рассмеялась Ада, я присоединилась, смутившись, это была моя первая попытка готовить.

— Дамы, — резко сказал Максимус. Мы удивленно посмотрели на него. Я никогда не слышала его таким, мы замолчали. — Простите, но пора быть серьезнее. Перри? Особеннс ты. Это твой призрак. Если ты не будешь собрана на сто процентов, не поверишь в это, то все будет напрасно. Или хуже.

Я беспомощно посмотрела на Аду, а потом на пол.

— Прости, — пробормотала я.

Он опустил ладонь на мое плечо и сжал его. Его лицо все еще было строгим, губы — поджаты, но он кивнул.

— Все хорошо. Правда. Теперь время святой воды.

Я возвращалась на кухню так, словно поджимала хвост, он взял флакон святой воды и снова пошел по часовой стрелке, мы оказались у каждого окна в доме.

Он брызгал туда водой, капли оставались и мерцали в свете комнаты, он просил, чтобы мы с Адой представляли, как из дома уходит негативная энергия, соль и вода создавали невидимый щит.

Мы вернулись на кухню, и Максимус громко произнес:

— Я пришел этой ночью, чтобы очистить этот дом. Этот дом принадлежит Паломино, негатив и сущности не должны быть здесь. Они хотят, чтобы вы ушли. Уходите!

Дом молчал. Тишина была неприятной. Я задержала дыхание, Ада, похоже, тоже, ее лицо лишилось цвета. Мы боялись двигаться. Максимус тоже замер, разглядывая воздух вокруг нас.

Наконец, я прошептала:

— Это все?

— Нет, — сказал он, потрянув головой. — Я просто подумал, что что-то произойдет. Нам нужно обойти еще раз и окропить водой каждый угол дома.

Ада выдохнула и проскулила:

— Опять? Я устала.

Я ткнула ее локтем.

— Терпи.

Не знаю, бывали ли вы в каждом углу своего дома, но их там больше, чем вы думаете. И нам нужно было пройти везде, даже в ванные и под лестницей, где была паутина. Вместе мы скандировали:

— Мы очищаем это место, негатив покинь это место, — и медленно это превратилось из детского стишка в нечто сильнее. Я ощущала это. Воздух кружился вокруг меня, словно добро и зло пытались перетянуть меня.

Когда все закончилось, мы вернулись на кухню, и Максимус поднял флакон ведьмы высоко в воздух. Свет озарял его огненные волосы и позу, он словно делал подношение богам. Так, в принципе, и было.

Он заявил, что весь негатив затянет в бутылочку, где он и останется и больше не сможет навредить.

После этого он произнес речь:

— Так тому и быть! — и наступил мой черед. Я подняла колокольчик и начала звенеть им. Звон был легким и приятным, а не яростным громом, как во сне.

Я все время звенела, мы ходили по дому, и я утомленно тихо повторяла:

— Как звон наполняет дом, пусть его наполняет свет. Зло и тьма уходите, пусть вернется добро и свет, — мы снова обошли каждую комнату. Звучало глупо и странно. Но каждая комната стала светлее, словно лампочки очистились от пыли.

Очистив комнаты, мы вернулись на кухню, где Максимус произнес последние слова.

Он смотрел нам в глаза, а потом скользнул взглядом по стенам, выражение решимости не менялось.

— Этот дом очищен. Негатив изгнан. Свет и добро, заполните место. Теперь в доме

можно жить.

Мы вышли из дома через заднюю дверь, стараясь не нарушить полоску соли на пороге, и шагнули во тьму заднего двора, чтобы закопать бутылочку ведьмы. Я опустилась на холодную траву у ямки, которую выкопала ложкой, которая еще лежала рядом. Я выбрала это место, почти у края двора, потому что оно его не трогала мама, там не стриг газон по выходным садовник, которого вызывал отец. Там никто не подумал бы искать. Никто и не догадался бы, что там предмет со всем негативом дома. Я там росла, так что это знала.

— Может, стоило выкопать ямку глубже, — сказала я, боясь, что этого мало.

Максимус вручил мне бутылочку, она была холодной и странно пульсировала в моих руках.

— Это подойдет.

— Надеюсь, — я осторожно опустила бутылочку в неглубокую могилу и посмотрела на Максимуса и Аду. Датчик движения на доме озарял их спины, они возвышались надо мной, как безликие статуи. Прохладный ветер трепал их волосы, пряди развевались, как сияющие нити шелка.

Я руками перемещала холодную землю, траву и камни на бутылочку, пока не заполнила ямку и не приладила горку ладонями, прижимая с силой, словно это запечатало бы ее там навеки.

— Осторожно, не сломай ее, — предупредил Максимус.

Я подняла голову, чтобы согласно улыбнуться, но движение у дверей за ними отвлекло меня.

Я едва видела, что там, потому что свет отражался от стекла дверей. Но в свете из коридора было видно большой широкий силуэт, стоявший там. Он был футов в восемь ростом, крупнее Максимуса.

У черной массы не было деталей, кроме пары горящих красных глаз у вершины. Они мерцали, как рубиновые угольки в печи. И они смотрели на нас.

Я хотела кричать, вопить, а не пялиться, но я застыла от ужаса, была лишена дыхания, кости замерзли и не давали двигаться.

Максимус и Ада заметили выражение моего лица. Они повернули головы.

И тоже видели.

— Что это такое?!

— Ох, блин, — Максимус схватил Аду за руку и слепо потянулся за моей.

Мы в ужасе смотрели, а существо у дверей медленно уменьшалось, словно уходило в коридор. Его глаза стали черными, и мы больше его не видели.

Я сглотнула с силой. Не хотелось подниматься. Я хотела сидеть во дворе, ближе к земле. А потом захотела убежать далеко-далеко.

— Ты... мы... мы все это сделали, — сказала Ада слабым дрожащим голосом. — Максимус, ты сказал... что мы будем в безопасности. Боже, Перри, что это было?

Я нашла силы двигать языком, но смогла лишь сказать:

— Не знаю.

Сильные руки Максимуса подхватили меня под руками, и он легко поднял меня на ноги. Он не был испуган так, как я. Ада побелела и дрожала.

— Все хорошо, — сказал он.

— Хорошо? — пропищала я. Я лишилась дара речи, рот раскрылся, чтобы что-то произнести, но ничего не получалось.

— Да, — сказал он резким тоном. Он схватил Аду, придвинул ее ко мне, взялся руками за наши плечи и склонился. — Это был только первый шаг. У нас есть порошки, кровь дракона. Нужна еще одна чистка. Изгнание. Он только показывает нам свою силу. Он дразнится.

— Он? — спросила Ада. — Я думала, это все Эбби?

— Дамы, порой все не так просто.

Нет. Во сне Эбби намекала, что она не одна. Там был он или оно. Я все еще не знала, был ли это просто сон, или пророческое послание из загробного мира, но я не могла игнорировать это. То, что мы видели, не было Эбби.

Может, ее тут и не было. И я поняла Максимуса. Это мог быть кто угодно, но он был мертв, и нам нужно было избавиться от него. Даже если нужен был еще один ритуал, даже если нужно было вернуться в дом, где было это существо.

— Ладно, — выдавила я. — Я готова. Сделаем это.

Я не знала, откуда взялась сила. Максимус улыбнулся мне с восхищением. Я взяла Аду за руку и крепко сжала.

— Мы избавимся от этого, — сказала я ей. — Сейчас.

Максимус вел, мы с Адой держались за руки, уходя от бутылочки, закопанной за нами. Мы прошли в дом.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вся бравада покинула меня, как только я перешагнула нетронутую соль и попала в дом, но Максимус ощутил это и крепко сжал мою руку. Воздух внутри был таким холодным, что дыхание вырывалось паром, и становилось холоднее у кухни, словно мы забирались в глубины ледяной пещеры.

Ада включала везде свет, и, хотя кухня была ярко освещена, мне все еще казалось, что я улавливаю тени краем глаза. Максимус осмотрел комнату и принялся смешивать порошки в миске. Мы молчали, но я старалась стоять как можно ближе к Аде.

Что это было? Разум пытался найти в нем облик чудища, но мы видели большую черную фигуру. Это было даже хуже. Воображение заполняло пустоты, и увиденное искажалось, становилось страшнее, чем в реальности. Если это было в реальности. У него все-таки были сияющие глаза.

Максимус мешал порошки ложкой, кошмарно пахло корицей и гнилыми яйцами.

— Гадость, — пробормотала Ада, но даже ее комментарии потеряли остроту. Ее голос дрожал от страха.

— Это сера, — тихо и терпеливо сказал он. — Нужно посыпать этим углы.

Ада не жаловалась. Мы медленно пошли по дому, вздрагивая, когда сталкивались друг с другом, сердца колотились от скрипа пола. Крупного темного монстра не было видно, и мы ощущали лишь холод, что проникал в кости и жалил глаза. Мы окропили потом все соленой водой, скандируя слова.

Наконец, мы дошли до конца изгнания, нужно было обмакнуть черную свечу в алое масло крови дракона и посыпать ее порошками. Максимус передал ее мне с серебряной подставкой и сказал держать ее ведущей рукой. Мне пришлось задуматься, какая это была рука. Я была правой, но не так давно обнаружила задатки амбидекстера, все больше делала левой рукой. Это было вместе с новой силой, может, усиливался мозг.

Я взяла свечу, он зажег фитиль, который заискрился, а потом успокоился, загорелось спокойное желтое пламя.

— Сгорает эта свеча, как и все негативные энергии в этом месте, — строго сказал он и посмотрел мне в глаза. — Повтори. А потом ты, Ада. Помощь нам нужна. Все эти пять минут. Вперед.

Мы с Адой повторили фразу, я тревожно посмотрела на часы. Родители вернутся через сорок пять минут, если не раньше. У нас не было пяти минут. Но и монстр в доме нам не требовался.

После пяти минут пытки, взглядов друг на друга, пока мы прислушивались к каждому шуму в доме, смотрели на облака дыхания в воздухе и дрожали, он заставил меня опустить свечу на стол, а потом дал мне в правую руку белую свечу.

И мы вместе сказали:

— Белая свеча заполнит пустоту светом и надеждой.

Потребовалось пять спичек, чтобы загорелась свеча. При последней попытке я ощущала беспомощность, не знала, что будет, если мы не сможем закончить ритуал. Но последняя спичка сработала, упрямый фитилек вспыхнул, и огонек слабо заплясал перед нами

Максимус сказал:

— Эта свеча догорит, позитивная энергия наполнит это место, не впустив негатив, —

мы повторили за ним. Он указал жестом, что я могу опустить свечу, и мы смотрели, как свечи догорают.

— Все? — тихо спросила я, его лицо сияло от огня. Танец добра. Танец зла.

— Мы закопаем их во дворе. Но не возле бутылочки.

Мои глаза расширились.

— Я не хочу туда идти.

— И я, — пропищала Ада.

Он слабо улыбнулся.

— И я не хочу. Но я могу сам, если вы хотите остаться дома. Одни.

Мы с Адой переглянулись. Что было лучше?

— Огонь почти догорел, — прошептал он, кивнув на свечи. Черная стала лужей воска, что лился с подставки на стол. Белая была близка к этому. Я была рада, что он принес короткие свечи. Оставалось пятнадцать минут, судя по часам на кухне, и надежда была лишь на то, что мама напишет мне, а мой телефон пока не вибрировал.

Черная свеча догорела с облачком дыма цвета оникса, через минуту это сделала белая.

— Хорошо, — я отошла от выступа, к которому прислонялась. — Пора закопать...

На этом свечи вдруг загорелись сами, хотя в них не оставалось воска.

— Ох, — сказала Ада. Мы смотрели друг на друга, не зная, что делать.

— Ждем, — неуверенно сказал Максимус. Он развел руки за собой, закрывая нас с Адой и удерживая нас. — Им нужно самим догореть.

Мы следили за огоньками, а они танцевали в холодном воздухе. Мой телефон загудел, мы вздрогнули, а я охнула. Дрожащими пальцами я вытащила его из кармана и посмотрела на экран. Мама.

— Огням лучше догореть за эти десять минут, — предупредила я.

— Они вообще не должны уже гореть, — сказал Максимус.

Я склонилась, отодвинувшись от его руки, и посмотрела на свечи. Они были лужами, за прозрачным воском и огнем я видела металл подставки. Сам воск горел. Как такое возможно?

И тут ужасающий грохот заполнил дом. Звучало так, словно распахнулась входная дверь.

Свет вокруг нас погас.

Огонь потух.

Мы оказались в темноте.

Ада заскулила.

Раздался рев, шорох из гостиной, я уловила в коридоре сияние. С любопытством и страхом мы покинули кухню и пошли вместе, с опаской вышли в коридор. Входная дверь была распахнута, соль перед ней танцевала, словно играла с невидимым ветром, который мы не чувствовали. Соль взлетала и падала, а потом разлетелась по паркету, как дорожка, мимо наших ног, а потом повернула вправо, в сторону гостиной, где было сияние.

Мы пошли за ней, и я не была удивлена, увидев, что в гостиной ярко горит, трещит и ревет огонь в камине. Сначала казалось, что кто-то стоит перед огнем, черный силуэт смотрел на пламя спиной к нам. Но это была игра света, потому что я моргнула, и там никого не оказалось.

— Кто зажег огонь? — спросила Ада. Казалось, ее хрупкая фигурка сломается пополам от страха.

— Или что? — добавила я, это не помогало. Она пошатнулась и прижалась к дверному

косяку.

— Там... что-то есть, — сказал Максимус, сосредоточенно щурясь. Он пошел широкими шагами по персидскому ковру.

— Осторожно, — с тревогой окликнула я.

Он замер перед огнем, посмотрел на него пару мгновений, напоминая то, что я видела до этого. Было очень похоже. У меня было предчувствие?

Он схватил кочергу справа от себя и осторожно ткнул ею в сердце огненного зверя.

Мы с Адой пристально следили за ним, он вытащил кочергу и повернулся к нам. Конеч кочерги пронзал, как гарпун рыбу, прямоугольный кусочек бумаги.

Он медленно подошел к нам, глядя на нас с растущей тревогой.

— Что это? — спросила я.

Он осторожно снял бумагу, которая обгорела, дымилась и была обтрепана по краям, с острого конца и показал нам.

Это была фотография.

Не просто фотография. Наша последняя семейная фотография, сделанная три года назад. Хотя от огня цвета выгорели, было четко видно маму и папу, стоящих за диваном, и нас с Адой, устроившихся перед ними, вежливо скрестив ноги, улыбаясь. Фотография была счастливой.

Была.

Наши глаза были замазаны черным, ровными кругами.

Я забрала ее из руки Максимуса, мне было плохо, узел страха был в животе.

Нас окутала тяжелая тишина, мы обдумывали значение фотографии.

Это была угроза? Предупреждение? Знак?

И кто это оставил?

Я открыла рот, чтобы задать эти вопросы, когда сильный порыв ветра обрушился на камин, потушил огонь за раз, оставив нас снова во тьме, вырвав фотографию из моей руки.

А потом зловеще и медленно проскрипела входная дверь.

И...

Раздалась ругань на шведском.

— Что это такое?

Вернулись родители. Я слышала, как сглотнула Ада.

— Перри, Ада? — позвал папа из-за угла.

— Что такое? Почему так темно? — крикнула мама. Я представляла, как она кривится при виде разбросанной соли.

Вдруг свет загорелся в коридоре. Мы услышали щелчок на кухне, а потом они вскрикнули.

Теперь в гостиной было достаточно света, чтобы мы видели друг друга. Я не увидела нигде фотографию и не знала, куда ее унесло, но подозревала, что разницы уже не будет, если ее найдут родители. Они уже разозлились из-за бардака на кухне.

Я вздохнула. Похоже, мне было, из-за чего еще бояться. Я посмотрела на Аду и Максимуса.

— Вот и веселье.

Мы вместе пошли к неизвестности, покинули комнату и прошли на кухню.

Родители смотрели на самодельный алтарь. Отец был в ужасе, а лицо мамы покраснело. Может, от алкоголя, может, от гнева.

Они посмотрели на нас троих, и я видела, как им сложно все сопоставить. Они были удивлены.

Я старалась объяснить все как можно лучше, и как я думала, что происходит что-то странное из-за плохого состояния, выкидыша, кошмаров, ботиночков и лунатизма.

Мама просто качала головой, у нее не было слов. Ей и не нужно было говорить. Я знала, о чем они думали. Отец был потрясен и в ужасе, что я творила «колдовство и магию» под его крышей (так он и сказал), а мама была расстроена, что ее дочь вернулась к прошлому, когда я видела воображаемых людей и обвиняла демонов в поджоге домов.

Конечно, они мне не верили. А с чего бы? Они никогда мне не верили. Они верили лишь тому, что я снова сошла с ума и шла по той же скользкой дорожке. Только моего объяснения моих мыслей о том, что происходило, им хватило, чтобы все сложить вместе. Но они не считали, что меня терзает призрак, они решили, что я снова схожу с ума. Лицо мамы искажилось, она хмурилась, и это ее старило и напоминало мне о тех годах.

Порой говорила Ада, ее сердце все же было добрым, и она пыталась заставить их увидеть, что здесь что-то происходит, что мы хотели как лучше. Но все ее старания родители не воспринимали. Ада была любимицей, но все еще была подростком, и в таких делах ее в учет не брали.

Они готовы были слушать только Максимуса. А Максимумс едва произнес хоть слово. Он не защищал меня и не поддерживал. Он молчал, возвышался и смотрел, почти с неодобрением, словно вдруг оказался на стороне моих родителей, словно весь этот ритуал не был его идеей.

Наконец, когда я закончила речи, и Ада начала тихо убирать все, родители потрясенно посмотрели на Максимуса.

— А что расскажешь ты об этом? — холодно спросил мой отец.

Не глядя на меня, он улыбнулся им и сказал.

— Мой взгляд почти совпадает с Перри.

Я расслабилась.

— Она верит, что это происходит с ней, — продолжил он. Мое сердце замерло. — И я знаю, что спорить здесь не стоит. Я убедил ее, что ритуал ее спасет.

— Подлиза! — взвыла Ада, она бросала специи, миски, колокольчик и склянки в мусорный мешок с грохотом. — Ты сказал, что это сработает! Ты верил в это!

— Ада, тихо, — сказала моя мама, а потом посмотрела на Максимуса. — Ты сделал в доме бардак из-за этого.

— Я только пытался помочь вашей дочери, миссис Паломино.

Она скрестила руки и посмотрела на меня.

— Да. Я это вижу. Если это продолжится, помочь Перри сможет только бедный доктор Фридман. Я клялась, что мы больше не зайдем в его кабинет...

Мертвые бабочки во мне встрепенулись, пробудились от ужасающей угрозы встречи с моим старым психологом. Я могла убить Максимуса прямо сейчас, а потом еще раз за то что он играл со мной, и я пронзила его самым убийственным взглядом, чтобы он заметил.

И он заметил. Он переминался, избегая моего взгляда, и сказал папе:

— Я прослежу, чтобы все было убрано, а потом только уйду. Это только соль и специи. Я пройду с пылесосом, и все пропадет раньше, чем вы скажете Атчафалайя.

Папа прищурил на миг глаза, глядя на него, и расслабился.

— Знаю, ты любишь еду с юга. Но не стоит делать и ковры каджунскими.

Это была... шутка?

Да. Папа улыбнулся Максимуму, несмотря на происходящее. Он улыбнулся, похлопал его по плечу, и они с мамой покинули кухню и направились в свою комнату.

Как только они оказались далеко, и я уже не слышала вопли мамы из-за обнаружения корицы и серы всюду, я с силой ударила Максимуму по руке. Я чуть не ударила его по лицу, но быстрый взгляд на его щеку меня остановил.

— Что это была за фигня? — закричала я на него, пытаюсь держать голос ровным и под контролем, но мне это не удалось. Гнев и смятение были опасно высоко, сдавили мое горло, были готовы пролиться на него самым ядовитым ядом.

— Ой, — сказал он, потер руку и отпрянул от меня.

— Козел!

— Подтверждаю! — добавила Ада.

Он драматично пожал плечами.

— Что? Я не смог кивнуть вам, и это делает меня таким же сумасшедшим, как вы?

— Что, прости? — я пронзительно вопила.

Я шагнула к нему, и он отошел на пару шагов, пока не ударился ногами о плитку.

— Что? — спросила я. — Теперь ты меня боишься? Боишься после увиденного ночью?! Ты ведь видел. Ты видел это. Ты видел штуку снаружи, видел, как выключился свет, а камин, чертов камин зажегся сам по себе. И фотографию. Фотографию моей семьи. Кто это сделал? Не говори, что я!

— Говори тише, — сказал он мне, взгляд стал тяжелым.

Я шла, пока не прижалась к нему, и ткнула пальцем у его глаза.

— Не смей указывать мне говорить тише. Ты и твоя, твоя... пассивность, трусость стоили мне визита к старому психологу! Ты мог разрушить мне жизнь, и я не шучу.

— Перри. Ты веришь, что одержима призраком, а то и дьяволом. Твоя жизнь уже разрушена, да?

У меня не было слов, и я просто смотрела на него, а потом отошла с шумным выдохом и встала, кипя, рядом с сестрой.

Она виновато посмотрела на меня и сказала Максимуму.

— Но ты это видел. Я тоже, а я точно не чокнутая. Не всегда. Не часто. Здесь точно что-то есть. И теперь оно останется, потому что тебе было страшно сказать моим родителям правду. Ты... дебил!

Она посмотрела на меня после последнего слова, словно искала одобрения. Я кивнула.

— Почему оно останется? — спокойно спросил он. — Мы совершили ритуал. Свечи догорели сами, мы их не трогали. Вам осталось только закопать их на заднем дворе.

Когда я рассказывала о случившемся родителям, я опустила часть о закапывании бутылочки ведьмы. И о монстре в доме. Было бесполезно рассказывать им, и я не хотела, чтобы папа выкопал ее, потому что он бы стал так убирать все, связанное с черной магией.

— Или во дворе спереди, — продолжал он. — Я могу дать вакуумный пакет. Ритуал еще держится.

— Откуда нам знать? — спросила я. — Ты видел фотографию. Камин. Это было после всех слов и дел.

— Но свечи еще не закопаны. Тогда все будет сделано. А теперь, милая, ты сама все понимаешь. Мы можем только ждать и смотреть.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Следующим утром я хотела только спать. Проспать еще день, неделю, год. После того, как мы закопали свечи (спереди во дворе, подальше от взглядов родителей, ведь окна их спальни выходили на задний двор), я помогла Максимуму убрать пылесосом сильно пахнущую смесь, что мы разбросали. К сожалению, пришлось заходить и в комнату родителей, пока они готовились ко сну, но зато мы справились с этим раньше, чем у мамы случился приступ.

Когда мы попрощались около полуночи, он склонился для поцелуя. Но я не могла ответить. Его действия разозлили меня, и даже если он говорил, что делал это для меня, что-то шло не так. Может, дело было в том, что сказала Ада, что она не могла доверять ему. В любом случае, я была насторожена, была не в настроении для любви, хотя было что-то сексуальное в том, как яростно он вел себя при ритуалах.

Но это была моя женская часть. Голова и инстинкты говорили отвести взгляд и сказать:
— Потом поговорим. Спасибо за помощь, — и закрыть дверь. Может, словно немного поблагодарить его.

Я сильно устала, и к десяти утра меня грубо разбудил звонок телефона.

Я приоткрыла один глаз и увидела серый мрак, проникавший из окон в мою комнату. Я перекатилась и схватила телефон, посмотрела на экран размытым взглядом.

Черт. Это была Шэй.

Я кашлянула и быстро ответила:

— Алло?

— Перри, — сказала она странно деловитым тоном. — Как ты?

— Кхм, — я перевернулась на спину и прижала ладонь ко лбу. Как ответить? — Уже лучше, поправляюсь.

— О, рада слышать, — сказала она, словно я сказала ей то, что стоило миллион баксов. — Ты не против заглянуть сегодня?

— В кофейню?

— Да. Не для смены. Я просто хотела поговорить.

Ох. Я вдруг ощутила волну тошноты, а потом пустоту в груди.

— Ох... ладно.

— Не переживай, — сказала она. — Приходи к трем.

— Хорошо. Увидимся, — вяло сказала я и посмотрела на телефон, я слышала, как она положила телефон. Я нажала на кнопку завершения вызова и опустила телефон рядом с собой.

Я уже это проходила. Я знала, что это было. Она могла говорить мне не беспокоиться, но я знала, что меня ждало.

Может, я всегда просто спешила выбрать самый худший вариант. Шэй только хотела увидеть меня. Я же ей нравилась, да? Она не уволит кого-то из-за болезни. Это ведь было незаконно?

Я выдохнула с шумом. Она просто хотела увидеть меня и разработать график, сделать это не по телефону. Шэй предпочитала такое.

Я вдохнула и встала, чтобы начать день.

Мои нервы пылали, когда я припарковала Тыр-тыр у кофейни и прошла через стеклянные двери. И хотя был час-пик, я все равно ощущала, как все смотрят на меня, шепчутся: «О, это та девушка, что вела себя буйно». Конечно, никто не замечал меня, никому это не было нужно. И я была обычной одежде, это помогало.

Но я не могла скрыться от Эша или Хуана, студента из Колумбии, с которым я работала только пару раз. Я слабо улыбнулась им, пока неловко заходила за стойку. Они были заняты заказами, так что они не могли поговорить со мной, но это мне даже нравилось. Чем меньше слов, тем лучше.

Я смотрела на лицо Эша. Он был теплым и сдержанным, как обычно, но на меня смотрел как-то иначе. Будто я вот-вот сорвусь, будто я — обезьяна в клетке зоопарка. Мама смотрела на меня так раньше, когда я была не в себе. Стоило ожидать, что Эш изменится, увидев «настоящую» меня. Он не звонил и не писал мне с вопросом, в порядке ли я.

Было больно, но я пыталась не обращать внимания, пока шла к двери, поглядывая на уборную по пути, ноздри раздувались, запах все еще был, теперь он был связан с жутким запахом смерти.

Я услышала приглушенный голос Шэй:

— Войдите, — когда я постучала, и я открыла дверь с тревогой и прошла в комнату.

Она распаковывала только доставленный кофе, пакетики зерен были под ее руками, она посмотрела на меня, темные волосы упали ей на лицо.

— Перри, — она неловко выпрямилась. — Привет, проходи, садись.

Она указала на раскладной стул за столом в комнате.

Я подошла и села, она сунула пакетики на полки и вытерла руки о фартук.

— Выглядишь лучше, — она оценила меня взглядом, устроившись на краю стола.

Это было не так. Мое лицо выглядело изможденным, ведь я плохо ела, от впадин под глазами я напоминала ходячий скелет. Теперь уже я теряла вес.

Но я знала, что она пытается быть хорошей, так что поблагодарила ее и ждала, затаив дыхание, того, что будет дальше.

Сначала была добрая улыбка, как у мамы, когда ее дочь плакала, ведь не могла получить Барби, которую сильно хотела. А потом прозвучало печальное:

— Перри, ты нам здесь нравилась, — а потом была унижительная речь о нуждах компании, моем поведении, болезни и последней капле. Которой были деньги. Всегда они.

Я сидела, онемев, не ощущая ничего.

Меня уволили.

Снова.

В этот раз, потому что я была для них недостаточно нормальной. Она не сказала этого, но явно подразумевала. Особенно, когда Шэй сказала, что рассказал ей Эш. Он перестал молчать о моих головных болях, о головокружениях. Теперь это было известно, и это подтверждало, что случай был не одним, и что такой я была, что я всегда была проблемой.

Как я могла спорить? Я даже не пыталась. Я не знала, что сказать, потому что не знала себя. Казалось, что нормальной я уже не буду. И у меня не будет нормальных друзей, нормальной работы, потому что кто-то где-то решил, что я была связью с загробным миром. Я не могла прийти на собеседование и сказать:

— Мое худшее качество — меня часто преследуют призраки. Это, а еще промедление.

Я не двигалась, пока Шэй не закончила. Она смотрела на меня с виноватым видом, словно говорила, что ей самой это не нравилось, и этого хватило. Слезы полились из моих глаз, горячие и быстрые, лились по щекам, оставляя следы от туши. Это было слишком.

Слишком много.

Ночь с Дексом, разрыв с ним (лучшим другом и моей любовью!), после чего я вырвала его из своей жизни, потеря друзей и шоу, потеря цели, депрессия, боль, что преследовала меня, кровавый выкидыш, Эбби, призраки, что терроризировали меня, Максимус, родители угрожали мне лечением, думая, что демон хочет захватить мою душу.

А теперь это. Меня уволили из черного кофейного магазина даже не по моей вине, но я была привязана, как собака на коротком поводке. Как бы я ни лаяла или рычала, я не могла сбежать, прикованная, из-за чего я никогда не могла освободиться.

Мне было всего 23. Я никому не вредила. За что?

ПОЧЕМУ Я?

— Я этого не заслуживаю! — прокричала я, всхлипывая. Я содрогалась, будто тонула, вопила, терзая горло. Я ощущала, что Шэй еще там, что она не знала, что сказать или сделать, но я ощущала себя одной в этом ужасном горе, вопль вырывался из моего рта как предсмертный крик. Я впиалась ногтями в голову так сильно, что пошла кровь, я раскачивалась, пока не услышала изо рта Шэй одно слово.

Оно было далеким, тихим, я не видела ничего, кроме слез в мокрой тьме.

— Доктор.

Я вскинула голову и попыталась увидеть в тумане, среди слез и макияжа, волос, что липли к моему мокрому лицу.

— Ч-что? — спросила я, судорожно дыша.

— Думаю, тебе нужен доктор, — сказала она. — Я позвоню.

Она прошла к телефону, но я схватила ее за запястье. Это было не грубо, но на ее лице появились удивление и страх.

— Нет, — пролепетала я, пытаясь перевести дыхание. — Прощу. Не надо докторов. Просто... поймите. Вы не знаете, через что я прохожу.

Она печально улыбнулась и опустила руку.

— Знаю, Перри. Я желаю тебе удачи. Ты всем нам нравилась, особенно Эшу. Но тебе не стоит переживать из-за работы. Ты не в себе, тебе нужно поработать над собой.

— Это не поможет, — пробормотала я. Я всхлипнула и вытерла слезы руками.

— Обещай, что попытаешься, — сказала она. Она подняла руку, словно хотела похлопать меня по спине или плечу, но замешкалась и неловко кашлянула. — Мне нужно дальше разбирать товар.

Я слабо кивнула, чувствуя себя бесполезной.

Ненадежной.

Ненужной.

Нелюбимой.

Она продолжала говорить о том, что мне выплатят зарплату, что нужно попроситься с Эшем и Хуаном, что я могу оставить форму, если хочу, но все это влетало в одно ухо и вылетало из другого. Это не имело значения.

Я развернулась и ушла под тучи, что выглядели тяжелыми, как мое сердце, оставив позади еще одну попытку жить нормально.

— Перри, что такое? — крикнула мама, когда я промчалась мимо нее по лестнице, направляясь в ванную. Только там был замок.

— Ничего, — крикнула я из-за двери, хотя знала, что она видела мое заплаканное лицо и слышала хрип в моем голосе.

Я слышала, как она поднялась, замерла у ванной. Она молчала, но присутствие матери всегда можно было ощутить. Она слушала, пытаясь понять, насколько мне плохо.

Я вздохнула и всхлипнула, она тихо постучала в дверь.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего! — прорычала я, глядя на дверь и представляя ее лицо. Терпение пропало. — Я хочу побыть одна.

— Хорошо, тыковка.

Пауза.

— Не делай ничего глупого.

Ничего глупого? Что она вообще думает?

— Я собираюсь принять ванну, мама! — оскалилась я. Я не планировала этого, но при взгляде на ванну я представила, как лежу там среди пены, и это показалось заманчивым. Пока я была здесь с запертой дверью, меня никто не мог ранить. Я могла побыть одна. И я могла думать о том, что делать дальше.

Она промолчала, и пока я включала воду, я ощутила, что она отошла от двери.

Я громко выдохнула, а потом сняла одежду и оставила грудой на полу. Я была рада, что Ада в школе, и я могла побыть в ванной без ее стука в дверь и требований выйти. Хотя Ада нынче старалась не злить меня. После всего, что мы прошли вместе, хоть я была испорченным подростком, а она идеальным ребенком, она оставалась на моей стороне. Она заботилась. По-настоящему.

Это уже что-то, да? Я могла улучшить свое состояние, помня об этом.

Я схватила бутылку геля с запахом лаванды, налила в горячую воду небольшими сгустками, пока ванну не наполнила успокаивающая пена. Когда она нагрелась и наполнилась достаточно, я выключила воду и сунула туда ногу. Было горячее, чем нужно, но я была в настроении мазохизма.

Опустившись туда, я пару раз глубоко вдохнула, отвлекаясь на жар воды, что сделал мою кожу розовой. Я медленно погружалась, немея. Я прижалась головой к холодной плитке сзади и закрыла глаза.

Я ни о чем не думала, я хотела пустоту. Я хотела не существовать хоть немного. Но я не могла выключить мозг, который на ужасной скорости продолжал работать. Я видел картинки, сцены случившегося с Шэй. А потом того, что произошло, когда меня уволили с прошлой работы. А потом как я узнала, что мой парень из колледжа, Мейсон, изменял мне, а потом были события из старшей школы. Девушки звали меня толстой, парни смеялись надо мной, учителя боялись меня. Мои клички. Я много раз ела одна в библиотеке, прячась от библиотекарей. Я увидела лицо Джейкоба перед смертью. Я видела, как он преследовал меня, как предупреждал о другой стороне. Я видела спокойное и недоверчивое лицо доктора

Фрийдмана, когда я говорила ему правду. А потом вдруг увидела лица, которые не узнавала. Разные люди, старые и молодые, белые и черные, общим был только ужас. Их рты были открыты, они кричали, но я ничего не слышала, и они пронеслись мимо меня десятками, а потом сотнями и тысячами, пока не осталась лишь тьма.

И одно лицо во тьме, появившееся из размытой точки. Края скул кровоточили черной нефтью во тьме. Улыбка была приятной как ржавчина. В глазах были красные тучи.

Лицо безмолвно смеющегося монстра.

Надо мной.

И я не могла дышать.

Теплая жидкость попала в мои ноздри. Мой нос оказался под водой.

Я подняла голову и открыла глаза, которые пронзил резкий свет ванной. Я отплевывалась. Я чуть не уснула в ванной. Или уже уснула? Сердце дико билось о грудную клетку. Я могла умереть. После всего случившегося.

Я собралась и прижала ладони ко дну ванны, чтобы плечи оказались над водой, остатки пены упрямо цеплялись за них, как вата.

Как долго я была без сознания? Кожа сморщилась, была серо-розовой, пены в воде осталось мало, и вода быстро остывала.

Я не была готова выходить в мир. Я не знала, буду ли готова. Я склонилась и покрутила кран, решив оставаться в ванной навеки.

Кран содрогнулся, издал странный металлический скрежет, от которого задрожала бело-голубая плитка вокруг меня.

Но воды не было. Кран был сухим.

Я покрутила его сильнее.

Ничего.

Я заподозрила, что родители перекрыли воду, но тут ужасный звук, похожий на крик, раздался из крана, а потом раздался странный шорох.

Я инстинктивно отпрянула, создавая рябь на воде.

А потом выпала черная капля, паучок. От него тоже пошла рябь, но он не утонул, а быстро задвигал лапками и словно поплыл ко мне.

— Фу, — тихо вскрикнула я и начала плескаться на него водой.

Ванная снова содрогнулась. Кто-то где-то смеялся.

И вдруг черная вода полилась из крана, она текла так быстро и сильно, что я потрясенно застыла.

Застыла, пока не поняла, что это не вода, а пауки. Сотни, тысячи паучков лились в ванну ко мне, пробивали остатки пены корчащимися телами. Каждый был не больше веснушки, но вместе они были покрывалом ужаса.

Я закричала. Я визжала, пока ванная не задрожала, а потом попыталась выбраться. Ноги и руки скользили подо мной, паучки забирались по моим рукам и телу, на плечи и шею.

Я плескалась и кричала, пока вода с пауками не попала мне в рот, а потом глупо шлепала себя по животу, рукам и груди. Паучки давились под моими руками, оставляли вспышки боли, словно они были едкими внутри, жижа прилипала к моему телу. Я извивалась дико и слепо, не смогла встать на ноги, выбралась через край ванны и рухнула на пол комнаты как кусок мяса.

Мне хватило одного взгляда на ванну; она была заполнена до краев злыми пауками, не переставали течь из крана. Они вытекали через край угольными ручейками на фоне

фарфора, все еще армией направляясь ко мне.

Они были в моем носу, во рту и на волосах.

Всюду.

Я слышала, как родители зовут меня, дверная ручка дергалась. Я встала на ноги, все еще издавая бурлящий ужасный крик.

— Помогите, помогите! — верещала я, ударилась о дверь, стучала кулаками, пока они не заболели.

— Перри,пусти нас, — вопил папа, но я бросалась на дверь, глупо и беспомощно пытаясь выбраться. Я не хотела оглядываться. Ванная снова содрогнулась, звучало так, словно мир разрывался на части.

Я стояла спиной к двери, пауки все еще цеплялись за мою голую кожу, я увидела, что в ванне была дыра у дна, и она становилась все шире и больше, пока не стала темной брешью в пустоту.

Две паучьи лапы размером с людей, в три фута длиной, покрытые жесткой черной шерстью, выбрались из бреша, обхватили край ванны. Они впились во влажный фарфор, пытались вытащить тело из дыры.

Я не хотела видеть, что там. Я знала, что вылезут еще шесть лап.

Я схватилась за дверную ручку, задергала изо всех сил, а потом вспомнила, что заперла ее. Я нажала на кнопку, и дверь открыли родители, потрясенно смотрящие на меня.

Я рухнула в руки мамы, обнаженная и мокрая, и кричала в ее плечо:

— Сними их с меня, сними!

— Успокойся, Перри, — сказал отец, и я ощутила его ладонь на своей голове. Через секунды я была укутана в полотенце.

— Что случилось? — спросила мама, она почти плакала. — Что случилось с тобой?

Она держала меня на расстоянии вытянутой руки, и я прижимала полотенце к груди. Она вскрикнула, глядя на мои руки.

Я кивнула и сказала:

— Не знаю... они просто напали, и...

— Что ты с собой сделала?

— Что? — я проследила за ее взглядом.

Я была не в пауках. Я была покрыта множеством порезов, что пересекались и кровоточили.

Моя голова кружилась. Я посмотрела на родителей. Посмотрела на ванную за их плечами. Ванна была целой, вода была мутной, пол комнаты был мокрым, но пустым. Пауков не было.

Нигде не было.

А я была в царапинах.

— Не знаю, — сказала я, качая головой. — Не знаю. Я этого не делала.

Так ведь? Я же просто принимала ванну. Ванну с пауками, что вдруг исчезли.

Но я бы никогда себя не ранила, я так делала в 15.

— Мы встретимся с доктором Фридманом, — сухо сказала мама. — Завтра.

Последний раз я его видела в 15.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

После ванной я помнила, как родители несли меня в комнату и пытались уложить. Они не слушали рассказ о пауках, они не верили, когда я говорила, что не царапала себя. Они не слушали, и я разозлилась и бросила в папу книгу по демонологии.

И чуть не попала по его голове, он поднял книгу, прочитал название и побелел.

Я не хотела бросать книгу. Я действовала, не подумав. Но часть меня хотела ранить его. Сильно, чтобы он понял, как все серьезно. И я не шутила.

А потом рядом оказалась Ада, пыталась со слезами успокоить меня. Видимо, это сработало, потому что я пришла в себя через пару часов. Мама дала мне несколько желтых таблеток от тревоги, они смотрели на меня, пока я принимала их, а потом я расслабилась и уснула.

Но теперь проснулась.

Мне было холодно.

Я еще не открыла глаза, но уже знала, что я не в своей кровати.

Я была снаружи, на четвереньках. На крыше, черт возьми.

Было темно, зимний ветер терзал меня, двигал темные тучи на луну и звезды, и я видела лишь слабый свет из окон внизу, озарявший ближайшие деревья.

Мои руки и ноги прижимались к холодной грубой черепице.

Это не могло быть на самом деле. Как такое могло быть? Я была на крыше!

Почему я здесь?

Это снова сон? Если я прыгну с края дома, упаду, как в реку? И проснусь в кровати Максимуса? Или будет больно? Я умру?

Я попыталась встать, но пошатнулась. Равновесия не было. Таблетки нарушили его.

Я пригнулась к крыше и огляделась, держалась за черепицу. Способ подняться, как и спуститься, был только один. Я медленно поползла к западному краю, осторожно шагая босыми ногами, чтобы не потревожить никого внизу. Край был немного покатым, край крыши был близко к окну моей комнаты. Так я могла незаметно пробраться.

Я была у края и хотела слезть, когда услышала стук за собой, словно огромная птица упала с неба.

Я не хотела оборачиваться. До этого мне было приятно двигаться. Я не паниковала. Да, я оказалась на крыше, откуда можно было упасть и умереть, но часть меня почему-то хотела сюда, ее сюда звали. Но, если подумать, если прогнать мысли и решить, что это только сон, я не сойду с ума. Может, я смогу это преодолеть.

Но стук все изменил.

Потому что до этого я не боялась. Не позволяла.

А теперь я была в ужасе.

Я была не одна на крыше. Я была с тем, что хотело, чтобы я была здесь. Это было частью сделки.

И этот страх разбил мои нервы, язык загудел, как металл, и ощущения были реальными. Порой только самый сильный страх показывал, что ты жив.

Я замерла, напрягла руки и ноги у крыши и повернула голову.

На другом конце крыши луч луны, пробившийся сквозь тонкое облако, озарял... нечто.

Существо размером с младенца. Черное, как уголь, с двумя руками и ногами. И два

кожистых крылышка торчали из мохнатой спины. Красные глаза. Белые зубы. Влажный смех.

Я услышала голос в голове. Жуткий, кошмарный голос. Голос, который звучал, словно в нем смешались кости, огонь и дым. Он звучал так, словно ему был миллион лет, словно он выбрался из глубин земли, где был дальше, чем первые насекомые.

«Прыгай», — говорил он. Слово звенело в моей голове, отскакивая от черепа.

Мой рот раскрылся, я стала вялой, словно кто-то ударил меня по шее и парализовал.

«Прыгай. Пока я тебя не заставил».

Существо бросилось вперед, побежало на двух ногах, потом на четвереньках, хлопая крыльями. Кончики крыльев были вооружены серебряными жалами, что яростно сияли в свете луны.

Я закричала и нашла в себе силы и ловкость развернуться и прыгнуть вниз.

Я ударилась о черепицу. Я скользила по грубому склону, не дотягивалась до своего окна. Я впивалась ногтями и отбивалась ногами, чтобы остановить падение, пока не повисла, подмышки давили на водосточный желоб, который скрипел и стонал под моим весом.

Окно моей спальни было открыто, Ада все видела.

— Перри! — завизжала она, увидев меня, она склонилась из окна.

— Помоги! — закричала я, пытаюсь подняться на крышу. Руки и мышцы живота напрягались от давления.

Ада продолжала звать меня, ничего не делая, пока рядом с ней не появился отец. Я не знала, что он сказал, я все силы направляла на то, чтобы не упасть на каменную дорожку внизу. Я не знала, убьет ли это меня, но кости на миллион кусочков точно разбились бы. Он взглянул на меня и пропал, крича моей матери.

Я слышала сверху смех.

Я посмотрела на окно, где Ада глядела на меня в панике.

Существо было там, в дюймах над ней, на выступе крыши. Она кричала, боясь за меня, не видя существо.

Потому что это было оно.

Лавкрафт не выдумывал.

У него было тело ребенка с длинными конечностями. Жемчужные когти на руках и ногах. Крылья летучей мыши с венами были покрыты вшами.

Голова была слишком круглой для человеческой. Ушей не было. Как и носа. Только красные глаза, что выпирали из головы, как у крысы, и слишком широкий рот с двойными рядами акульих зубов. Знакомая улыбка в оригинале.

Я смотрела, боясь отвести взгляд, нижняя часть тела раскачивалась подо мной. Я уставала. Существо хотело играть в гляделки, а я сомневалась, что выиграю.

Руки съехали на дюйм, когда отец вернулся к окну с веревкой. Он бросил ее мне и сказал хвататься.

Я слышала, как мама внизу тащит что-то металлическое по камням, и я надеялась, что это лестница.

— Хватай веревку, так проще, — прокричал он. Я посмотрела на него и не могла забыть этот взгляд. Такое количество боли и тревоги на его лице я никогда не хотела больше видеть. Он был в пижаме, с растрепанными волосами, лицо было красным и потным, он пытался спасти дочь от угрозы. Пытался спасти ее от себя. Я сосредоточилась на этом — на нем — а

не на существое наверху, и из последних сил схватилась за веревку.

Грубые волокна впились в разодранные руки, но я стиснула зубы и дала ему с Адой втянуть меня, пока мои руки не оказались на карнизе. Я смогла ввалиться в окно.

Руки подхватили меня за плечи и талию, и я оказалась внутри. Я рухнула на пол, задыхаясь, все тело болело, руки и ноги кровоточили, были покрыты новыми царапинами.

Получилось.

Я была жива.

Но не в безопасности.

* * *

— Перри, ты меня слушаешь? — спросила мама, повернув с шоссе на улицу с односторонним движением.

Я не слушала. Я даже не знала, где была.

О, точно. Мы ехали к доктору. Чтобы посмотреть, что не так.

Все двигалось медленнее. Медленнее, хотя я была в сознании, смотрела на голые зимние деревья на улице и мрачные лица прохожих, встречающих очередной серый день. Все было медленным. А потом они ускорились. Как утром. Я прожила его на автопилоте, но не знала, что делала или говорила.

Я начала в одном месте и оказалась в другом. Я упускала части жизни. Что-то случилось на крыше прошлой ночью, но я не знала, что. Родители боялись, что я залезла туда и хотела спрыгнуть. Я не могла им ответить. Я не была самоубийцей. Но у меня не было ответов. Только правда. А они ее не выдержат.

— Земля вызывает Перри, — сказала сестра мне на ухо. Я склонила голову в ее сторону, глядя на нее краем глаза.

Она решила пойти со мной, а потом мы собирались высадить ее у школы. Я сомневалась, что мама согласится, но Ада уговаривала ее, что хочет поддержать, и она сдалась. Думаю, мама была даже рада. Она не хотела быть наедине со мной. Особенно после... всего вчерашнего дня.

Я в тайне была рада, что Ада со мной. Это делало возвращение доктора Фридмана и дежавю происходящего сносным. Мне казалось, что я теряю все. Мне нужен был кто-то рядом, и у меня сейчас была только она.

Раньше для этого был Декс. Но раньше у меня многое было.

Мысли о нем даже на миг вызвали печаль. Сердце трепетало, как лист, так было печально. Я подавила это и забыла об этом. Лучше было злиться, если я хочу еще чем-то быть.

— Что такое? — тише спросила она. Она заметила мгновение печали.

Я покачала головой и кашлянула.

— Просто нервничаю.

Мама взглянула на меня.

— Доктор тебе поможет, Перри. Как в тот раз.

Может, этого я и боялась. Я знала, что он скажет, что подумает и сделает. Прошло не так много времени. Он заставит меня говорить, сделает вид, что слушает, напишет

заклучение. Я буду и дальше нести бред, пока таблетки не подавят это.

Я стану Дексом. Он был на таблетках, все еще мог быть. Лекарства отгоняли от него призраков, они неплохо справлялись. Я уже говорила в порыве гнева, что это было нечестно. Мне приходилось расправляться с ними, а ему — нет. Теперь и у меня был шанс прогнать их.

Но как я могла? Я знала, что было за занавесом. Я видела тени, призраков, потерянных, демонов. Как я могла стать слепой по своей воле, если знала, что они все еще рядом и хотят меня. Это было хуже, чем не знать совсем. Так они могли напасть.

Минуты спустя мы припарковались и пошли к зданию больницы. Воспоминания приходили ко мне. Сияющие полы, на которых скрипела обувь. Желтые стены. Уродливые деревянные панели в лифтах.

Мы вышли на третьем этаже и повернули налево в коридоре с ковром. Несколько человек вышли из одного кабинета, общаясь. Я смущенно опустила рукава, чтобы они не видели мои синяки и царапины, покрывшие мое тело за последние сутки.

Мама шла впереди в твидовой юбке-карандаше, мы миновали группу людей, не посмотревших на нас. Я смотрела на пол, не желая признавать незнакомцев. Ада споткнулась передо мной, ее ткнуло что-то блестящее и красное.

Она потеряла руку, и я услышала ее едва уловимый вскрик.

Я подняла голову. Она пяtilась, глядя на кого-то за моим плечом.

Я остановилась и обернулась. В конце группы людей в середине коридора стояла спиной к нам женщина с лавандовыми волосами в красном бальном платье, ниспадающем на пол.

Не часть группы. Даже не живая.

Я посмотрела на Аду, а та остановилась вместе с мамой.

— Что такое? — тревожно спросила мама.

Ада потрясенно смотрела на Жуткую клоунессу, уходящую от нас, а потом посмотрела на меня огромными глазами.

Понимающими глазами.

Не только я. Ада тоже ее видела.

— Ты ее видела! — воскликнула я.

Она тряхнула головой и повернулась к маме.

— Ничего. Кто-то врезался в меня.

— Нет! — закричала я и схватила Аду за плечи. — Это была она! Ты ее тоже видела! Жуткую клоунессу!

— Жуткую... что? — растерялась мама. А потом заворчала и вскинула руки в воздух. — Забудь, не хочу знать.

Она пошла по коридору, Ада поспешила за ней, вырвавшись из моих рук и не глядя мне в глаза.

Я оглянулась на Пиппу в последний раз, она стояла в конце коридора и смотрела нам вслед.

Я изо всех сил бросила в нее свои мысли.

«И все? — спросила я. — Даже не здороваешься?».

«Не принимай таблетки, — коротко ответила она. — Не дай ей обмануть себя. Она обманула меня».

Я опешила. Я хотела бы видеть выражение ее лица четко с такого расстояния.

«Таблетки? Кто обманул тебя?».

— Перри! — позвала мама.

Я оглянулась.

— Иду.

Она скрестила руки.

— Скорее.

Я рассеянно кивнула и оглянулась на Пиппу. Коридор был пустым.

Я вздохнула и снова разозлилась. Я пошла по коридору за мамой и вошла в кабинет доктора Фридмана.

Ничто не изменилось.

Там все еще сидела за стеклом с нарисованным инеем беловолосая секретарша Бетани. Приемная была без окон, удушающей, всего два журнала и один «Ридерз дайджест», все из девяностых. Еще несколько человек ждали других врачей, смотрели друг на друга, на стены и пол.

Мы долго не ждали. Доктор Фридман выглянул из кабинета.

Теперь у него была борода, но остальное осталось прежним, как и пресыщенное выражение на лице.

— Перри, — сказал он с фальшивым теплом. — Заходи.

Я встала и была удивлена, что мама тоже встала.

— Спасибо, что согласились так скоро ее принять, — сказала мама слишком сладко.

А посмотрела на нее.

— Куда ты?

— Я хотела бы войти.

Только через мой труп. Я посмотрела на доктора. Он тепло улыбнулся моей маме.

— Простите, миссис Паломино, — сказал он. — Мне нужно быть с Перри наедине.

Я торжествующе посмотрела на маму, радуясь мелочи, и пошла за доктором.

Его кабинет не изменился. То же окно с видом на кленовые деревья, что были голыми и влажными поздней зимой. Я села на диван, как по привычке. Это изменилось. Подушки были тверже. Может, просто моя задница была уже не как у бегемота.

— Ты сильно похудела, Перри, — сказал он, указав на меня ручкой. Я задумалась, не слышал ли он мои мысли. Нет, но его работой было читать меня. — С прошлого раза, конечно.

— Ага, — сказала я, не утруждаясь.

— И волосы уже не синие.

— Не синие.

— Я, кстати, смотрел твое шоу.

Я невольно скривилась.

— Было интересно, — продолжил он, уже заполняя листок глупого блокнота. — Я так понимаю, что больше ты этим не занимаешься.

— Угу.

— Хорошо. Не думаю, что для тебя это лучшая профессия.

Я чуть не рассмеялась от слова профессия, а потом поняла, что он смеется надо мной.

— Бывали и плюсы, — сухо сказала я.

Он издал звук, похожий на вздох. А потом скрестил ноги и склонился вперед, глядя на меня.

— Твоя мать объяснила, что с тобой происходит. Я хотел бы выслушать тебя.

Мне уже надоело пересказывать события последних нескольких недель. Я глубоко вдохнула и погрузилась в это, стараясь не сильно вдаваться в подробности. Но я рассказывала ему все. Он уже считал меня сумасшедшей, так что изменится? Мне было все равно, что он думал.

Он слушал, кивал, писал, переворачивал листок и повторял.

— А что с мужчиной, разбившим тебе сердце? — спросил он, когда я закончила случаем на крыше и странностями со временем утром.

— Что? — почему он спрашивал это? Он меня вообще слушал? Демоны на крыше!

— Твоя мама сказала, что ты расстроена из-за мужчины. Что ты его любила.

— Как это связано?

Он молчал. Он кивнул и издал «угу».

— Это было давно. В прошлом году.

— На исцеление требуется время, Перри.

— Я исцелена.

— Почему ты так думаешь?

Я издала раздраженный звук. Я ощущала, что гнев поднимается все выше от носков к пальцам рук. Мне не нравилось, куда он ведет.

— Я говорила, почему я здесь.

— Ты думаешь, что тебя мучает призрак, или ты одержима.

Звучало безумно из его уст, но я должна была держаться своего мнения. Я не притворялась. Я не могла отступить.

— Да. Так я думаю. Когда это случилось в последний раз, люди сказали, что я пыталась сжечь дом. Теперь, если не хотите повторения, поверьте мне.

Он прищурился.

— Это угроза?

Я тоже прищурилась.

— Нет. Я просто говорю, как есть. Это не связано с Дексом.

— Перри, — сказал он. Он снял очки и медленно потер лоб, словно ему было больно просто говорить со мной. — Ты любила мужчину, он разбил тебе сердце. Ты забеременела от него, не зная этого, а потом потеряла ребенка ужасным выкидышем. Я слышал тебя, но ты упускаешь кое-что очевидное и простое.

— Например?

Он вздохнул, я его раздражала. Хорошо.

— Ты прошла через ужасное событие, разбивающее сердце, и ты не смогла с ним справиться. От этого у тебя возникла иллюзия, что ты одержима, что вокруг призраки. В твоей голове никого нет, Перри. Это только ты. Тебя терзают чувства, которые ты не принимаешь. Ты горюешь и скрываешь это, а от этого может случиться разное.

На миг я поверила ему. Я думала, что такое возможно, что все может быть в моей голове, что мое подсознание придумало это, чтобы я поняла реальность. Но он хотел, чтобы я так думала. Я была умнее этого.

— Я даже не хотела ребенка, — сказала я, пытаюсь придумать, как ответить. — Это бы разрушило меня.

— Это не значит, что ты не горюешь. Это была твоя последняя связь с ним.

Почему-то эта фраза вонзилась в меня. Последняя связь. Раньше я думала, что мы как-то связаны, что мы — один человек, которого давно разделили, а теперь считала, что связи нет.

Я была здесь, почти в аду, а он не знал. Он разорвал связи.

Но он был тут ни при чем, и я вдруг разозлилась, что доктор пытался выудить из моего разбитого сердца эмо-крик о помощи. Он принял меня за Тейлор Свифт?

— Я думаю, что это все бред, — прорычала я.

Он кивнул, словно соглашался, и я захотела ударить его. Он ощутил мое напряжение и быстро записал что-то в блокноте, а потом сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты приходила раз в неделю.

— А если нет?

— Я не могу тебя заставлять. Ты взрослая. Но я надеюсь, что ты сделаешь это ради семьи. Они тебя любят и заботятся о тебе.

Я фыркнула и встала.

— А пока что, — быстро сказал он, отрывая листок с рецептом, — принимай эти два вида таблеток.

Я помнила слова Жуткой клоунессы, взяла у него листок и посмотрела на каракули с подозрением.

— Я не могу это прочитать. Что это? Теперь думаете, что у меня шиза.

— Нет, — ровно сказал он. — И шизофрения — проблема, а не пустяк. Первые — чтобы ты расслабилась. Тебе нужно отдыхать. Другие помогут разобраться с горем.

— А если горя нет?

Он напряженно улыбнулся.

— Перри, мы все хотим тебе помочь.

Так они всегда говорили. Все хотели помочь, но никто не хотел мне верить.

Меня так часто пускали по этой дороге, что можно было назвать ее Перри-экспресс.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Я была такой яростной и пораженной, покидая кабинет доктора Фридмана, что не помнила, что случилось потом. Наверное, мы высадили Аду у школы, а потом зашли в аптеку за лекарствами для меня. Но я этого не помнила. Память была стерта.

Я вдруг оказалась на пассажирском месте в машине матери, мои руки пахли салатной заправкой, часы на панели показывали, что прошло уже два часа.

Мы покинули центр по мосту Бернсайд, река внизу отражала бесцветное небо.

Я ощутила волну тошноты, а потом другую волну, предупреждение, что случится что-то ужасное. Абсолютный ужас. Я посмотрела на мать, словно в последний раз. Она вела осторожно, впивалась в руль так сильно, что ее костлявые костяшки побелели. На ней были солнцезащитные очки, хоть вечером было уже темно. Она выглядела утомленно, и я знала, что это из-за меня. Морщинки постоянно были у уголков ее поджатых губ.

— Мам, — осторожно сказала я. Со страхом.

Она вздрогнула, а потом быстро улыбнулась.

— Что такое, Перри?

— Мне нехорошо.

Это вдруг показалось преуменьшением.

Все внутри сжалось от отвращения. Я была не одна в голове. Кто-то еще был во мне, ждал, выглядывая из уголков моих глаз. Они были во мне, следили, проверяли мысли.

А потом мой мир стал ужасно узким. Я падала в забвенье, но только разум, а не тело.

Я смотрела, как поднимаю руку в воздух, медленно двигаю перед лицом. Я не делала этого. Я не управляла. Это была не я.

«Мам!» — завизжала я.

Но это было только в голове, а не в горле. Я не управляла им больше. Горло не принадлежало мне.

Я была заложником собственного тела.

От осознания этого во мне вспыхнул гнев.

Моя рука, что была перед лицом, привлекавшая любопытный взгляд мамы, резко впиалась в руль, выкрутила его вправо, к машинам в другом ряду.

К барьеру.

К краю моста.

И реке внизу.

Мама закричала, машина чуть не задела БМВ. Раздался ужасный скрежет, пахло жжеными шинами, кричала мама, я визжала в голове. Я сосредоточилась изо всех сил, я давила, пока не ощутила хлопок в груди, и вдруг ко мне вернулись ощущения, меня покалывали иголки.

Я отпустила руль и вжалась в сидение, мама за секунды до столкновения с барьером завладела машиной. Если бы мы ударились, мы бы упали вниз.

Другие машины проносились мимо нас, гудя, показывая пальцы, вопя ругательства, а мама медленно и осторожно нажала на газ. Она дрожала, только хватка на руле не давала ей вскочить с места. Мы ползли по мосту и, как только выдалась возможность, свернули с него.

Она вела себя как во сне, припарковала машину, выключила двигатель и повернулась ко мне. Она сняла солнцезащитные очки, и стало видно размазанную тушь и голубые глаза со

слезами. Выражение ее лица было таким же незабываемым, как лицо отца, когда он снимал меня с крыши. Но здесь было что-то еще. Почти понимание, словно она узнала меня впервые и увидела, какой я монстр.

— Перри, — выдохнула она.

— Я же говорила, что мне плохо, — сказала я ей.

Я принялась неуправляемо хохотать, и так было всю дорогу домой.

* * *

Как только я ворвалась в дом, я поспешила к ванной на первом этаже, меня тошнило. Я склонилась над унитазом и выдавила из себя все, пока горло не заболело. Как оказалось, я обедала салатом. Теперь был понятен запах.

Когда я стала пустой и утомленной, я посмотрела на себя в зеркало. Сердце сжалось. Я выглядела другой. Нет, не так. Я выглядела так, словно была едва живой. Скулы выпирали на лице, круги под глазами стали больше. Губы были сухими, потрескались и кровоточили. Глаза выглядели как черные дыры. Шея была красной и в порезах, которые вели к груди. Смог бы доктор Фридман и это отнести к разбитому сердцу? Я выглядела так, словно меня нужно запереть где-то далеко, как призраков в психбольнице Риверсайд.

Я не могла больше на себя смотреть, от этого было плохо, а еды во мне уже не оставалось. Боль пронзила мои виски. Я выключила свет в ванной и вышла в коридор.

Мама с папой были на кухне, говорили друг с другом тихо и взволнованно. Угадайте с трех раз, о ком.

Я встала на пороге, они замолчали с виноватым видом.

Мама поманила меня ладонью.

— Садись, тыковка, — сказала она и налила мне стакан воды. Я не знала, как она могла и дальше так меня называть, если я пыталась ее убить.

Чайник закипел на плите, пронзительный свист заставил меня скривиться от боли, голова раскалывалась.

— Прости, — сказала она и быстро сняла его.

— Перри, я узнал, что случилось, — сказал отец. Он посмотрел на манжеты своей красной рубашки в белую полоску и начал разглаживать их. — Я не могу описать важность таблеток, которые тебе прописал доктор.

Мама натянуто улыбнулась и оставила рядом со стаканом воды пару желтых и розовых таблеток. Я мрачно посмотрела на них.

— Я не буду это принимать, — сказала я. Они не успели возразить, и я продолжила. — Доктор Фридман сказал, что я могу принимать свой выбор. Мне двадцать три. Вы не можете заставлять меня принимать лекарства.

— Еще нет, — сказал отец.

Я резко вскинула голову.

— Все хорошо, Перри, — вмешалась мама. — Ты права. Ты не должна принимать их. Просто... они тебе нужны. Тебе плохо. Доктор так сказал, и ты сама знаешь. В машине... я...

Ощувив волну стыда, я посмотрела на свои ладони. Из царапин сочилась прозрачная жидкость. Это меня не тревожило. Я становилась кем-то другим, и я ничего не могла с этим

поделать. Таблетки не помогали, я только сдалась бы. Если мне суждено уйти, то я хотела бы сделать это, борясь всеми силами.

— Если ты не переживаешь за нас, подумай о сестре. Или о себе. Ты не можешь так себя ненавидеть.

Я упрямо выпятила подбородок и посмотрела в ее глаза.

— Я не ненавижу себя. Я ненавижу то, чем становлюсь.

— Становишься? — сказала мама с тенью иронии в голосе. — Тыковка, ты всегда была такой.

Она пожала плечами с фальшивой беспечностью и принесла мне чашку ройбоша.

— Это твой выбор. Выпей чаю. Я добавила мед. Тебе нужно что-то сладкое.

Горло горело после тошноты, и голова слегка кружилась. Я обхватила ладонями чашку и медленно пила. Было удивительно сладко, она переборщила с медом.

Папа сел на стул рядом со мной и опустил волосатую ладонь на мою руку.

— Ты не одна, понимаешь, милая? — сказал он. Нежность в его голосе бывала редко, и от этого мне захотелось плакать. Но я кивнула, глотала горячий чай, чтобы подавить эмоции. Я устала терять и боялась отпускать.

И я очень устала. Вдруг невыносимо устала.

Голова закружилась сильнее, и я отодвинула от себя чай.

— Ого, — с трудом выдавила я.

Я посмотрела на родителей. Комната кружилась за ними, но они оставались неподвижными, пристально следили за мной. Мне было сложно сосредоточить взгляд.

— Я...

— Перри, тебе нужно в постель, — быстро сказала мама. Она подбежала ко мне и потянула за руку, пытаясь поднять меня со стула. Я неловко встала на ноги, и она тут же повела меня к лестнице.

Ноги словно налились свинцом. Что происходит?

— Мам? — спросила я, но получилось неразборчиво.

Вдруг папа оказался рядом и схватился за мою вторую руку.

— Идем, Перри, в кровать.

Я попыталась сказать, что еще только три часа дня, но рот не шевелился. Я могла лишь бормотать.

Они отвели меня в мою комнату, и я упала на кровать, перестав ощущать ноги.

— Это для твоего блага, — сказала мама, накрывая меня одеялами и подтыкая их.

— Что... что происходит? Почему я... — чувствую себя странно. Но я не могла закончить. Комната все кружилась. Папа вошел с чаем, который я пила, и поставил на стол.

Я смотрела туда тяжелыми глазами и поняла две вещи.

Я вспомнила пребывание в Рэд Фоксе, когда Сара опоила меня чаем.

Мне скормили лекарства. Потому родители не настаивали на этом. Лекарства были в чае, и я все выпила. Они знали, что я буду упряма и начну возражать. Они обманули меня. Я уже не могла доверять даже родителям.

— Вы, — начала я, но рот закрылся. И глаза тоже. Издалека я слышала шепот мамы:

— Прости.

Другой голос пробился, пока мир рушился подо мной. Это были слова Жуткой клоунессы: «Не дай ей обмануть тебя. Она обманула меня».

Я спала и спала. Мне снилось, что я парю над комнатой, спина прижималась к потолку, и я смотрела, как я сплю, а из-под кровати торчали длинные паучьи лапы. Мне снилось, что я снова в лесу, обнаженная, с кровью, окруженная светлячками. Мне снилось, что я падаю с крыши. И пока я падала, несколько демонов опускалось за мной с неба. Но они не ловили меня, а пронзили раскаленными лезвиями на концах крыльев, схватили меня за руку и ногу и порвали тело пополам.

Гудение вырвало меня из беспокойного сна. Бок вибрировал. Я застонала и полезла под одеяла. Я все еще была в одежде, в которой была раньше, даже в обуви. Телефон вибрировал в кармане куртки. Я выудила его толстыми негнуцимися пальцами и поднесла к голове, приподняв ее, чтобы увидеть экран, от этого заболели плечи и шея.

Комната была темной, снаружи стояла безлунная ночь, свет лился только из коридора, из щели под дверью. Часы на телефоне показывали 22:42, и я пропустила звонок Максимуса.

Я закрыла глаза, прижалась к подушке и сжала телефон на груди. Максимум мог проверять меня. От этого лучше не стало. Все вокруг так себя вели, что я подозревала, что и он такой же. Я знала, что он переживал за меня — так ведь? — и он знал о сверхъестественном, но... я не хотела больше ему доверять. Может, это было глупо. Может, темные силы во мне заставляли сомневаться в нем. Но я не могла иначе. У меня не было сил двигаться, было больно думать. Мне нужна была помощь, но никто мне не помогал. Родители мне точно не помогали. И не помогут. И я не могла помочь себе.

Или могла? Может, я могла дотянуться до того, кто поймет.

Я искала в телефоне номер Ребекки, но, конечно, потеряла его, когда уничтожила старый телефон. У меня даже не было адреса ее электронной почты, ведь я свою сменила. Вроде, там было что-то, похожее на VessaWineBabe@gmail или что-то из этой серии.

Я открыла браузер и зашла на почту. Было сложно подавлять дрожь пальцев, пока я нажимала на экран, и я несколько кнопок случайно. Я ввела ее адрес, но его автоматически исправило на Vessomeawino, что позабавило бы меня в другие времена. Я пыталась ввести его снова, не зная, что можно написать ей, кроме: «Помоги, я теряю себя», но замерла, когда моя кровать дрогнула.

Движение было едва заметным, словно дрогнул дом, или подпрыгнул грузовик с мусором на улице. Но я его ощутила.

Я опустила телефон и застыла, ожидая продолжения.

Низкое угрожающее рычание раздалось в комнате.

Оно было ниже, чем у собаки. Грубее, хриплое и с бурлением жидкости.

И оно доносилось из-под моей кровати.

Я задержала дыхание, застыв под одеялами, и пыталась понять, что делать. Это было не в моей голове. Это было здесь. В моей комнате, под моей кроватью.

Это происходило.

Я смотрела на окно, не зная, было быстрее выйти так или в дверь. Окно было ближе, но оно было заперто, и я потеряю ценные секунды, открывая его. Дверь была дальше, но открывалась проще.

Рычание продолжалось, становилось громче, меняло оттенки.

Я не хотела думать, что под кроватью.

Три секунды. Я встану через три секунды. Иначе меня съедят заживо.

Три секунды.

Раз...

Два...

Кровать вдруг содрогнулась снова, чуть не сбросив меня, что-то начало вылезать из-под нее с ревом.

Три!

Я вскочила с кровати, ощутила боль в ноге, что-то пыталось схватить меня, но я шла, добралась до двери и открыла ее. Я не могла кричать, ведь едва дышала, и я побежала к комнате Ады.

Я услышала стук и рев сзади, открыла ее дверь и ворвалась в ее комнату. Я споткнулась в темноте и упала на ковер, а Ада прокричала:

— Что такое? — ее голос был сонным. Я встала и быстро закрыла ее дверь.

С сердцем в горле и пылающими нервами я подошла, хромая, к ней.

Со вспышкой света дверь открылась.

В свете из коридора я четко увидела Аду. Она сидела на кровати, сжимая одеяла у подбородка дрожащими руками. На ее лице был неподдельный ужас, она видела существо за мной, которое было под кроватью, которое открыло ее дверь.

Не было времени реагировать. Или смотреть.

Меня схватило что-то, похожее на раскаленные когти. Они обхватили мои ноги и потащили их из-под меня, я вытянула руки, пытаюсь ухватиться и спастись. Они тащили меня в коридор, в мою спальню.

Ада побежала за мной.

Мир замедлился, Ада бежала по коридору в тонком белом топе и розовых коротких шортах. Ее волосы изящно развевались за ней. Ее тонкие босые ноги отталкивались от ковра, она бежала все быстрее, шаги были все шире. Ее ладони тянулись ко мне. Ее рот и глаза кричали мое имя.

Она почти добралась до меня, но меня поглотила тьма моей спальни. Дверь начала сама закрываться, а меня тащили под кровать. Тащили в ад.

У меня было лишь два желания. Чтобы смерть была без боли. И не остаться в аду. Я закрыла глаза и последние вдохи потратила на бесконечный крик.

Но дверь не закрылась до конца.

Ада оттолкнула ее плечом в последнюю минуту, ворвалась в комнату с воплем, рухнула на колени и схватила меня за локти, тащила меня, пока что-то тянуло меня за собой. Казалось, я разорвусь надвое. Мои руки захрустели, я ощущала, как ботинки и носки пропадают с ног в горячей жидкости, что пенилась на моих ногах.

— Держись! — провопила она и потянула изо всех сил. Я нашла силу в ногах и отбивалась, пока меня не отпустило. Ада отлетела назад, а я рухнула недалеко от нее.

— Ада! — взвыла я. Она села на колени и вытащила меня из-под кровати к себе.

Свет загорелся в комнате, и мы в ужасе повернулись к двери. Мои родители стояли в пижаме, растерянные и испуганные.

— Мы слышали крики, что такое? — спросила мама пронзительным голосом.

Мы с Адой оглянулись на кровать. Со светом все выглядело нормально. Под ней были лишь пара пыльных зайцев.

Но мои ноги. Это была другая история. Мы увидели их одновременно с ними.

Мама завизжала:

— Что с твоими ногами!

Мои ботинки пропали. И носки. Джинсы были разорваны на коленях, края ткани были неровными и мокрыми. Мои ноги были покрыты тонким слоем ярко-красной крови.

— О, — потрясенно и тихо сказал папа. Он перекрестился.

Мама сглотнула, глядя на мои ноги так пристально, словно пыталась прочитать их. Она пыталась прочитать.

Ада коснулась ладонью моего плеча. Я неловко развернулась и посмотрела на свои ноги сзади.

Темные буквы складывались в слова «твоя вина» на мясистой части моей правой икры.

Мама смотрела и не приближалась.

— Я принесу бинты, — шепнул ей отец. Он сжал ее плечо.

Я не понимала, почему никто не успокаивает меня?

Наконец, мама сказала:

— Перри... — но не смогла закончить. Я знала по тону, что она скажет.

Я посмотрела на Аду. Она не помогла мне, увидев Жуткую клоунессу. Я не успела отругать ее за это. Я молила ее глазами рассказать правду. Она вскинула голову и посмотрела на маму.

— Мам, — сказала она, дрожа. Страх и адреналин звучали в ее голосе. — Это не вина Перри. Она этого не делала.

— Тогда кто? — спросила она. Мама тряхнула головой и губами произнесла слова, которые я не расслышала. Кто теперь псих? Мама говорила с собой у нас на глазах.

Я не хотела ничего говорить. Я не знала. Я дала говорить Аде.

— Мам. Я спала, и Перри вбежала в комнату. Дверь открыло... что-то... — она замолчала и посмотрела на ковер, ни на чем не сосредотачиваясь, и глубоко вдохнула. — Что-то схватило ее сзади. За ноги. И потащило ее сюда. Пыталось затащить под кровать.

Мы выжидающе смотрели на маму. Ее брови поднялись и застыли от потрясения. А потом она улыбнулась. Неприятно.

— Я не могу это слушать, — сказала она. Она развернулась и вышла в коридор. Я слышала, как она прошла папу в коридоре и прошипела ему. — О, теперь и Ада туда же. Это передается в семье.

Что передается? Призраки? Безумие? Мы с Адой с вопросом переглянулись, вошел папа. Он вздохнул и опустился на пол рядом с нами. Он поставил аптечку первой помощи и бутылку воды, вытер мои ноги мокрым полотенцем, а потом нанес на слова мазь, которая обычно щипала, но я ничего не ощущала. Кровь смылась, но слова было видно. Жутко. Твоя вина.

Моя? Что я сделала? Я посмотрела на Аду и отца. Судя по их хмурым лицам, они тоже об этом думали.

Я начала побаиваться, что сама написала эти слова. У меня был швейцарский армейский нож в выдвижном ящике у кровати. А еще иглы и булавки. Чем это отличается от порезов в старшей школе? Тогда я хоть помнила, как намеренно ранила себя.

— Крови было много, — вяло сказала я.

Он кивнул, его губы побелели, он сжал их в строгую линию.

— Порезы были глубокими.

— Нужны швы? — спросила я.

Он замер и посмотрел на меня, словно было глупо думать о швах в такой момент. Может, он был прав.

— Нет, ты будешь в порядке.

Он закончил бинтовать мою ногу, а потом коснулся краев джинсов.

— Что произошло?

Я посмотрела ему в глаза.

— Их съел монстр.

Он взглянул на Аду, а потом на меня.

— Это не смешно, Перри.

Он встал со стоном.

— Нет, — выдавила я. — Не смешно, да?

Он посмотрел на меня со странным выражением. Словно пытался решить, насколько я серьезна. Может, он хотел мне поверить.

Но он этого не сказал. Он прошел к двери и, закрывая ее, сказал:

— Ада, присматривай за своей сестрой.

— Пытаюсь, — тихо сказала она, обращаясь ко мне.

— Мне очень жаль, — я повернулась к ней, не зная, что делать с ногами.

— Это не твоя вина, — сказала она.

— Моя нога так не считает.

Я думала, она рассмеется, но вместо этого она заскулила и вытерла нос.

— Перри, мне страшно. Очень-очень страшно.

Я придвинулась к ней, чтобы наши плечи соприкасались.

— Мне тоже.

— Ты видела эту штуку?

— Нет, — поежилась я. — Но я видела другое. Страшное.

Мы молчали какое-то время, глядя на кровать.

Глубоко вдохнув, Ада сказала:

— Мне жаль, что я ничего не сказала про женщину в коридоре. Про Жуткую клоунессу.

Я уже не злилась за это. Я понимала. Кто-то здесь должен был сохранять разум, и это была не я. Не после этого.

— Знаешь, — тихо сказала она. — Она мне кое-что сказала. В коридоре. Я слышала это в голове, — она звучала потрясенно. Удивительно, как я привыкла видеть Пиппу, она порой даже не казалась сверхъестественной.

— Что она сказала?

— Что мы должны остановить их.

— Мы должны остановить их? Кто мы? И кто они?

— Понятия не имею. Но мне показалось, что я ее знала.

Мои губы дрогнули. Где-то в голове хотели встать на места шестеренки, чтобы работать, пока я не пойму все. Но я слишком устала. Я одновременно зевала и дрожала.

— Давай спать, — сказала она и осторожно подняла меня на ноги. Я сняла пожеванные джинсы и надела штаны пижамы, а потом отвернулась от нее, чтобы снять футболку.

— Перри?

Я замерла с футболкой на голове.

— Что?

— Твоя спина.

Я пыталась увидеть, но не могла. Я опустила футболку, а Ада подошла и коснулась середины спины. Там было больно.

— Его вина, — сказала она.

— Тоже написано?

— Да, — подтвердила она. — Не глубоко. Кровь не течет.

Теперь я уже вряд ли сделала это с собой. И теперь это была его вина.

Я выудила футболку и надела, мы пошли в ее комнату. Мы оставили включенной маленькую лампу, она тихо включила радио, чтобы успокоить нервы. Я устроилась рядом с ней, как делала она, когда ей было пять, а мне двенадцать, и я читала ей «Ужастики», пугая.

Несмотря на ужас, окружавший нас, понимание, что что-то может произойти в любой миг, я не боялась. Это было сильнее страха. Я была... несчастна. Словно покрывало печали было где-то в моем разуме и смягчало меня каждой фиброй.

Мне казалось, что это все. Что больше ничего не будет. Мне не хватит сил бороться.

— Ада, — медленно и тихо начала я. — Я люблю тебя. Ты лучшая сестра и девушка, и мне жаль, что я двадцать три года ждала, чтобы сказать это.

— Зачем ты мне это говоришь? — встревожено спросила она.

— Потому что...

— Не глупи, Перри.

— Что-то происходит со мной. Что-то меняется.

— Я тебя спасу. Мы будем в порядке.

— Но это внутри меня. Понимаешь? Вряд ли у меня осталось много времени. Думаю это последняя ночь.

Ее рот раскрылся.

— Как можно так говорить!

— Ада, — я старалась подобрать слова, чтобы она понимала боль в моем сердце. Тяжесть. — Знаешь ощущение, когда плакала слишком много, всего было слишком много, и тело просто... прекращает работу? Я уже не могу.

— Нет, — решительно сказала она, глаза вспыхнули. — Нет, ты не прекратишь. Ты не сдашься, Перри. Мы тебя исправим. Завтра я найду способ и все исправлю.

Я попыталась улыбнуться, поблагодарить ее за настойчивость, веру, что все будет хорошо. Но я не смогла. Улыбку стер страх.

Абсолютный страх.

Я не была одна. Существо вернулось.

Во мне. В моем разуме. В моей душе.

Это снова происходило.

— Беги! — в панике закричала я Аде. Она вскочила, глаза расширились от потрясения. Она реагировала недостаточно быстро. — Уходи! Уходи, Ада, иди к маме с папой! Беги! Прочь! Скорее! Уходи!

Я не успела увидеть, послушалась ли она, мой разум был отброшен. Я лишилась контроля, не была уже хозяйкой тела. Я помнила последним, как мои ладони сжались в плотные кулачки.

Все почернело.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Она просыпается. Биту.

Не лучшие слова при пробуждении.

Я застонала и попыталась открыть глаза. Они словно были склеены. Горло першило от сухости Сахары, я скривила губы, уголки трескались с болью. Язык был с металлическим привкусом боли.

Снаружи лился дождь. Я слышала его на окне и крыше. А за ним слышала дыхание людей, пытающихся вести себя тихо, но безуспешно.

Я смогла протереть глаза. Они были покрыты засохшей жидкостью. Глаза открылись, и я увидела размытую кружащуюся комнату.

Свою комнату.

Был уже день, у моей кровати были мама, отец, Ада и Максимус.

Ада держала в руках биту, но так, словно ей было больно делать это. Она оглядывалась и хотела уйти.

Другие с любопытством смотрели на меня, затаив дыхание, тела были напряжены, словно они хотели бороться. Или бежать.

От меня.

Я хотела поднять голову, чтобы лучше рассмотреть, но она была слишком тяжелой. Я могла лишь лежать и смотреть на них. Смотреть, как они смотрят на меня.

Максимус заговорил первым:

— Перри, это ты?

Что за вопрос?

Я несколько раз кашлянула и ответила:

— Конечно, это я.

Все заметно расслабились, кроме Ады. Она повернулась лицом ко мне.

Я охнула.

На ее лбу справа была рваная рана, у глаза на щеке был бинт.

Я тут же поняла, зачем ей бита. И почему она ее не хотела держать. Я сделала это с ней. Сделала, пока не была собой.

— Что еще я сделала? — спросила я. Они молчали.

— Расскажите, что я сделала! — завизжала я и закашлялась.

— Ей нужна вода, — сказал Максимус и вышел.

Когда я перестала кашлять, он подошел ко мне со стаканом воды.

— Веди себя хорошо, — сказал он с улыбкой. Но она не отразилась в его глазах.

Я кивнула, не было сил говорить. Он поставил стакан на стол и быстро попятился. Я нахмурилась и выпила прохладную воду.

— Я не буду кусаться.

— Ты пыталась, — ответил он, потирая руку. Он снова стоял рядом с моими родителями.

— Перри, мы не знаем, что с тобой, — сказал отец, словно я просто была в плохом настроении последние дни. — Завтра мы отвезем тебя в больницу. Чтобы тебя осмотрели.

— Пап, это не сработает, — сказала Ада, переложив битую в другую руку.

Папа отмахнулся.

— Ада, я слушал достаточно этого бреда. Это смешно и... кощунственно. Абсолютно. Церковь не верит в одержимость демоном.

— Верят! — сказала она. — Я читала об этом!

— О, в той чудесной книге, которую твоя сестра принесла домой из библиотеки?

— Да! — завопила она. — Там, в Интернете, всюду. Максимус подтвердит! Скажи им, Максимус.

Она указала моих родителей битой, пронзая Максимуса взглядом.

Он скривил губы и пожал плечами.

— Да, некоторые в церкви верят, что одержимость демоном случается. Я не говорю, что это невозможно. Но, Ада, посмотри на Перри. Думаешь, проблема в этом?

Она закатила глаза и стукнула битой по ладони.

— Да, черт возьми! У вас на юге близкородственное размножение? Потому ты такой?

— Ада! — возмутилась мама, шагнув ближе к отцу.

Я медленно опустила стакан и смотрела на них. Меня словно там не было.

Максимус пронзил ее взглядом.

— Я говорю то же, что и твои родители. Перри больна. Seriously. Как и говорит ее психолог. И она читала много книг. Она убедила себя, что это происходит с ней. Это не ее вина. Разум — сильная штука. Уверяю, она одержима сама собой.

Она отвернулась от него с отвращением и с мольбой посмотрела на папу.

— Ее нельзя в больницу. Они подумают, что она сумасшедшая.

Родители многозначительно переглянулись. Они так и думали.

— Это не обсуждается, — сообщил ей папа.

— Пап... — начала она, но была прервана.

Мной.

Я кричала.

Я схватила стакан и бросила в них. Мама пригнулась, и стекло разбилось на миллион кусочков о стену.

Я снова не могла управлять и была беспомощна. Я не отключилась. Я смотрела, как вскакиваю с кровати и направляюсь ракетой к матери.

Максимус был быстрее. Я летела к искаженному лицу матери, а он схватил меня и опустил на пол.

Я не могла остановиться. Тело не было моим. Но я ощутила боль от удара. Это было не честно.

Я выла и стонала, издавала разные звуки, тело выгибалось и содрогалось, пока Максимус удерживал меня изо всех сил, напрягая мышцы, его лицо покраснело и вспотело, он смотрел мне в глаза. Но он видел не меня. Он не видел меня.

— Таблетки, — крикнул он и посмотрел на моих родителей, пока я пыталась извернуться и укусить его. — Таблетки! И веревку!

Папа схватил веревку, которую использовал до этого, из угла комнаты, и мама вытащила из кармана кардигана баночки таблеток. Папа быстро связал веревкой мои руки и ноги, словно на родео, словно делал это на время.

Мама склонилась с таблетками между пальцев. Я попыталась укусить ее.

— Будет сложно, — сказал ей Максимус.

Она мрачно покачала головой.

— Я научилась кое-чему раньше. Держи ее подбородок.

Он большими руками обхватил мой подбородок. Он имел право бояться меня. Я снова попыталась его укусить.

Но это было отвлечение. Пока я делала это, мама надавила рукой на мой лоб, а другой зажала нос. Я стиснула зубы, как тиски. Я не хотела принимать таблетки, как не хотело и существо во мне. Но мне нужно было дышать.

Я выдохнула, открыв рот. Мы не могли терпеть. Мама забросила внутрь таблетки и зажала нос, и я могла лишь проглотить их.

А потом я начала медленно возвращать контроль над телом.

— Простите, — сказала я, пытаясь увидеть родителей. Максимус поднял меня и вернул на кровать.

— Мы понимаем, — сказал он. Его голос был таким нежным, что я почти забыла, что он думал, что это все в моей голове. — Нам придется оставить веревку. Ты же понимаешь, милая?

— Не зови меня так, — выдавила я.

Он улыбнулся.

— Рад видеть, что ты еще с нами. Но, чтобы твои другие сущности знали, твой отец сообщил полиции о происходящем. Если ты разойдешься. Боюсь, несмотря на слова твоей сестры, тебе лучше будет в больнице. Мне жаль, что я не понял раньше, Перри. Прости, что я думал, что это призрак. Я бы не стал проводить очищение, от этого стало хуже. Это дало доказательства иллюзиям.

Но ты видел! Но у меня не было сил говорить. Ты видел чудище! Лжец. Чертов лжец!

Он убрал волосы с моего лба. Я вздрогнула и сверлила его взглядом, и он сказал папе:

— Похоже, нужна еще веревка.

— Вы больные, — прорычала Ада со стороны. Она покачала и обхватила себя руками. — Я не могу стоять и смотреть, как вы это делаете. И не буду.

Она посмотрела на меня напоследок. Я не понимала этот взгляд. Она ушла, и мое сердце ёкнуло.

Папа связал мои руки и ноги так, что я теперь была прикована к кровати. На миг я была свободна. И я хотела оттолкнуть его и убежать. Я не знала, куда, но я бы покинула дом и убежала к реке, а потом умчалась бы туда, где они не нашли бы меня. Там я была бы в безопасности. И меня не отвезли бы в больницу. Во мне все еще было это существо, Эбби, демон или что-то еще, но зато я бы не попала в больницу. Я не хотела разрушаться в стерильной комнате. Как умирающая собака, я хотела уйти подальше в тишину. Хоть этим я могла управлять.

Но я не двигалась. Я не бежала, хотя и могла. Папа закончил привязывать меня, не глядя мне в глаза при этом. Он ушел с мамой. И остались только мы с Максимусом.

Он придвинул стул от стола и окинул меня взглядом. Его зеленые глаза виновато блестели, но этого не хватало. Я хотела от него большего. Я хотела, чтобы кто-то боролся за меня. Я хотела, чтобы кто-то жертвовал за меня. Поддерживал меня. Спас бы меня, когда я не могла этого сделать.

Это был не Максимус. И никогда не был. Я просто была для него развлечением. И все. Как всегда.

— Мне жаль, что все так, Перри, — сказал он, не став звать меня милой. — Ты мне нравилась. Сильно. До смешного сильно.

Вы шутите. Он бросал меня? У нас и отношений не было.

— Но тебе нужно больше, чем я могу дать, — он провел пальцами по моей руке. — Тебе нужна помощь, и я собираюсь помогать, чем смогу, но ты тоже должна помогать себе. Стыдно, что такое случилось. Мы могли что-то сделать. И когда-нибудь, может, сможем. Думаю, в команде все получится. Не здесь. Особенно если ты согласишься снимать со мной шоу. Когда тебе станет лучше, конечно.

Он меня довел.

— Максимум, — сказала я.

Он пытливо смотрел на меня.

— Что?

Я изо всех сил плюнула в него. Слюна попала по его носу.

Я коварно улыбнулась при виде потрясения на его лице.

— Это от меня. От настоящей Перри.

Он подло улыбнулся, вытер нос и встал. Он вернул стул и сказал:

— Я останусь здесь на ночь. Еще увидимся.

Он закрывал за собой дверь, оставил пару дюймов. Я осталась наедине с мыслями, пока таблетки не погрузили меня в туман.

Конечно, одна я больше не была.

И никогда уже не буду.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Остаток дня прошел вспышками. Меня накачали таблетками, и я помнила лишь периоды. Я просыпалась, билась в кровати, чуть не поднимаясь над ней, и только веревки удерживали меня на месте. Я не управляла собой, потом управляла. Мы с существом менялись местами, но я не успевала никого позвать. Я могла прогнать его или ее уйти, когда сильно сосредотачивалась. Но это истощало меня, и я снова засыпала.

Люди приходили и уходили. Время замедлилось. Мама пришла и посидела рядом со мной немного. Она не могла смотреть мне в глаза. Я не знала, был ли причиной стыд, страх или то, что мои глаза принадлежали кому-то другому. Она сказала:

— Проще не становится, — и похлопала мою руку.

И больше ничего. Папа был еще короче. Я видела по его лицу, что совесть грызла его. Я бы обрадовалась, но мне от этого было только печально.

Максимус предложил покормить меня с ложечки на ужин. Я сказала ему, что выплуну в него, как Линда Блэр в «Экзорцисте». Больше он про еду не говорил.

Но Ада, единственная, кого я хотела видеть, не приходила. Я знала, что ей больно, что я напала на нее и ранила. Я все еще не знала, что произошло, но это ужасно, когда тебя атакует твоя же сестра, даже непредсказуемая, как я. И я хотела, чтобы она пришла. Поддержала меня. Рассказала, как все исправит, как заберет меня отсюда, и мне не придется попадать в психбольницу (потому что туда я точно попаду в конце). Но это были бы только слова. Она не сможет помочь. Потому что она была в стороне. Было больно видеть меня такой.

Но мне было бы легче, если бы я увидела ее.

Я вздохнула и закрыла глаза. Дождь шел даже ночью. Холод проникал из окон и задерживался в воздухе. Я слышала, как родители говорили, что в комнате холодно, что термостат сломан. Они ничего не понимали.

— Как ты? — спросил Максимус.

Он вернулся в комнату, сел у стола и использовал мой компьютер. Он повернулся на стуле и смотрел на меня.

— А ты как думаешь?

— Хочется кого-то убить?

— Кроме тебя?

Он встал и подошел ко мне, возвышаясь, его рыжий чуб почти задевал потолок.

— Боишься? — спросил я.

Я пронзила его взглядом.

— А ты как думаешь? Я прикована к чертовой кровати.

— Это для твоей безопасности. И для всех. Если мы отпустим тебя...

— Отпустим? Я не животное.

— Отчасти. Ты это знаешь.

Я знала. Я знала, почему прикована. Я знала и была почти благодарна, потому так я не могла ранить тех, кого любила. Я знала, что, как только освобожусь, именно это и сделаю.

— Потерпи ночь, — успокаивающе сказал он. — Завтра все изменится.

— Что будешь делать, когда меня будут уносить люди в белых халатах? Что скажешь? Будешь спрашивать, страшно ли мне? — мой голос задрожал. Я не сдержалась. Существо во мне ожидало момента, я ощущала это. Когда я была испуганна или расстроена, моя защита

падала, и существо начинало охотиться. Я начала угадывать его действия. Я хотела предупредить Максимуса, сказать ему отойти от меня. Но часть меня хотела, чтобы он страдал, и я не знала, какая именно часть.

— Как бы ни получилось, Перри, это к лучшему, — сказал он, словно знал. — Тебя сделают новой. Доктора тебе помогут. Они позаботятся о тебе. Тебе будут давать лекарства, это тебя исправит. Да, у психбольниц плохая репутация. Но они скорее помогают, чем вредят, особенно, таким, как ты. Сначала будет страшно, но тебе помогут. Будешь как новенькая.

— Уверен, Макс? — сказал кто-то.

Голос поражал, ведь был знакомым. Волоски на моих руках встали дыбом. Он был низким, насыщенным, глубоким.

И недовольным.

Максимус вздрогнул и повернулся к двери. Он закрывал мне обзор, и я вытянула шею, чтобы увидеть, кто еще в комнате.

Я увидела, что Ада прошла к кровати, глядя на меня и о чем-то предупреждая. А потом Максимус потрясенно сказал:

— Что ты здесь забыл? — и он отодвинулся достаточно, чтобы я увидела Декса на пороге.

Комната медленно кружилась. Я не могла дышать. Глаза расширились и так застыли. Тело напряглось. Сердце сжималось от миллиона эмоций, которые я даже не могла назвать.

Декс. Мой Декс. Мой Декс, разбивший мне сердце. Он был в моей спальне.

Он выглядел старше. Мой разум все еще пытался осознать, но я отмечала детали. Время застыло.

Его плечи казались чуть шире, руки были крепче, это подчеркивала черная футболка, влажный плащ был перекинуть через руку. Я не знала, почему думала, что он похудеет от горя. Наивная. Его лицо тоже было другим. Кольцо в брови пропало, тонкий слой щетины показывал, что он брился каждые пару дней. Ему это шло. Глаза были теми же. Темно-карими, блестящими и невероятно напряженными.

Он не двигался, только стоял там. На лице его удивление сменилось возмущением, а потом гневом, пока он смотрел на меня, воспринимая печальный вид.

А потом он начал действовать. Он ворвался в комнату, дико размахивая руками, дошел до Максимуса и почти достал до его лица. Только Максимус был выше.

— Что это такое? — вопил Декс, дико размахивая руками. — Что ты с ней делаешь?

— А это что такое? Что ты такое? Зачем ты здесь? Тебя не должно быть! — сказал Максимус, не отпрянув.

— Радуйся, что я здесь, — парировал Декс и шагнул ближе.

— Парни! — закричала Ада, стоявшая недалеко от меня. — Все хорошо, я его позвала.

Я потрясенно посмотрела на нее. Она прошептала извинение.

— Зачем было поступать так глупо? — сказал ей Максимус.

— Глупо? — процедила она. — Я не буду сидеть и смотреть, как ты привязываешь мою сестру к кровати, притворяешься, что знаешь, что с ней, а сам собираешься отвезти ее завтра в больницу, откуда она, скорее всего, и не вернется!

Я была тронута верностью сестры и ее боевым духом. Я ощущала, как слезы выступают на глазах, всего было слишком много, а теперь еще и человек, сломавший мою душу, превративший последние несколько месяцев в живой ад, стоял в паре футов от меня.

А потом я ощутила перемену в мозге, словно жуки пролезали под дверь. Что-то решило выбраться сейчас. Я пыталась отогнать тьму, удушающий покров зла. Мои глаза закатились, веки трепетали, пока я собиралась с силами.

— Что с ней? — тихо и сдержанно спросил Декс. Он подошел ближе.

— Я бы держался подальше, сынок, — сказал Максимус, остановив его рукой.

Декс мрачно посмотрел на него и отбросил руку. Он остановился у кровати и присел, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим. Я хотела посмотреть на него, но не могла. Я должна была сражаться как можно сильнее, ведь я проигрывала.

— Ей плохо, — рассеянно сказал он.

— Логично, Шерлок, — сказал Максимус.

— Ты заметил, что ее глаза другого цвета?

— О чем ты? Нет, там просто расширены зрачки.

Декс покачал головой.

— Расширены, но цвет вокруг них сейчас карий. У Перри всегда были голубые глаза. Цвета океана в пасмурный день.

Ада охнула.

— Декс прав.

Я ощутила, как он начинает развязывать веревки на моих руках. Не сейчас!

— Декс, не надо, — сказал Максимус за меня. — Она не просто так привязана.

— Она не зверь, — прорычал он, продолжая развязывать их.

Я сдалась. Существо было слишком сильным. В этот раз мне не победить.

Я резко подняла голову.

— Я бы не делала этого на твоём месте.

Он поднял голову, когда развязал последний узел, наши взгляды пересеклись, прожигая друг друга.

— Это я, Перри. Декс.

Я страшно и ядовито улыбнулась.

— Вот именно.

Существо захватило все, было сильнее, чем раньше. Оно бросилось, схватило Декса за футболку и отбросило, как куклу, через всю комнату, и он упал на пол рядом с Адой. Она закричала и помогла Дексу встать на ноги.

Но существо не уходило. Мои ноги бились в веревках, и те порвались. Я вскочила с кровати и рухнула на Декса, когда он попытался встать. Ногти тянулись к его глазам, задели края, оставив кровавые следы. Они с Адой упали на пол, но убить я хотела только его. И никак иначе. Он нужен был существу. Нужна была его смерть. Где-то в глубине души я сама могла этого хотеть.

Я впиалась пальцами в его горло и удерживала его, чувствуя, как просто было сжимать, пока не сломается. Его лицо побагровело, глаза были зажмурены, он пытался отцепить мои пальцы. Он не мог. Он быстро задыхался. Я делала это с ним. Я собиралась убить его, я не только увижу это, но мое тело убьет его.

Его глаза открылись, кровь текла из царапин, он посмотрел на меня. Я ощущала столько гнева существа и своего.

Но гнев был только от боли. От боли, которую он причинил, потому что я позволила себе влюбиться в него. Я любила его. Я не могла это отрицать.

Я изо всех сил билась с тьмой перед собой. Я не позволю этому произойти. Не при мне.

Я толкалась. На миг ощутила облегчение, но тут Максимус схватил меня за запястье и оттащил от Декса.

Существо завопило, мои ноги отбивались, пока он держал меня над полом.

— Ада, веревку, — приказал он.

Она сидела на коленях рядом с Дексом.

— Оставь его. Веревку, живо!

Ада вскочила и схватила веревки с кровати.

Я пыталась ударить ее ногой по лицу. Я пыталась вырваться из хватки Максимуса, но он крепко, как тисками, сжимал мое корчащееся тело. Пока что. А что будет, если я вырвусь?

Я снова надавила из глубины разума, пытаюсь занять свое место. Я представила, что я сильнее. Что я чиста. Что я хорошая. Я представила любовь. Большое сердце, бьющееся с любовью. С любовью к Аде. И она меня любила. Я бросила этим во врага изо всех сил.

И я перестала отбиваться. Я обмякла в руках Максимуса, и Ада быстро, но с опаской, словно я притворялась и хотела резко напасть, начала связывать мои ноги.

— Нет, к кровати, — сказал он и уложил меня там. Ада работала над моими ногами, пока Максимус привязывал руки.

Декс медленно поднялся на ноги, потирая горло и шатаясь. Он прислонился к столбику кровати и пытался перевести дыхание, громко хрипя. Его горло было розовым, можно было различить следы моих пальцев.

Он смотрел на меня, словно я предала его. Я не хотела так его ранить, но что он ожидал? Что я поприветствую его с распростертыми объятиями?

Я не извинялась. Даже во время одержимости я была упрямой.

Когда они закончили меня связывать, Ада нежно коснулась его руки и спросила, не нужен ли ему лед. Он покачал головой, все еще глядя на меня.

Максимус скрестил руки.

— Я тебе говорил. Теперь на твоём лице метка.

Декс скользнул взглядом по царапинам, что все еще были на лице Максимуса.

Он кашлянул.

— Твои тоже оттуда?

— Она напористая.

Декс проворчал.

— Теперь мы похожи.

Максимус рассмеялся. Мне не нравился этот звук. Он не был веселым.

— Не совсем, — он подмигнул Дексу.

Это мне тоже не понравилось. Ада замерла рядом со мной, ее ладонь лежала на моей руке, пока мы смотрели на них, ощущая, как усиливается напряжение в комнате.

— Что это должно означать? — с подозрением спросил Декс.

О нет. У меня было предчувствие. Это ловушка! Я хотела кричать.

Максимус пожал плечами и провел рукой по волосам.

— О, ничего, — сказал он, лениво растягивая слова.

Он прошел к концу кровати и склонился к другому столбику кровати, копируя позу Декса. Он медленно улыбнулся Дексу.

Я открыла рот, но Максимус заговорил быстрее.

— Я не знал, что она — дикая кошка в мешке. О, с тобой она была не такой, да?

Я услышала, как Ада охнула рядом со мной.

— Что? Максимус!

Декс молчал. Он словно не расслышал.

Он вскинул черную бровь.

— Что, прости?

Максимус улыбнулся шире. Его белые зубы вспыхнули на фоне загорелого лица.

— Ты меня слышал. Она бешеная. Хорошо, что я люблю, когда грубо.

И тут я поняла. Ночь с Максимусом была мстью Декса и с моей стороны, и с его. Максимус все еще мстил за ситуацию с группой, за девушку, он не переставал думать об этом. Мы переспали, чтобы досадить Дексу.

И тогда Декс ударил Максимуса.

Его темные глаза яростно вспыхнули, когда он с силой ударил Максимуса по челюсти. От этого Максимус отшатнулся к моему столу и компьютеру, который разбился под его крупным телом.

Мы с Адой хором закричали. Декс не успокоился, бросился на него и продолжал бить везде, куда доставал. Он был быстрым и точным.

А потом мои родители оказались в комнате, потрясенно закричали при виде Декса, бьющего рыжеволосого великана, разрушая мою комнату в процессе. А их дочь-демон была прикована к кровати, иначе тоже веселилась бы.

Отец схватил Декса за руки, остановив его.

— Помоги ему! — прошептала я Аде.

Она подбежала к Дексу, влезла между ним и Максимусом, растолкала их руками.

— Хватит! — закричала она. — Это не помогает Перри! Вы не для того здесь. Вспомните.

Она повернулась к Дексу, заставила его перевести взгляд на нее, а не яростно сверлить им Максимуса. Он прикусил губу с силой и кивнул. Он закрыл глаза и расслабился, отец оттащил его в сторону, а мама помогла Максимусу подняться.

— Что вообще происходит? — голос папы загудел в комнате. Он включил злого преподавателя в смеси с итальянцем. Он посмотрел на Декса и ткнул его. — Почему он здесь?

— Пап! — закричала я на него. Я не могла поверить, что он толкнул Декса.

— Я вызвала его, — объяснила Ада, встав рядом с Дексом. — Я подумала, что он поможет.

— Ты вызвала его? — отец указал на него большим пальцем. Декс выпрямился и вскинул голову, но отец выдержал его взгляд. — После того, что ты сделал с моей дочерью, радуйся, что я просто выгоню тебя пинками из дома.

Декс склонил голову на бок.

— А что сделали вы? Ваша дочь привязана к кровати. Ей плохо и становится хуже с каждой минутой.

— Она отправится утром в больницу.

Декс был на дюйм выше моего отца, но казалось, что он стал еще выше, когда шагнул ближе, глядя на отца стальными глазами.

— Если она попадет туда, — убежденно сказал он, — вы ее убьете. Вы не знаете, что там делают.

Отец не двигался.

— О, прости, я не знал, что у тебя есть план.

Декс быстро посмотрел на меня, а потом на него, Аду и мою мать.

— У меня есть план.

— Жаль, что ты не сможешь остаться и рассказать нам о нем, — едко сказал папа. Он прижал ладони к плечам Декса и направил его к двери.

Я не могла дышать. Несмотря на гнев, причиненную им боль, он не мог меня оставить. Он не мог так меня оставить.

Декс остановился у двери, заставив отца резко замереть. Он посмотрел на Максимуса, держащегося за челюсть и зло глядящего на него. Он развернулся и сладко улыбнулся маме с папой.

— Забавно, что вы оба не помните меня, — сказал он с фальшивым удивлением.

Мои родители быстро растерянно переглянулись.

— Мы встречались раньше, — продолжил он, кивнув им. — В Нью-Йорке. Я был тогда юным. У меня была мать-алкоголичка и отличная няня. Она была немного не в себе...

— Мы не знаем, о чем ты, — сказал папа. Я тоже не понимала, о чем говорит Декс. Нью-Йорк? Мои родители там жили?

Но лицо мамы исказилось в ужасном осознании. Это длилось недолго, но я это уловила, и Декс тоже. Он прищурился и улыбнулся, склонившись ближе.

— В восемнадцать я сменил фамилию на мамину. В ее честь. Тогда я был сентиментален. До этого меня звали Деклан О'Ши.

Глаза отца расширились. Он подтолкнул Декса и сказал:

— Тебе нужно уйти отсюда. Сейчас.

— Такая спешка? — спросил Декс, но развернулся сам.

— Я могу вызвать копов, — ответил отец. Мы знали, что он хочет это сделать. Он бы и меня им отдал.

Он выгнал Декса за дверь, тот не успел даже взглянуть на меня. Мама с Максимусом с быстро отекающей челюстью вышли за ними.

Ада осталась в центре комнаты и смотрела туда, где они только что были. Наконец, она посмотрела на меня своими большими глазами. Черт. Что произошло?

— Прости, Перри, — сказала она. — Я не хотела тебе говорить. Я никому не говорила. Я не могла позволить им сделать это с тобой. Я подумала, что Декс поможет, даже если ты его ненавидишь.

— Он сказал, что у него есть план, — медленно сказала я. Было больно говорить, и я уставала с каждой секундой все больше.

— Я не знаю, какой. Но, когда я позвонила ему и объяснила, он сказал, что со всем разберется. Он приехал сюда. Но...

— Он — Деклан О'Ши, — тихо сказала я. Голова повернулась вправо, Ада подошла ближе. — Откуда его знают мама с папой?

— Они сказали, что не знают, — сказала она, глядя в окно. — Думаю, они вралли.

— Он там? — спросила я, посмотреть я не могла.

— Ага. Папа дико машет. Похоже, кричит на него.

Она посмотрела на меня.

— Врут они или нет, но папа, конечно, ему не рад. После того, что он сделал с тобой.

— Ада. Я не хочу, чтобы он уезжал, — я невнятно произнесла конец. Я теряла сознание. Я не знала, было ли это от таблеток или последствия вспышки.

— Я тоже. Но он уезжает.

Я слышала, как зашумел снаружи его джип, звук утих. Моя надежда угасла с ним. Декс был здесь всего пару минут, и, несмотря на мои гнев, боль и унижение, его появление наполнило меня храбростью, которую я давно не ощущала. Словно у меня был шанс на борьбу.

Он уехал. Остались только вопросы.

— Когда мама с папой жили в Нью-Йорке? — спросила я из последних сил.

Ада села на кровать.

— Не знаю. Может, когда мама работала моделью? Тебе нужно поспать, Перри. Я буду рядом.

Я кивнула и уснула.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я проснулась от шума моего окна. Мои глаза открылись. В комнате было темно, горела только лампа у кровати, и я все еще лежала, привязанная к кровати. Мышцы болели, ведь долго находились в одном положении. Я была одна.

Не совсем.

Окно открылось, стукнув о раму. Я застыла, не зная, кто это или что. Крылатый демон вернулся? Или это огромный паук?

— Эй, малыш, — прошептал Декс. — Это только я.

Я услышала, как он перелезает окно и опускается на ковер. Он появился рядом со мной. Как раньше, он опустился у кровати, чтобы лицо было на одном уровне с моим. Я повернула голову и посмотрела на него.

Кровь засохла в уголках его глаз, он быстро, почти смущенно улыбнулся мне. Мне не нравились мои ощущения. От его улыбки мне все еще было хорошо.

— У тебя тут удобное дерево растет, — сказал он, кивнув в сторону окна. Он окинул меня взглядом, хмурясь, и спросила. — Как ты?

— А ты как думаешь? — ответила я, язык плохо слушался.

— Ага, — медленно сказал он. — Знаю. Я вытащу тебя отсюда, ладно?

— Куда?

— Я же говорил, что у меня есть план. Твои родители не дали его рассказать. Тебе нужно только поверить мне.

Я прищурилась.

— Как я могу тебе поверить?

Он скривился и потер тонкую щетину.

— Знаю, я заслуживаю этого. И я не виню тебя. Но важно сейчас не это. Позже. Не сейчас, малыш. Ада права. Ты не можешь здесь оставаться. То, что внутри тебя, убьет тебя. Рано или поздно. Одна в больнице... Перри, ты не захочешь там умирать.

Я тревожно посмотрела на него.

Он нежно погладил мою руку. От его прикосновения появились мурашки.

— Это правда. Я не пытаюсь тебя запугать. Это ты меня пугаешь. Как обычно. Но нам нужно идти. Ты со мной?

— Тебе придется развязать меня, — тихо сказала я.

Он склонился ближе.

— Я рискну.

— Обещаешь сразу же связать меня?

Я ожидала, что он пошло прокомментирует это. Но его лицо было серьезным, полным решимости.

— Я не хочу.

— Но придется. Или я не пойду. Я не хочу снова тебя ранить.

— Хотя я этого заслуживаю.

— Ты заслуживаешь, но не этого.

Он кивнул и глубоко вдохнул.

— Ладно, решено.

Он склонился и отвязал мою левую руку. Он пах так же, как и раньше. Олд Спайс,

жвачка Никоретте. Я старалась не дышать, ведь это могло подействовать на меня. Но было сложно.

Моя ладонь стала свобода, я пошевелила ею, пока он отвязывал другую. Он замер и направился к моим ногам, взглянув на меня краем глаза. Он ждал нападения.

Я быстро улыбнулась.

— Я в порядке.

Он кивнул, начал развязывать ноги, жуя губу. Пока он работал, я разминала руки, отмечая, как все это странно. Декс был здесь, я знала его близко, но мы ощущались как чужие. Словно мы начинали заново. От этого мне было печально. Но я отогнала печаль, потому что не могла быть уязвимой. Так я сдалась бы существу, но я и не хотела отступить, хоть это и было глупо. Декс предупреждал меня, что я могу умереть от этого, но я хотела держаться за свою драгоценную гордость. Но зачем мертвой гордость?

Когда он закончил, он вернулся ко мне и нежно скользнул рукой под мою спину, усадил меня.

— Вот так. Осторожно... не спешим.

Сердце колотилось, и я сжала виски. Его теплая рука легла на мою голову сзади, поддерживая. Я указала на веревку, прикрывая глаза.

— Свяжи меня, — процедила я сквозь боль.

— Сейчас?

— Прошу, Декс.

Он вздохнул и с неохотой связал мои запястья и лодыжки.

— Крепче, — прошептала я.

Он замер и повернул мою голову, чтобы я смотрела на него. Я открыла глаза. Его глаза были огромными и разглядывали меня. Я видела в них свое отражение.

— Что? — спросила я. — Ты видел, что я сделала. Твое горло посинело.

Так и было. Оно было сине-багровым, страшным. Из-за меня.

— Мне это не нравится.

— А мне?

Но он связал запястья и лодыжки крепче, но не перекрыв ток крови.

— Мне придется нести тебя, — сказал он.

— Видимо, да, — прошептала я в ответ.

Его руки оказались за моей спиной и коленями, он просто поднял меня. Я была права. Он стал крепче. Но это не было важно, я попыталась сосредоточиться на задании. Мне нужно было выбраться из ада, чтобы нас не засекли родители, Максимус или Ада. Я уткнулась головой в его шею и невольно задумалась, как пахну. Я последний раз мылась пару дней назад. С пауками.

— Ты в порядке, малыш? — спросил он, сделав шаг.

Я кивнула, выдохнув в его шею.

— Потерпи немного, — тихо сказал он. Он перехватил меня удобнее и быстро открыл дверь рукой. Она медленно открылась, скрипнув. Свет горел в коридоре, но не на лестнице. Я надеялась, что он не упадет, иначе мы оба пострадаем, и все поймут, что мы делаем.

Он шел на цыпочках (если это было возможно, когда несешь кого-то) к краю лестницы, а потом осторожно спустился. Я хотела предупредить его быть потише, ведь Максимус спал в гостиной, но не хотела открывать рот.

Мы прошли по паркету, и он повернулся к входной двери.

А потом застыл.

Там кто-то стоял.

Мы ждали, пока фигура приблизится, свет с лестницы озарил ее.

Это была Ада. Она все еще была одета, так и не пошла спать.

— Куда ты идешь с ней? — прошипела она.

— Я забираю ее. Это часть плана.

— Забираешь куда? Ты о плане не рассказал.

— Тихо, — сказала я им. — Вы разбудите Максимуса.

Я кивнула в сторону гостиной

Декс продолжил еще тише:

— Я не могу рассказать тебе. Когда твои родители узнают, что я сделал...

— Они поднимут шум! — ответила она.

— Именно. И от тебя не отстанут, пока ты не расскажешь правду.

— Я умею хранить секреты.

— Нет, — прошептала я ему.

Он кивнул.

— Перри знает. Поверь мне, Ада. Ты позвонила не просто так, да? Я спасаю твою сестру, как могу.

— И как же?

— Ей нужен экзорцист.

Тишина накрыла нас, мы обдумывали экзотичное слово. Декс забирал меня к экзорцисту. Знаю, я все время говорила, что он мне нужен, но когда это сказал кто-то еще, это стало реальным. Такое можно было сделать. Что ты делала сегодня? О, была у экзорциста.

Я не знала, сжалось ли существо во мне от этого слова, но мне вдруг стало очень страшно.

— Экзорцист? — повторила Ада, казалось, спустя вечность.

— Да, — сказал Декс, его терпение кончалось. — Ты же смотрела фильм.

— Нет.

— Посмотри. Он неплох.

— Ребята, — прошептала я. — Максимум!

— Прошу, Ада, — сказал Декс. — Отпусти нас. Ты знаешь, что я все сделаю для Перри. Со мной ей безопаснее, чем с кем-то еще.

Его слова задели струны моего сердца. Немного. Он все еще был козлом. Но он забирал меня в безопасность.

— Папа вызовет копов, как только вы уедете, — сказала она. — Они отправятся за вами. Как из-за похищения.

— Знаю.

Ада скрестила руки и расставила ноги.

— Тогда я иду с вами.

— Не-е-ет, — сказал Декс, покачав головой. — Это не для пятнадцатилетних.

— Плевать. Плана без меня не было бы. Я с вами. Она — моя сестра, тебе нужен тот, кто будет следить за ней, пока ты за рулем. И если ты меня не возьмешь, я пойду к твоему рыжему другу и...

— Хорошо, — быстро сказал он. — Ты можешь пойти. Но сейчас. Прямо сейчас. Пока

не поздно.

Она широко улыбнулась, и я снова ощутила прилив надежды. Мысль о походе к экзорцисту пугала, но это было не хуже одержимости. Я надеялась, что продержусь. Существо все еще ждало.

Ада пробралась к входной двери и открыла ее для нас. Декс спустился с крыльца в холодную влажную ночь. Дождь падал мне на щеки.

Он жарко шептал мне на ухо на бегу:

— Всего лишь забежать за угол, всего пару секунд.

Я слышала, как Ада тихо закрыла дверь, через пару секунд она бежала рядом с нами. Мы свернули с дорожки вправо. Дальше стоял его черный джип. Радость для глаз.

Машина была не заперта, и Ада открыла задние двери, Декс осторожно опустил меня на сидение, Ада села рядом, решив ехать рядом со мной сзади.

Декс сел за руль и поправил зеркало заднего вида. Он посмотрел на меня, а потом на Аду.

— Последний шанс выйти и жить нормально, — сказал он.

— Шутишь? И не подумаю, — ответила она, закатив глаза.

Декс завел машину, и мы уехали с шумом.

* * *

— Как она? — спросил Декс.

Я ощутила, как машина остановилась, и открыла глаза. Декс развернулся и посмотрел на меня с тревогой. Ада склонилась, закрыв мне своим лицом обзор. Светил только фонарь неподалеку. Мы стояли у края дороги, вдали виднелась заправка. Машины ревели в стороне, рядом было шоссе.

— Перри? — спросила она.

— Да? — сонно ответила я. Я попыталась пошевелиться, но не смогла. А опустила взгляд. Теперь, кроме веревки, руки к телу приковывал слой скотча. Я напоминала серебряного червя.

Я посмотрела на них.

— Серьезно?

Декс несколько секунд жевал губу и посмотрел на Аду.

— Перри, было очень плохо, — тихо сказала она. — Нам пришлось остановиться на заправке и купить у них веревку и скотч.

— Они явно подумали, что мы похитители, — сказал Декс.

— Что я делала? — я пыталась устроиться удобнее, но плотно намотанный скотч жалил кожу.

— Ты как-то порвала веревки и открыла дверь машины. Ты собиралась прыгнуть.

Мой рот раскрылся.

— Декс делал маневры в стиле «Need for Speed», и ты упала внутрь машины. Я схватила тебя... блин, тебе нужно постричь ногти, Перри.

Она закатала рукав полосатой блузки. Там были длинные неровные царапины.

— Прости, — пробормотала я, ужасно себя чувствую. — Я этого не помню.

Она пожала плечами.

— Ладно. Но мы не хотим повторения. Теперь ты можешь только укусить нас. Но скотч еще остался.

Я покачала головой.

— Не надо. Я буду хорошей.

Но я не могла сдержать это обещание.

Я повернулась к Дексу. Его лицо было темным в тенях машины.

— Я что-то с тобой сделала?

— Кроме убийственного удара в челюсть? Неа, — он драматично потер ее.

— Прости, — только это я и сказала.

— Малыш, можешь жечь меня раскаленным железом, если хочешь.

— Ради наказания?

Он улыбнулся.

— Как-то так.

Я ощутила взгляд Ады и посмотрела на нее.

— Что?

Она посмотрела на Декса и ухмыльнулась.

— Ничего, ничего. Просто подумала, что вам пора заканчивать перепираться, чтобы мы поговорили о плане и экзорцисте. До того, как у нее начнет крутиться голова.

— Ага, — указал на нее пальцем Декс. — Ты все-таки смотрела «Экзорциста»!

— Нет, это из «Очень страшного кино», — возразила она.

— Куда мы едем? — спросила я Декса, пока он не стал ругать вкус Ады.

— Айдахо, — сказал он. — Надеюсь, ты любишь картофель.

Я не понимала.

— Почему Айдахо? Там экзорцист? — я выглянула в окно на тьму. — И где мы сейчас?

— Только проехали Даллес. Едем через Вала-Валлу, а потом Лапвай. Там будет он.

— Кто?

— Целитель.

Мы с Адой переглянулись. Целитель?

Я фыркнула.

— Декс, не думаю, что целитель...

— Перри, послушай, — сказал он, и взгляд стал опасно тяжелым. Я слушала. Я была в скотче, выбора не было. — Это может звучать странно, но это наш единственный выход. Экзорцистов нет в телефонной книге, а те, кому я вчера звонил, послали меня подальше. Ты видела, что умеют целители. В Рэд Фоксе. Мы оба видели.

Он сделал паузу и посмотрел на мои связанные руки и ноги.

— Я не могу сидеть и ничего не делать. Я не могу оставить тебя. Я позвонил Берду. Он знал, что знал о парне неподалеку, ведь я не могу доставить тебя самолетом. Он сказал, что Роман, целитель не-персе, может нам помочь. Что он такое уже делал.

— Он исполнял экзорцизм?

Пауза.

— Да.

— Это сработало?

Декс прикусил губу.

— Не совсем. Мальчик, что был одержим... умер.

Я охнула. Декс быстро продолжил.

— Это не было связано с Романом. Он вытащил демона, духа из тела мальчика. Но мальчик умер через пару дней от сердечного приступа. Он был слишком слаб. Так сказал Берд, и он сказал, что если ты — все еще ты, все еще Перри, маленькая сильная Перри, то у тебя будет шанс. Единственный шанс, малыш. Не думаю, что ты понимаешь последствия, что будут, если уйти.

Я вскинула брови.

— Не понимаю?! Я замотана скотчем, вы относитесь ко мне, как к монстру... я и есть монстр. Я это знаю! Это хуже всего! — я моргала, отгоняя слезы. Если я заплачу, вытереть их не смогу.

Ада прижала меня к себе.

— Ты не монстр. Мы знаем, кто ты.

— Я так боюсь, — тихо сказала я, слова словно испарились в машине. Слеза упала на мою футболку. Я посмотрела на мокрое пятно.

Декс напрягся, смотрел темными глазами, словно не мог решить, что еще сказать, нужно ли ему утешать меня. Часть меня хотела, чтобы он остался на месте. Часть меня могла использовать его сильные руки вокруг меня. Конечно, существу было просто делить меня. Я не знала сама, кем была.

Он этого не сделал. Он завел машину и развернулся.

— Дальше — Айдахо. Держись, малыш, — сказал он.

И я держалась, как только могла. Но держалась за ниточку.

Мы молчали и мчались по шоссе. Машин было мало, и Декс объезжал их как можно быстрее, чтобы тратить как можно меньше времени. Порой мне было удивительно хорошо, а потом я замечала тень в уголке сознания и понимала, что «хорошо» — было иллюзией. Я не устала, и это было хорошо, ведь мне нужны были все силы, чтобы бороться, когда придет время. Потому что этот момент наступит. Будет момент, когда я не смогу вернуться, когда меня вытеснят неизвестно куда навеки. Эта мысль не давала покоя мне и остальным. И я не думала об этом. Я старалась ни о чем не думать. Но я знала.

Декс включил хиты «Stone Temple Pilots», и я удивленно отметила, что это придавало происходящему нормальности. Мы словно ехали для шоу. Декс включил музыку, я смотрела в окно, мы двигались к неизвестному и странному. Но все изменилось. Наши отношения изменились, они едва были отношениями. Он не был мне возлюбленным, не был и другом. Шоу больше не было, как и призраков. Но мы все еще были вместе в его джипе, готовились биться с нашими демонами. Похоже, от этого я не могла сбежать. Только в этот раз я не была уверена, хорошо это или плохо.

Я смотрела на его затылок, на то, как торчали его волосы, словно он покидал дом в спешке и даже не посмотрел в зеркало. Я подумала о его доме. Жил ли он еще с Дженнифер. Был ли у него еще пес, Жирный кролик. Что он делал последние несколько месяцев. Если Ребекка говорила правду, он был разрушен, как я, и угрызения совести изводили его. Но он выглядел красивее, сильнее, здоровее. Не было похоже, что я как-то сильно повлияла на него.

Хоть это было мелочно, но меня это раздражало. Seriously. Он пришел мне помочь, мог спасти мою жизнь, а я хотела большего. Я хотела, чтобы он страдал. Не физически и не от моих рук. Удушение ничем не помогло. Я все еще злилась. Я все еще была растеряна и опустошена от случившегося. Я думала, что переступила это, что все осталось в прошлом. Я

думала, что готова идти дальше. Но одного взгляда на его затылок мне хватило, чтобы понять, что это не так. И если я выживу, если Роман как-то меня спасет, я приложу все усилия, чтобы убрать Декса Форей из своей жизни. Чувства к нему были моей самой большой ошибкой.

Я посмотрела на Аду. Она спала, сжавшись у дверцы, посапывая, ее светлые волосы закрыли лицо. Бедняжка. Она этого не просила. Я думала, что она не столкнется с тем, через что я прошла в ее возрасте. Но, похоже, все повторялось.

Я подумала о словах матери, что это передается в семье. А потом подумала, как мало знала о семье. Они казались мне сейчас чужими.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, и, ощутив мой взгляд, Декс посмотрел туда.

Он улыбнулся, уголки губ на миг дрогнули.

— Ты спала? — прошептал он.

Я покачала головой.

— Я то приду в себя, то отключусь. Но я не спала. Вроде.

— Нет. Не спала. Или спала. Ты сейчас говоришь и спишь с открытыми глазами?

— Нет...

— Похоже на правду.

— Декс... — начала я. Было страшно продолжать. Узнавать правду.

— Ты хочешь знать о Деклане О'Ши, — ответил он. Он всегда знал, о чем я думаю.

— Да. Откуда ты знаешь моих родителей?

Он перевел взгляд на темную дорогу, фары пронзали ночь.

— Не знаю толком. Я едва их помню. Думаю, мы как-то раз встречались. Я и не вспомнил бы, если бы не слова Пиппы на записи.

О, БОЖЕ. Я забыла о ее словах на записи. Мои глаза стали огромными.

— Не переживай, — сказал он, заметив. — Я не злюсь из-за лекарств. Вообще-то, ты оказала мне услугу.

— Декс, прости. Слушай, это было подло с мо...

— Я не злюсь, Перри. Я не могу тебя за это ненавидеть. Ты не просто так проверяла. Ты заботилась обо мне. Так ведь и было?

Редкий проблеск нежности звучал в его голосе. Я не позволила себе радоваться этому.

— Так почему Пиппа упомянула моих родителей?

Он медленно выдохнул через нос и тряхнул головой.

— Думаю, это нужно спросить у нее.

Я чуть не бросилась на нее. Мне было плохо, и я устала играть!

— Я не изображаю гада, — поспешил объяснить он.

— У тебя это само выходит.

— Я серьезно. Я не хочу говорить тебе. Это касается большего, чем ты думаешь.

— О, так проще просто игнорировать? Мне не нравится, что ты знаешь то, чего не знаю я, особенно, что связывает тебя, Пиппу и моих родителей вместе!

Ада пошевелилась рядом со мной, и я пожалела, что повысила голос. Но я злилась. Сильно злилась.

— Что происходит? — сонно спросила она. — Она снова демон?

— Да, — сказал Декс.

— Нет! — заорала я и заерзала в коконе из скотча. — Ада, он скрывает от меня. От нас. Откуда он знает наших родителей.

— Что? — она склонилась и стукнула его по плечу. — Зараза! Выкладывай.

— Эй, я же за рулем, — сказал он, дергая плечом.

Она пригрозила пальцем.

— Говори. Откуда ты знаешь наших родителей? Они никогда не жили в Нью-Йорке.

— Значит, они были там в гостях, — сказал он, с опаской поглядывая на ее палец.

— У кого? — осведомилась она.

Я хотела задать этот же вопрос, но вдруг горло начало сильно покалывать, как от аллергии на киви. Горло, казалось, распухало. Я слышала гудение, желудок сжимался. Что-то двигалось. Что-то происходило.

Декс вздохнул.

— У моей бабушки.

— Ребята... — я закашлялась. Казалось, по горлу лезет что-то ужасное, словно я проглотила что-то еще живое, и ему нужно было выбраться. Скотч мешал делать глубокие вдохи, и воздуха, чтобы вытолкнуть это, не хватало.

— Будто у тебя была бабушка, — сказала Ада. — Как ее зовут? Мэри Поппинс?

Я закашляла громче, но они не обращали внимания.

Наконец, Декс посмотрел в зеркало и спросил:

— Перри, ты в порядке?

Я покачала головой, лицо пылало, я содрогалась. Меня тошнило.

— Тошнит? — Ада чуть отодвинулась от меня.

Что-то выбиралось на мой язык. Кусочек еды? Нет. Он медленно полз в моем рту, щекоча нёбо.

Я с отвращением плюнула, и черный шарик вылетел на сидение.

Мы с Адой посмотрели на него с отвращением и любопытством.

Черный шарик развернулся, и я увидела, что он и не черный вовсе. Черно-желтый. И живой.

Оса.

— Что происходит? — спросил безумно Декс, пытаясь ехать и оглядываться.

— Фу-у-у-у, — сказала Ада. Оса попыталась улететь, но Ада была быстрее, сняла туфлик и раздавила ее.

Мы выдохнули с облегчением. А потом гадкое ощущение усилилось, словно в моем животе было осиное гнездо, и они не давали мне дышать, лазая внутри. Я задыхалась.

Я напряглась и корчилась в пугах, пока Ада и Декс с ужасом смотрели на меня. Мой рот раскрылся, и на мои колени упала масса корчащихся ос с противным шлепком.

Ада закричала. Меня тошнило, я не могла выгнать их всех из себя.

А у Декса была на них смертельная аллергия. Он запаниковал первым. Я не могла винить его. Он закричал, попытался вести, но не смог.

И машина медленно, как в фильме, слетела с шоссе.

Мы подпрыгнули, шины скрежетали об асфальт, потом гравий, потом траву, и мы пару секунд были на ровном месте, время замедлилось.

Дерево появилось в свете фар, раздался оглушительный грохот.

И крики.

Летели тела.

Осы.

Кровь.

И все закончилось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда я пришла в себя, я была далеко от места аварии. Я шла по черной лесной чаще, озаренной сине-зелеными светлячками, что мелькали среди деревьев. Казалось, ожил мой сон. Если это было реальностью.

Я остановилась у высокой сосны, пахнувшей землей, и посмотрела на себя в лунном свете, проникающем среди ветвей. Скотч местами все еще был на моих руках и ногах, но был разорван посередине. Кровь была на моей пижаме сверху, и я не знала, чья она, и как я сюда попала.

«Ада! — подумала я, вспоминая все. — Декс!».

Туман рассеивался в голове. Где я была? Где они?

— Ада! — завопила я в ночь. Мой голос заглушали слои коры и камня вокруг. — Меня слышно? Декс?!

Я замолчала, задержала дыхание и слушала. Светлячки тихо жужжали, ветки шелестели от ветра. Я не слышала ничего, кроме биения сердца, и ощутила жуткий страх.

А если с ними что-то случилось? А если они умерли в аварии? А если я убила их?

Я оглядывала лес, но видела лишь темные тени и огромные булыжники, отражающие свет луны. Было ужасно холодно, я все еще была босиком, только в пижаме. Я ощущала только панику.

Я пошла, убирая с пути грубые ветки, пытаюсь найти путь в лабиринте стволов. А потом я побежала, не думая о камнях, прутиках, что впивались в мои ноги, не замечая хвою сосен, бьющую по глазам.

Осы! Только не это. Если Декс пережил аварию, меня, то это он бы не пережил.

Я бежала и бежала, используя все силы. Я была слабой от нехватки еды и воды, мышцы болели от каждого шага, слишком долго я ими не пользовалась.

Я бежала, а потом...

Вдруг я стояла перед поляной, где грубая трава была серебряно-белой в лунном свете. Луна была не с той стороны. И ниже.

Я развернулась. Пока я бежала, существо захватило меня и направило в другую сторону. Теперь я была в сознании, но заблудилась еще сильнее. Было сложно понять, где я была, если я не знала, откуда я пришла.

Это пугало. Я такого не ожидала.

Где-то в лесу заплакал ребенок.

Я сглотнула и попыталась успокоить сердце, оно оглушало меня биением.

Ребенок заплакал снова.

— Нет, — сказала я вслух. Ребенка не было. Это был сон. Это реальность. Ты вспоминаешь сны. Ты вспоминаешь свои сны.

Где-то в лесу захрустели ветви.

Я представила, как из гнезда выпадают маленькие демоны и бегут ко мне, думая, что я их мама.

Я вскинула голову и закричала.

Я кричала и кричала, выпускала крики, уносящиеся к поляне, к деревьям, к зловещим теням вдали. Пусть меня слышат. Безумия было слишком много для одного человека.

— Перри?

Голос Декса. Я замолчала и развернулась.

Он стоял в нескольких ярдах от меня. Его футболка была изорвана, мокрая местами, он стоял под странным углом. Часть его лица была в крови, которая собралась над его ключицами. Он смотрел на меня, как на незнакомку, которой нельзя доверять. Может, я сама выглядела как призрак.

— Привет, — тихо сказала я. Я пыталась не улыбаться. Руки и ноги покалывало, теперь уже я ощущала холод. — Ты жив.

Он кивнул, кривясь.

— Ты в порядке? Ты ранена?

— Я в порядке, хотя при этом я совсем не в порядке.

Он кивнул, хрипло вдохнул и завалился на бок.

Я подбежала и подхватила его под руку, не дав упасть.

— Я в порядке, — процедил он. Врал, как и всегда.

— Нет, твоя голова... — я хотела коснуться раны, но он отдернул голову. От этого он снова скривился, боролся с болью, которая заставила все его мышцы напрячься.

— Я в порядке, в порядке.

— Где Ада? — спросила я, встревожившись.

— Все хорошо. Она возле машины.

Он выдохнул и попытался сделать шаг. Я шла с ним.

— Что случилось? Тебя ужалили?

Он осторожно кивнул.

— Больше одного раза. Но у меня был Эпи-Пен в бардачке. Твоя сестра оригинально его вколола.

— Тебе нужно в больницу, — возразила я, помогая ему перелезть через бревно.

— Я в порядке.

— Декс, это не так, — сказала я и остановилась, прижав ладонь к его груди.

Он посмотрел на меня и улыбнулся с болью.

— Малыш, мы пойдем только напрямиком к Роману.

— Но твоя голова, укусы и аллергия...

— Я позабочусь о них потом. Мои раны не смертельны. Твои — да.

— Но машина. Нам нужна помощь. Можно заказать грузовик или что-то еще.

— Машина в порядке. Она крепкая и отвезет нас, куда нужно. Она уже не так красива, но все мы пострадали. Я даже завел ее двигатель, думая, что ты его услышишь. Она урчит, как кошка. Медленная, но все же кошка.

Это мне не нравилось. Он замолчал, мы брели по лесу.

Я должна была спросить.

— Куда я уходила?

— А?

— Сейчас. После аварии.

— Не знаю, — его голос стал мягким, уступчивым. — Я пришел в себя с головой на руле. Ос не было. Ада трясла меня. Она была пристегнута, так что с ней все в порядке. Может, пара синяков. А тебя не было. Не знаю, как ты выбралась. Ты стала не только Халком, но и Гудини.

Я чувствовала стыд, злилась на себя. Я ушла. Я была причиной аварии. Осы ведь вылезли из меня, да?

— Вам стоило оставить меня здесь, — прорычала я.

Он остановился. Я видела луч света вдали, это могла быть машина. От этого кровь на его лице сияла, как лед на пруду.

— Перри, — сказал он. Его голос был хриплым. — Ты должна принять, что это не твоя вина. Ты этого не просила.

— Откуда тебе знать? — закричала я. Он разжег нервы под моей оболочкой. — Откуда тебе знать, о чем я просила?! Ты хоть знаешь, через что я прошла за последние пару месяцев? Знаешь?!

Кожа, что не была покрыта кровью, на его лице побелела, став одного цвета с луной. Его брови опустились, он на миг посмотрел на землю. А потом посмотрел мне в глаза, его взгляд смягчился, как жидкий мед.

— Не думаю, что я смогу рассказать тебе хоть когда-то, как мне жаль. Но я буду пробовать, потому что ты, Перри, заслуживаешь того, чтобы я пытался всю жизнь. Был твоим рабом навеки. Даже сейчас я вряд ли могу показать и сделать достаточно, чтобы ты увидела. И это хорошо. У тебя есть право ненавидеть меня всю жизнь. Больше меня не видеть. Плунуть мне на могилу. Но сегодня я тебя не брошу. Я помогу тебе или, — его голос стал тяжелее, — умру пытаюсь.

Я не знала, что сказать. Я открыла рот и снова закрыла, осознавая вес его слов. Я не могла простить его. Но и не могла позволить ему умереть из-за меня. Ему нужно было в больницу. Но мы оба были упрямыми, спорили друг с другом.

Декс выдохнул и указал на свет вдали.

— Осталась только одна фара. Надеюсь, мы доберемся до рассвета и не столкнемся с копами. Вряд ли они нам поверят. Наверное, твой отец уже развесил всюду мой плакат для розыска.

Через минуту мы прибыли к машине. Ада выглядела неплохо, только на локте появился синяк. Она обхватила меня руками и крепко обняла, ведь думала, что больше меня не увидит. Я глупо сказала ей, что это последний раз, когда мы не вместе.

А потом она начала склеивать меня скотчем. Даже во время аварии я оставалась главным врагом.

Мы забрались в машину, меня пристегнули, и Декс умудрился вернуться на дорогу. К счастью, склон был не таким пологим, как выглядел, пока мы забирались по нему. Джип содрогался, дымился немного, но работал, и вскоре мы снова мчались по шоссе. Ночное небо было ясным, мы миновали горы, поехали среди небольших холмов, вдали было видно, как небо светлеет. Горизонт выглядел свежим и чистым, угасающие звезды ярко мерцали напоследок. Близился рассвет.

Времени было мало.

Около восьми утра, когда взошло яркое солнце, покрывало тьмы опустилось на меня. Оно ждало всю ночь. Я ждала этого. Сеть неопишуемого зла.

Голос заговорил в моей голове. Голос из глубин мироздания, содержащий в себе всю боль и страдания мира, которыми он наслаждался.

«Сдайся, — сказал он. — Соппротивление приносит боль. Боль любимым. Боль тебе Сдайся, и тебя пощадят. Ты будешь свободна».

«Испытай меня», — подумала я.

Я вскинула голову и посмотрела на Декса и Аду, которые думали о своем, глядя на проносящиеся фермы.

— Ребята, — голос дрожал. — Времени осталось мало.
Декс сильнее надавил на газ. Я не знала, хватит ли этого.

* * *

Когда мы прибыли в городок Лапвай, я была подавлена. У меня не осталось надежды. Я отбивалась, делала все, чтобы удержать власть, но слишком устала, была слишком слаба, чтобы быть угрозой. Я всю дорогу провела запертой в теле, которым управлял демон. Я говорила на разных языках, корчилась и кричала, пыталась укусить Аду и Декса, пока она не заклеила мне рот скотчем. Она приклеила меня к сидению, потратив три мотка скотча, которые они купили на заправке.

Как только Декс направил джип на ранчо в стороне, скотч начал отлепляться от сидения, мое тело билось все сильнее. Еще немного, и существо заставило бы меня броситься на Декса, снова разбило бы машину, уже в последний раз. Хватило бы мгновения.

Декс остановил машину, они с Адой выскочили, пока я корчилась внутри. Ржавая дверь домика распахнулась, высокий и худой коренной американец в джинсах и старом сером свитере с «Гигантами Сан-Франциско» вышел оттуда. Он был удивительно юными для экзорциста, может, на пару лет старше Декса. Декс быстро пожал мужчине руку, а потом это сделала Ада, и из домика вышел кое-кто еще.

Берд. Крепкий Берд из Рэд Фокса в пыльной джинсовой куртке, с обветренным лицом и в солнцезащитных очках, подделкой под Рэй-Бэн. Берд хлопнул Декса по спине, с тревогой указал на рану на голове, но не было времени на беседы. Декс указал на машину, и они побежали ко мне.

Я всем сердцем пыталась прогнать существо из меня, чтобы действовать самостоятельно перед Бердом, сказать ему, как я ценила его попытку снова мне помочь, но я не смогла. Мои попытки оттолкнули меня еще дальше. Теперь я видела через слой пелены, словно через толстое стекло, и все звуки доносились как из-под воды.

Декс открыл дверь, экзорцист и Берд посмотрели на меня, оценивая ситуацию. Я дула на кусок скотча, пыталась высвободиться и стонала как чудовище.

Мужчина, который, видимо, был Романом, покачал головой и начал бормотать на своем языке. А потом он закричал на Берда на этом языке, указывая на меня и хмурясь. Берд опустил ладони на Романа и ответил ему спокойно, все еще на другом языке.

Наконец, Декс спросил:

— Простите, но в чем проблема?

Берд посмотрел на меня, потом на Декса с улыбкой, не разжимая губ.

— Роман расстроен, потому что я не сказал ему, как все плохо.

— Я не знал, — сказал ему Декс и повернулся к Роману. — Я узнал только прошлой ночью. Ты ведь говоришь на английском?

— Да, говорю, — рявкнул Роман. Он указал на меня без тревоги. — Она ушла слишком далеко. Это не исправить.

Если бы сердце принадлежало мне, оно бы разбилось.

Не исправить.

Я умру.

Декс схватил Романа за свитер и придвинул к себе.

— Ты все исправишь, — прорычал он, темные глаза сверкали и дырявили Романа. — Она намного сильнее, чем выглядит. Она все еще там, и ты поможешь ей, иначе меня не остановит и бог.

— Твой бог тебе понадобится, если собираешься победить в этом бою, — сказал Роман. Он взглянул на Берда и кивнул. — Ладно. Посмотрим, что можно сделать. Только отпусти меня.

Декс напряженно смотрел на него пару секунд, от сухой крови на лице он выглядел смертоносно, а потом разжал руки и отпустил свитер. Он быстро взглянул на меня и отошел, встряхивая плечами, пытаясь успокоиться.

Пена шла из моего рта, текла из-под скотча. Роман склонился надо мной, начал бормотать на своем языке. Хотя он был не-персе, для меня издалека это звучало как навахо, было понятно, как он говорил с Бердом.

Берд кивнул и ответил. А потом Роман начал убирать скотч. Теплое лицо Берда появилось передо мной, он склонился ближе.

— Перри, — тихо сказал он. — Я вижу в этих глазах. Я знаю, что ты там. Знаю, что ты нас слышишь. Знаю, ты сейчас точно боишься, но нам нужно, чтобы ты нас послушала. Делай все, что мы скажем. Будет очень сложно. Но не невозможно. Ты должна верить. Взывать к вере. Верить в бога, если еще веришь. Или верить во вселенную. Верить в любовь. Верить в себя и в остальных. Вера даст тебе смелость и надежду. Используй это.

Роман сказал что-то еще, срывая скотч с моих ног.

— Что это было? — спросил Берд.

В этот раз Роман прошептал. Берд посмотрел на мое лицо с недоверием.

— Ясно, — тихо сказал Берд. Его челюсть была напряжена.

Ни Декс, ни Ада этого не слышали. Они стояли снаружи, руки Декса были скрещены, он нервно топал ногой, Ада испуганно лепетала. Они были слишком далеко, чтобы слышать. Но я знала, что что-то происходило, и об этом знали только Берд и Роман. Я бы хотела спросить, но могла лишь ужасно стонать.

Когда Роман закончил освобождать меня, я подумала, что существо нападет на него или будет извиваться, как раненый червь. Но я не двигалась. Власти не было, но я притихла. Может, существо ждало, пока они ослабят защиту. Может, существо знало, на что способен Роман. Я не знала.

Роман схватил меня за ноги, а Берд обвил руками мои плечи, и они вытащили меня из машины и отправились к дому. Было солнечно, но удивительно холодно, ветер доносился с холмов. Декс держал открытой ржавую дверь, пока они вносили меня внутрь.

Мне было видно мало, но дом был чистым и простым. Мебели было мало, она была аккуратной, но оставалось ощущение бедности. За дырявой дверью виднелась коричневая земля.

Они несли меня по узкому коридору с желтыми стенами, Берд ударялся широкими плечами. Я видела комнату в конце коридора, что выглядела как смесь кабинета и теплицы, полной растений и книг. Я попала в комнату, где была узкая кровать, стул и несколько местных картин на стене.

Они уложили меня на кровать, Берд покинул комнату, Роман вытащил из-под кровати три кожаных ремня.

Глаза Декса расширились.

— Что ты делаешь?

Роман не слушал его, он вытащил еще три ремня с другой стороны. Он склонился и начал пристегивать меня, один ремень пересек грудь, один — бедра, еще один — ноги.

— Это необходимо? — воскликнул Декс, двинувшись к нему.

Ада схватила его за руку и оттащила.

— Ты знаешь, что да, — тихо сказала она, взглядом прося его не лезть.

Декс посмотрел на ее ладонь, а потом сдался. Они смотрели с другого конца комнаты, Роман закончил. Он выудил перочинный нож из кармана и выдвинул лезвие. Он занес лезвие надо мной, и я услышала вскрик Ады.

Но он сунул лезвие под скотч и освободил меня ниже середины, разрывая, как упаковку сосиски.

— Все срывать не буду, — сказал он мне. — Я знаю, что это все еще ранит тебя.

— Надеюсь, ты говоришь с Перри, — сказал Декс.

Роман мрачно посмотрел на Декса.

— С ней. Я вижу, что она тоже там. Но вы должны понимать, что я мне придется ранить и Перри.

— Что? Нет! — возмутилась Ада. — Вы ее не раните. Вы раните то, что в ней.

Роман выпрямился и убрал нож в карман, словно это было привычно. Что за шаманом он был?

— Порой выбора нет, — спокойно сказал он.

— Это случилось с умершим мальчиком? — едко спросил Декс. Он тут же пожалел об этом. Взгляд Романа стал стальным.

— Я едва его тронул. Он бы все равно умер. Я убрал демона, это важно. Думаете, просто смотреть на такое? Ему было всего четыре. Мне пришлось переезжать, все говорили, что я сделал что-то не так. Но это не так. Ущерб уже был нанесен, когда он пришел ко мне. Было слишком поздно.

В комнате повисла тишина. Декс смотрел на пол, Ада ерзала.

Берд вернулся в комнату с тяжелым ящиком и поставил его перед Романом. Он строго посмотрел на Декса и Аду.

— Если Роман кажется холодным, значит, так надо. Целитель не может быть эмоционально связан с пациентом. Зло кормится страхом. Кормится эмоциями. Даже любовью.

Роман начал вытаскивать вещи из ящика. Я приподняла голову, чтобы посмотреть, и была потрясена тем, что могу это сделать. Я была у власти?

Я попыталась заговорить, но не вышло. Горло не работало. Двигалась только моя голова, просто существо, видимо, пыталось понять, что происходит.

Но Декс не смотрел на ящик, он взглянул на меня. Я выдержала его взгляд, не зная, видит он мои глаза или черные дыры. Его глаза были притягивающими, он мрачно хмурился. Он словно пытался мне что-то сказать, надеялся, что я услышу. Я не знала, что именно, но помогало осознание, что он здесь и смотрит на меня, пытается связаться.

Берд и Роман вытащили оригинальный барабан, что-то, похожее на подставки для благовоний, спички, маленькие деревянные мисочки и мешочки трав цвета земли. Роман посмотрел на Декса и Аду и сказал:

— Нам нужно подготовиться к церемонии. Вам придется покинуть комнату.

Декс отвел от меня взгляд с усилием и покачал головой.

— Я так не думаю.

Берд поднялся, выпрямив ноги, и опустил ладонь на плечо Декса.

— Знаю, ты переживаешь за нее. Но она никуда отсюда не денется. Нам нужно очистить комнату. А потом вы сможете войти.

Роман сказал Берду что-то на своем языке, и Берд резко кивнул. Он взглянул на Декса с просьбой.

— Прошу, нужно спешить.

Декс и Ада вздохнули и ушли, бросив на меня взгляды через плечо, прежде чем выйти за дверь. Берд закрыл дверь за ними. Это ощущалось так окончательно. Я знала, что он сказал им, что они смогут войти, но я понятия не имела, как будет на самом деле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ада и Декс ушли, Берд зажег шалфей и начал размахивать им в углах комнаты. Я вспомнила церемонию, которую мы делали с Руди, последним шаманом, которого я знала. Он пропал во время церемонии, скорее всего, его убили оборотни. Я не знала, понимает ли Роман, как я опасна. Не знала, готов ли он. Хотя было страшно думать, что он применит на мне физическую силу, я не сильно переживала за тело, и если ему придется ранить меня, чтобы освободить, то он может ранить меня, как хочет. Я буду только рада.

Роман зажег несколько свечей в комнате, а потом задвинул плотные шторы, чтобы в комнате было темно, светила только лампа в углу, отбрасывающая зловещие тени на стену. Берд продолжал размахивать шалфеем, а потом зажег другую сладко пахнущую траву и повторил действия, в этот раз напевая. Сначала сам, но Роман присоединился в странных местах, пока сжигал что-то в деревянном котелке.

Когда последняя трава превратилась в дымящийся пепел, а комната наполнилась голубым туманом, Роман указал на барабан. Берд сел, скрестив ноги, на пол и устроил барабан у себя на коленях, Роман прошел к двери, высунул голову и позвал.

Декс и Ада появились на пороге, кашляя и размахивая руками.

— Нет, — Роман крепко схватил руку Ады. — Не двигайтесь. Это для помощи нам. Дышите этим. Это очистит вас обоих.

Он закрыл за ними дверь и сказал им встать у изножья кровати, а потом обошел ее и оказался рядом со мной.

— Расскажите, как это началось, — сказал он.

Ада и Декс переглянулись. Ада сделала шаг вперед и начала описывать все произошедшее, не упомянув выкидыш и Эбби.

— И когда прибыл ты? — спросил Роман у Декса.

Декс кашлянул, выглядя робко.

— Кроха позвонила мне. Только я поверил в то, что с Перри.

— Каким было состояние разума Перри до случившегося?

Декс открыл рот, но слов не было. Он сжал губы и посмотрел с болью на Аду. Она вскинула брови и печально улыбнулась Роману.

— Состояние разума Перри? — повторила Ада. — Она была настоящей эмо.

Роман посмотрел на Берда, тот пожал плечами.

Ада ткнула пальцем в колючий подбородок Декса.

— Этот гад порвал с Перри в ноябре. Разбил ее бедное сердечко пополам. Я терплю его, потому что у нас нет других шансов.

Декс не возражал, но отвел взгляд на точку на полу. Роман обдумывал это с тревогой.

— Ясно, — медленно сказал Роман с тяжелым вздохом. Я не знала, усложнит ли это все для него. Надеюсь, что нет. Все уже было усложнено.

— Ага, — Ада не закончила, — переспал с ней, бросил в беде, использовал ее...

— Эй, погоди, — Декс отошел от пальца Ады. — Все было не так.

Если бы я могла управлять бровями, я бы их вскинула.

Она сверлила его тяжелым взглядом в тусклом свете.

— Ага, может, ты лучше объяснишь, что случилось. Почему Перри днями плакала в своей комнате, не говоря, что не так. Тебя там не было. Ты не помогал ей днями напролет,

надеясь, что в один прекрасный день она выйдет из комнаты и скажет, что ты — козел. Ты не видел, какой ты ее оставил. Ты не собирал ее по кусочкам.

Она посмотрела на Романа.

— А еще она забеременела от него, а потом случился выкидыш.

Слова тяжело повисли в воздухе.

Роман резко вдохнул.

Берд застыл.

А Декс... он выглядел так, словно его ударили лопатой. Он сглотнул и тут же посмотрел на меня. В его глазах были сожаление и печаль.

«Прости, я тебе не сказала», — подумала я. А разве у меня было время? Это уже прошло, это было не его дело. У нас были проблемы серьезнее, чем неудачный секс. У меня не было времени переживать о чувствах в его потрясенных глазах на окровавленном лице. Я видела, что он тяжело это воспринял. Хуже, чем я думала.

— Ты не знал, — Роман озвучил очевидное.

Декс опустил голову, уже не глядя мне в глаза. Ада смотрела на него, на ее лице проступала вина за то, что она так все обрушила на него. Она, как и я, не знала, как он отреагирует.

Она опустила ладонь на ее плечо.

— Эй, прости.

Он стряхнул ее руку.

— Мне нужно подышать воздухом.

— Нет, — сказал Роман. Для худого парня у него был властный голос. Наверное, это оттачивалось само, пока приказывал демонам уйти из людей. — Ты не можешь. Нам нужно все это обсудить. Это поможет мне понять, что случилось. Что в ней.

— Что в ней? — Декс вскинул голову. — Демон.

Роман покачал головой.

— Нет. Ты прав, но не полностью. Там три сущности, — он указал на меня. — Одна — Перри. Одна — демоническая. И еще другая. Слабая, уже без силы. Но это дух, еще и мстительный. Если я правильно понял, что-то преследовало Перри до этого. Что-то пошло не так, было проигнорировано. И дух заключил мощный пакт, сделку, если хотите, чтобы получить душу Перри. Но потерялся раньше, чем это случилось.

Он посмотрел на Аду.

— И этот выкидыш. Перри была уязвимее всего в то время. Бывает, в такие моменты что-то чужое цепляется к ребенку и растет. Даже если ребенок потом был потерян. Хотя это все, скорее всего, из-за этого духа.

При упоминании ребенка Декс выпустил воздух, отвернулся ото всех и уперся руками в стену.

— Это была Эбби, — тихо сказал он, почти себе. Роману пришлось подойти к нему, чтобы услышать.

Декс продолжил:

— Она являлась ко мне, когда Перри была со мной в Сиэтле. Она бывшая... она умерла. Давно. Но приходила тогда и сейчас. Она ведь умерла из-за меня. И вряд ли забудет это.

— Уже забыла, — сказал Роман. — Демон получил доступ к Перри через нее, играл с ее страхами через нее. Чтобы добраться до тебя. Дух уже ничего не может. Демоны не выполняют сделки.

Декс все еще не оборачивался. Он качал головой, от этого тряслись волосы.

— Вот, значит, как. Моя бывшая девушка. Не удовлетворена. И ей нужен единственный человек в мире... ради которого я готов на все. И нужно, конечно, напасть на нее. Я потерял ее один раз, я не могу потерять ее снова, — голос Декса дрожал от гнева.

— Жизнь для многих не справедлива и по множеству причин, — заговорил Берд с пола, чертя пальцами круги на барабане, его голос был сильным, как дерево. — Дело не в тебе, Декс, хотя знаю по опыту, что твои намерения хорошие. Дело в Перри. В том, что мы можем сделать, чтобы помочь ей. Мы не можем тратить время, перекладывая вину на других и злясь. Этого существо и хочет. Нам нужно помочь ей. И нужно спешить. А остальное можно решить потом.

Декс пару мгновений молчал и не двигался. А потом он поднял голову и развернулся. Он прошел сквозь дым, висящий клубами, и остановился рядом с Адой. Его глаза были большими и мокрыми, но с яростной решимостью, от которой во мне всколыхнулась надежда. Он протянул ей руку.

— Я прошу прощения за все, что сделал с твоей сестрой. С Перри. И, как получилось, и с тобой. Кроха.

Ада смотрела на его ладонь, словно у него были вши. Но не долго. Она пожала его руку и даже смогла улыбнуться.

— Хорошо, — сказал Роман, глядя на них. — Нам нужна единая сила против этого. Хоть мне помогает Берд, вы должны быть сильными и не бояться. Вы должны верить, что мы победим. Мы одолеем это существо и выгоним его. Но вы должны верить. Сомнения подвергнут опасности всех нас, особенно Перри.

Он кивнул Берду, тот начал ритмично стучать по барабану ладонями, Роман поднял деревянную мисочку с пола. Он подошел ко мне, глядя в меня под решительным углом. Он искал не меня. Он искал существо, зверя.

— Начнем священную церемонию, — он говорил со мной, со всеми. — Экзорцизм — это бой. Я буду вести его до самого конца.

Он поднял мисочку и начал кричать на своем языке. Простые предложения из двух слов разносились по комнате, как камни по пещере.

Существу во мне это не нравилось.

Я начала корчиться под ремнями, тяжело дыша, словно меня тошнило, но я пыталась перевести дыхание. Становилось жарко, от моего тела поднимался пар.

Роман повторял слова, и жар в теле стал невыносимым. Я чувствовала то же, что и зверь. Агонию, словно меня сжигали заживо.

Роман продолжал, твердо решив очистить меня. Он обмакнул большие пальцы в деревянную миску, они стали черными, а потом полез к моему лицу.

Я раскачивала головой, чтобы скрыться от него, но он смог провести по моей щеке пальцем. Жгло как кислотой. Я повернулась к нему, раскрыла рот и укусила за руку. С силой. Я ощутила кровь во рту, она текла по моему подбородку.

Кто-то в комнате вскрикнул, но не Роман. Он провел другим большим пальцем в пепле по моему лбу, ударяя по моей голове так, что обычный человек отключился бы. А потом спокойно вытащил раненую руку из моего рта.

Я улыбнулась, и улыбка явно была кровавой.

И первобытный злой голос, который раньше говорил в моей голове, ревел моим горлом.

— Думаешь, ей повезет? После того, что ты сделал с маленьким Джимом? —

порочность лилась из меня, как кровь на грудь.

Роман не обращал внимания, повторял фразу, и голос становился все сильнее, а я ощущала волны шока, боли и жара. Я закричала, я билась головой о матрас.

Барабан Берда стал громче, быстрее, и я ощущала, как напряжение в комнате усилилось. Температура становилась все выше, пока я потела, и кровать от этого становилась мокрой. Ремни стали скользкими, и я использовала это. Я корчилась, стонала и пыталась сбежать.

— Декс, Ада! — закричал Роман. — Держите ее ноги.

Мои глаза закатились, и я не видела, но чувствовала. На миг.

Они заскулили и отдернули руки.

— Она обжигает! — закричал Декс. — Вы убиваете ее!

— Делайте! — завопил Роман, и я ощутила их руки, длинные пальцы Декса и тонкие пальцы Ады. Они вели себя неловко, но впились крепче, когда я продолжила бороться.

— Единая сила, Декс, — процедил Роман, он вернулся к моим рукам с пеплом. — Не выпускайте чувства. Мы должны сделать это. Ты тоже, Ада.

Я слышала, как кто-то всхлипнул, словно от слез, но я не знала, кто. Не важно. Чем больше меток наносил Роман, тем ближе я была к смерти по ощущениям. Боль была убийственной, меня словно тыкали раскаленной кочергой.

— Ты его убил. А потом мать убила себя. Ты разрушил город, — говорил зверь через меня, задыхаясь. — Ты уничтожить ее. Я уничтожу ее. Ты без сил, ты глупый и слабый.

Я ужасно расхохоталась, начала биться снова, странные, незнакомые звуки вылетали из меня. Звучало так, словно вся комната была одним существом, и я толкалась в стены, комната содрогалась от угроз.

— Делай с ней, что хочешь, — выдавил Роман, — но я сильнее и выиграю. Я вытащу тебя и отправлю туда, откуда ты пришел.

Не было времени думать, не было на это сил. Они были без смысла. Я зависела от своего врага и силы экзорциста.

Барабаны стали громче. Комната меркла, свечи гасли, а лампа в углу мерцала. Вдруг огонь поднялся с пола вокруг кровати. Декс и Ада закричали и отпустили меня, отпрянув от огня. Роман отодвинулся, а Берд перестал стучать.

— Продолжай! — закричал Роман Берду поверх рева пламени.

Берд продолжил уверенно стучать по барабану.

Огонь стал выше, пока не оградил меня ото всех. Декс прижимал Аду к себе, их лица озарял огонь, они смотрели на меня в ужасе.

Я резко села, разрывая ремни на руках. Я улыбнулась Роману и сказала голосом мальчика:

— Почему ты был таким грубым? Ты ранил меня. Сломал мои кости.

— Нет! — закричал Роман и провозил резко звучащие слова на своем языке.

Я отбросила волосы назад.

— Да, — пропел мой голос, звучащий как у мальчика. — Ты сломал меня на миллион кусочков. Сказал, что тебе нужно ранить меня, чтобы освободить.

Роман повторял мантру, но не мог добраться до меня сквозь огонь. Он смотрел на меня пристально, не сводил взгляда с лица.

— И ты, — я повернула голову в сторону Декса. Голос из детского стал женским с легким французским акцентом. — Не забывай, что ты сделал, Деклан.

Рука Декса отпустила Аду. Его лицо отражало страх.

Я с горечью рассмеялась, склонила голову, глядя на него с презрением.

— Твой маленький секрет. Ты не хочешь, чтобы хоть кто-то знал, что случилось с твоей старой матушкой. Теперь я здесь. Здесь с твоей мерзавкой. И я сделаю с ней то, что ты сделал со мной.

Другие ремни порвались, и меня отбросила воображаемая сила, голова ударилась о стену.

Декс закричал и попытался побежать в огонь. Пламя было настоящим, его рукава загорелись. Ада оттащила его и толкнула на пол, пытаясь потушить огонь. Моя голова билась затылком о стену, пока не стала мягкой, пока не потекла кровь. Зверь собирался уйти со мной. Я была бесполезным сосудом для его разрушения.

— Декс! — закричал Роман. — Тебя проверяют, не слушай. Ему нужен твой страх!

Роман приближался ко мне, лепеча слова, а я начала подниматься, ноги оторвались от кровати. Моя спина прижалась к стене, я ползла, как змея, пока макушка не задела потолок, ноги висели, и я смотрела на комнату, на огонь, что горел вокруг кровати, на Романа, все еще глядящего на меня, на Декса, вставшего на ноги и срывающего обгоревший плащ, Ада помогала ему и потрясенно смотрела на меня, Берд стойко продолжал стучать, хотя в глазах блестел страх.

Я не знала, как могу висеть. У меня не было власти, не было сил, но я была в сознании. Это вряд ли продлится долго, но это было к лучшему. Я не могла больше терпеть физическую боль в теле или эмоциональную, которую причиняла другим.

Я начала двигаться. Я медленно отлетела от стены, оказалась в центре комнаты, склонилась, и теперь спина задевала стену, волосы свисали вокруг лица. Существо во мне все смеялось.

— Я сделаю с ней то, что ты сделал со мной, — в этот раз звучал голос Эбби.

Декс посмотрел на Романа в панике и заскрежетал:

— Забирай меня! Пусть заберет меня. Ему нужна душа, пусть это будет моя!

Роман не смотрел на дикие глаза Декса, он покачал головой.

— Я выиграю.

— Нет, — сказала я жутким голосом. — Ты не сможешь победить. Я убью ее раньше, чем ты успеешь. А потом заберу его.

Я посмотрела на Декса и сладко улыбнулась.

А потом сорвалась.

Я летела с потолка к полу, головой вниз.

Я увидела мерцание в ковре, оно поднялось к моему лицу.

А потом услышала шум своего падения, крики, что издавала только я. Но я не ощущала боли. Я падала в черную мерцающую бездну, знакомый мир остался позади.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я думала, что буду падать во тьме вечно, буду кричать вечно.

Но вышло не так.

Падение резко остановилось, я ощутила, как мое тело не падает вниз, а скользит в сторону. А потом я ощутила землю под ногами, пыль в легких, и черный занавес вокруг меня поднялся, показывая смутный мир.

Мой мир.

Или нет.

Я стояла в пятидесяти ярдах за одноэтажным домиком Романа. Шторы в комнате с экзорцизмом закрывали окно, но вспышки раскаленного белого света порой мелькали там. Я могла лишь представлять, что там происходит, там ли я еще, издевается ли надо мной враг. Я была рада оказаться в другом месте, даже если я оказалась снаружи, где все было черным, белым и с миллионом оттенков серого.

Так где я была?

— Ты в Тонкой вуали, Черном солнечном свете, — сказал голос за мной.

Я развернулась и увидела Пиппу и серый пейзаж за ней.

— Ты стоишь за этим? — спросила я. Слова звучали странно тускло и плоско.

Она подошла на пару шагов, ее платье шуршало вокруг нее. Оно было красным или другого яркого цвета, но здесь, в Черном солнечном свете, оно было темно-серым. Даже ее лицо было в такой цветовой гамме.

Она улыбнулась мне, и я впервые не посчитала это жутким. Было в этом что-то материнское, заботливое. Может, я впервые ее нормально видела. Может, потому что я была в ее стихии.

— Я не приводила тебя сюда, Перри, — нежно сказала она. Было странно слышать ее так, а не в моей голове. — Но я знала, что ты придешь. Я надеялась, что это будет твой выбор, а не чужой.

— Вы о дьяволе?

Она едва заметно покачала головой. Ее локоны подпрыгнули от движения.

— Это не дьявол, а лишь один из его приспешников. Если бы дьявол вцепился в смертную... нет, это демон, а все демоны отчитываются высшей сущности.

Я огляделась, и мир все еще напоминал мой.

— Что это за место?

— Здесь осталась я. Это мир перехода. Все мертвые проходят через него, чтобы попасть в другой мир. Мертвые и... другие существа.

— Так вы мертвы?

Она печально улыбнулась.

— Да. Прогуляемся.

Она протянула руку, и я схватила ее. Она крепко обхватила мою ладонь и сказала:

— Тебя здесь слишком много, Перри. Я не должна была суметь обхватить твою руку.

Я посмотрела туда с удивлением, она повела меня к ферме, к окну с яркими вспышками света.

— Что произойдет?

Она указала мне на окно, где внутри развевалась штора.

— Ты видишь их? Видишь себя?

Я посмотрела туда. Было сложно различить силуэты среди вспышек света, обжигавших глаза, но я видела Берда, играющего на барабанах на полу. Силуэт Декса на коленях. Я видела, что Ада стоит у стены, а Роман кричит, раскинув руки, как проповедник. Я увидела себя, парящую над кроватью. Я была источником белого света. Он исходил из моих глаз и рта, как у ангела.

Я слотнула, удивляясь, что все еще ощущаю тревогу и боль. Было страшно видеть себя такой, я могла лишь представить, что чувствуют Декс и Ада.

— Я их вижу, — тихо сказала я.

— Я тоже. Я всегда могла видеть тебя. Многие люди, когда умирают, приходят сюда по пути к раю или аду, как вы их называете. Это не чистилище. Это просто место перехода. Здесь отпускают жизнь. Многие, кого вы считаете призраками, остаются здесь, потому что стены тонкие. Ты видишь здесь тот же мир. Это другой слой. Но этот слой тонкий, порой становится тоньше. И в нем очень много секретов.

Она оттащила меня от окна, мы пошли прочь от фермы. Вдали, на вершине холма, корчились два больших древесных жука, как в видении в больнице. Я была в ужасе.

— Почему вы остались здесь? — спросила я, боясь отводить от них взгляд. Она заметила, но промолчала. Вместо этого она остановилась и крепче сжала мою ладонь.

— Я остаюсь, потому что могу. У меня есть свобода приходить в твой мир и обратно. Порой демоны мне позволяют, если я быстро. Здесь тоньше. Если я пойду дальше, я не смогу остаться. Не смогу возвращаться.

— Но почему? Просто двигайтесь. Это место — ад.

— Не совсем. Я остаюсь здесь, потому что приглядываю за тобой. Мне это нужно.

Я была испугана.

— За мной?

— Думаю, ты уже понимаешь, Перри. Мы похожи. Всю жизнь мне не давали покоя мертвые, и они все еще не отпустили меня. Я не хочу для тебя такой судьбы. Потому что к этому все идет. Я бы хотела, чтобы это было иначе, но... некоторые люди не меняются.

Пора было спрашивать, хотя все кусочки встали на места, просто я слишком боялась смотреть на всю картину.

— И Декс. Откуда вы знаете его?

— Я была няней Деклана, когда он был маленьким. Какое-то время. Я присматривала за ним, потому что его мать не могла, а отец был слишком занят. Я была матерью для него и его брата.

Я вскинула брови. У Декса был брат? Но я не перебивала ее.

— У Деклана был такой же... недуг... как у меня. Как у тебя. Я видела, что в нем что-то особенное, как и в тебе. Я была печальна, когда пришлось оставить его. Я боялась за него. Но мне не позволили быть дальше его няней. Моя семья не позволила бы мне, как и О'Ши. Они и доктора называли меня безумной. Когда много говоришь о призраках, которых видишь, некоторые решают, что можно только убрать тебя.

Я не хотела задавать вопрос, потому что подозревала, что знала ответ. Если это было так, это изменило бы всю мою жизнь, все, что я знала. И людей, которых любила.

Я посмотрела в серые глаза Пиппы и спросила:

— Кто вас убрал?

Она не мешкала.

— Твоя мать. И твой отец.

Земля словно задрожала подо мной, словно я сходила с ума и теряла равновесие при этом. Кровь стала холодной, еще холоднее, чем раньше. Я была потрясена. Ощущала себя глупо.

— Вы — моя бабушка, — смогла прошептать я. Осознание потрясало, было стыдно, что я так долго это понимала. Все это время...

— Знаю, ты мало обо мне слышала, — сказала она почти смущенно. Она отпустила мою руку и ударила туфлей по камню. Этот поступок был человеческим. Она была человеком. От этого сердце болело.

— Родители сказали, что ты умерла, когда я была очень маленькой, — сказала я, пытаюсь вспомнить, что знала о бабушке. — Я плохо помню дедушку. Мы, он, никогда не говорили о тебе. Вряд ли...

— Я наблюдала, — с горечью сказала она. — Нет, они никогда не говорили обо мне. Они выбрали не помнить те последние годы.

Это было слишком. Я забыла о вуали, другом измерении. Это осаждало меня.

Я села на землю, пыль поднялась в воздух и осталась в нем. В этом мире не было воздуха, вкуса и запаха. Я не могла представить, что она оставалась здесь ради меня, потому что так проще было приглядывать за мной. Я была в такой опасности?

Я смотрела на бесцветную землю, пока Пиппа медленно ходила вокруг меня, платье тянулось за ней.

— Ты сказала, что они следят за тобой и за мной, — медленно сказала я. — Что ты имела в виду?

— Я говорила о твоей матери. И демонах.

Я фыркнула. Не сдержалась. Я посмотрела на нее.

— За мной следят с двух сторон? Мама в моем мире и демоны в другом?

Она не улыбалась.

— Знаю, это не честно. Боюсь, твоя мама может сделать с тобой то, что сделала со мной. Можно представить, как сложно ей видеть, что ее дочь переживает то же, что ее больная мать.

— Хочешь, чтобы я ее пожалела? После того, что она с тобой сделала? — в гневе выпалила я.

— Нет. Я только говорю, что происходит. Насколько я знаю. Сужу из увиденного. А демонам не нравится, что ты можешь их видеть. Им не нравлюсь я. Это должно быть односторонним зеркалом. Но мы с тобой не такие, как они. И не такие, как все живые.

— Кроме Декса.

Она кивнула.

— Да. Но он долго пытался это скрыть. Это как мышцы. Твои были активными дольше. Ты сильнее. Так сильна, что демоны пытаются забрать это у тебя.

Я посмотрела на свои ладони, они впивались в землю.

— Уже забрали. Да? Потому я сейчас здесь? Я не проходила через дверь. Меня вытолкнули.

Я медленно поднялась на ноги. Она схватила меня за плечо, не дав упасть. Я посмотрела на ее лицо, задумалась, не застряла ли тут с ней навеки. Она была моей бабушкой, которую я не знала. Бабушкой, которую заперли, которая начала одеваться как Бетт Дэвис из «Что случилось с Бэби Джейн?».

— Ты не безнадежна, — сказала она. Возможно, она слышала мои мысли, и мне стало стыдно. — Роман силен. Он хочет доказать это. Он будет бороться с демоном, пока не умрет от истощения.

Я прикусила губу и оглянулась на дом. Он вдруг оказался далекой точкой на горизонте.

— А потом? Кроме того, что я застряну тут навеки?

— Не застрянешь, — сказала она.

— Почему ты так уверена? — паника заполнила мои вены. Я не хотела умирать. Не хотела, чтобы враг в моем теле победил. Словно ткань сняли с моих глаз, и я начала понимать ситуацию лучше. — Почему ты не расстроена? Ты всю жизнь мешала мне попасть сюда!

Она с добротой прищурила глаза.

— Я старалась изо всех сил. Но я ограничена. Я могу сказать и сделать не так и много. Я долго пыталась показаться тебе. Эти шаги тебе нужно сделать самой.

Я взмахнула руками, вдали полз еще один огромный жук.

— Но я здесь! В этом месте! Я здесь умру.

— Многие здесь уже мертвы. Ты — нет. Не в этот раз, если Декс тебе поможет.

— Поможет? — я была потрясена. — Как он может помочь мне?

Она шагнула ко мне и убрала волосы с моего лица. Ее пальцы казались далекими, словно я онемела.

— Твоя связь с ним сильна. Ваши сердца — магниты. Если послушаешь, ты услышишь его. Ощутишь его. Только он сейчас может тебе помочь.

— Не думаю, что Декс знает, что делать.

Она посмотрела на дом. На ее губах появилась тень улыбки.

— Он знает больше, чем ты думаешь. Послушай. Сосредоточься.

Я слышала только ее голос, но закрыла глаза и все равно прислушалась. Я ощутила, как мир уходит от меня, ощутила странную невесомость, тьма кружилась за моими глазами. А потом я услышала голоса. Сначала много, а потом только Декса, звучащий в моей голове.

— Дайте мне помочь, — молил Декс, его голос обрывался. — Вы дотянетесь до нее через меня. Используйте меня.

А потом голос Берда:

— Нельзя так рисковать. Путь так не работает. Если ты найдешь ее и освободишь, заберет тебя.

— Это того стоит, — сказал Декс, его голос вдруг прозвучал сильно.

— Ты еще много раз сможешь пасть за нее. Выбирай с умом, Декс. Жизнь можно отдать лишь раз.

— Пусть сделает это, — раздался из тьмы голос Романа. Он звучал истощенно. — Если так он хочет, я использую его, чтобы найти ее. Я могу вернуть ее. Я сохраню их обоих.

— Не сможешь, — сказал Берд.

— Декс прав, — сказал Роман. — Другого выхода нет.

Я открыла глаза, Пиппа появилась перед глазами.

— Что он собирается сделать?

— Не думай обо мне, — быстро сказала она. — Не разрывай связь. Ты его потеряешь.

Я закрыла глаза. Голоса пропали. Только тьма осталась за глазами. Я ждала, сосредоточившись. Я представляла Декса, его глубокие глаза, его ухмылку, его решимость, что время от времени удивляла меня. Он был сильным и слабым одновременно. Другом, а

потом возлюбленным. Мог бы стать отцом. Теперь — ничем. Но он все равно пытался меня спасти.

И я слышала глубоко в своей голове.

— Перри, — звал он.

Я сосредоточилась на своем имени, пролетевшим мимо меня во тьме. Я старалась слышать больше, увидеть больше, чем я могла.

Он появился передо мной, вышел из темноты, как проявляющаяся пленка. Он был немного прозрачным, словно призраком.

— Декс, — произнесла я, не зная, видит ли он меня.

Он видел. Он улыбнулся, увидев меня. Улыбка сияла, как новогодние огни, была полна облегчения, гордости и красоты.

Он потянулся к моей руке во тьме, но она прошла насквозь, ей не хватало плотности.

Он подошел ближе, на лице смешивались страх и смятение, в мире из тьмы нас было только двое.

— Не понимаю, — сказал он, качая головой. — Почему я не могу тебя коснуться?

Он попытался снова, хотел схватить меня за плечо, но не смог. Он был как из воздуха.

— Не знаю, — сказала я, ужас поднимался во мне. — Что с тобой? Откуда ты здесь?

— Роман держит нас. Я думал о тебе, пока... не увидел тебя. Здесь. Не знаю, где это, — он оглядел пустоту. — Не думаю, что этого хватит.

Он помрачнел, волосы упали на лоб. Его ладонь замерла у моей щеки, хотя я знала, что его пальцы проникают в мою кожу, я не ощущала его физически.

Он шагнул ко мне, пока его бледное, полупрозрачное лицо не оказалось в дюймах от моего. Я вдохнула, удивившись, что еще могу дышать. Даже в другом измерении у меня от него перехватывало дыхание.

Это было нечестно. Ему нужно было стараться сильнее. И мне тоже. Я сосредоточилась на нем, на тени щетины на его челюсти, на приоткрытых губах, на глазах, что безумно смотрели в мои, стараясь заглянуть как можно глубже. Я хотела, чтобы он был плотным, настоящим. Он, наверное, делал со мной то же самое.

— Похоже, это идет, — прошептал он.

Я прислушалась и уловила в бездне рычание

Он закрыл глаза.

— Мне нужно забрать тебя с собой. Я не могу тебя здесь оставить.

— Знаю, — сказала я, в сердце росло отчаяние. — Сосредоточься.

— Уже, — напряжение в его голосе было ощутимым.

Рычание становилось громче, я ощущала, что другая сущность приближается, с ней — боль и страдания. Красные глаза где-то сияли. Я отвела взгляд, посмотрела на Декса. Времени оставалось мало.

— Тебе нужно уходить, — сказала я ему. — Возвращайся.

— Не без тебя.

— Мы не можем остаться здесь вдвоем, — взмолилась я. — Уходи.

— Роман слабеет, — сказал он.

— Так уходи!

Красные глаза уже были близко. Мое тело содрогалось от волн злости и уродливости. Они нас утопят.

Декс попытался прижать другую ладонь к моей щеке. Он словно хотел обхватить

руками воздух.

— Ты меня простишь?

Я опешила.

— Что?

— За все, что я с тобой сделал. Ты простишь меня?

Я знала, что невозможно забыть произошедшее. Но я была готова простить его. Я не хотела, чтобы этот груз давил на нас до конца наших коротких жизней.

— Конечно, — прошептала я.

Он печально и нежно улыбнулся.

Порыв ненависти окружил нас. Красные глаза появились за плечом Декса.

Декс склонился и попытался поцеловать меня. Несмотря ни на что, я хотела бы ощутить это. Ощутить напоследок.

Чудище прибыло.

«Наши сердца — магниты», — подумала я.

И ощутила его.

Его теплые руки на моем лице. Нежные губы поверх моих. Поток электричества перетекал из него в меня и обратно, обжигая мою кожу, ускоряя биение сердца.

Тяжесть опустилась на нас, давила с ужасной жестокостью.

Но Декс держался крепко. Я обхватила руками его пояс, нас тянула вместе незримая сила, выдирала нас из тьмы.

Я услышала в темноте прощание Пиппы.

А потом раздался ужасный скрежет, словно нас бросал сильный вихрь, за этим последовал ослепительный белый свет, властный голос Романа.

Я ощутила, как руки Декса отпустили меня, мои руки упали по бокам. С толчком и воплем я вернулась в реальность.

Меня словно бросили в кирпичную стену. Я открыла глаза и оказалась в почти темной комнате. Выгоревшее кольцо окружало кровать, разломанную пополам.

Я была на коленях, как и Декс рядом со мной. Роман стоял между нами, одна ладонь лежала на моей голове, другая — на голове Декса.

— Твоя душа — твоя, — сказал Роман, голос стал тише от усталости.

Я упала на пол и дала нежной тьме унести меня прочь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я медленно открыла глаза в мягком освещении, ощущая, как ужасно болит голова. Я смотрела на тусклый желтый потолок, стараясь не тревожить голову. Пахло травами.

Был цвет. Был запах. Я была жива. И вернулась на место.

Я услышала тихое сопение рядом, медленно повернула голову, вжав ее в подушку. Моя ладонь лежала на узкой кровати рядом со мной, другую держало что-то внизу.

Я приподняла голову и плечи, чтобы увидеть, что меня держит, закрывав от боли висках и во лбу.

На горе подушек на полу лежал Декс. Он был на боку, спал, держа меня за руку.

Я выдавила улыбку и опустила голову на подушку, было сложно долго удерживать ее на весу. Я невольно застонала от неудобства и боли. Декс пошевелился рядом со мной, сжал мою руку. Он сел и посмотрел на меня, его волосы растрепанно торчали.

— Малыш? — тихо спросил он.

— Привет, — прохрипела я.

Он кашлянул и сел прямее, обхватил мою ладонь руками.

— Твои глаза нормальные, — он пристально разглядывал меня. — Как ты?

— Честно? Хуже еще не было.

— Роман сказал, что ты будешь чувствовать себя так, словно переехал поезд.

— Как-то так и есть.

— Он сказал, что это пройдет через пару дней. Я говорил, что тебе нужно в больницу, но он сказал, что раны быстро пройдут. Что они не привязаны к этому миру.

— О, это радует, — сказала я. Я повернула голову в другую сторону и осмотрелась. Мы были в комнате, что напоминала теплицу, превратившуюся в кабинет. Растения были всюду, среди них виднелся низкий стол и стеллаж с книгами.

— Где все? — спросила я, слыша только тишину в доме.

— Ада и Роман отправились в город за едой. Берд, похоже, пошел прогуляться снаружи.

— Они в порядке? — я вспомнила, как увидела сломанную кровать, выжженное кольцо от огня, страх в глазах Ады, когда она смотрела на меня, парящую над кроватью среди молний.

— Берд в порядке. Роман выглядит ужасно, но жив. Думаю, Ада немного шокирована, но она будет в порядке. Она — амазонка, как ты. Это семейное.

При упоминании семьи я нахмурилась. Я вспоминала слова и картинки Пиппы в Тонкой вуали.

— Что такое? — спросил он и склонился ближе. Он нежно погладил мой подбородок большим пальцем.

— Я попала в место... — начала я, не зная, как закончить. — В место под названием Тонкая вуаль. Черный солнечный свет. Пиппа была там. Я говорила с ней...

Он кивнул, глядя мне в глаза.

— Ты знаешь, что она — твоя бабушка.

— Да, — выдохнула я. — Ты знал...

— Догадался, — сказал он. — Но я не хотел быть тем, кто тебе это скажет.

— Мама... мама сказала, что она сумасшедшая, и заперла ее. Они с моим папой практически убили ее.

Он убрал волосы с моего лба. Мою кожу покалывало от его прикосновения, бабочки вспыхнули в сердце.

— Мне очень-очень жаль, Перри. Я сделаю все, чтобы этого не произошло с тобой.

— Уже сделал, — призналась я. — Без тебя я бы не вернулась.

— Роман почти забрал тебя. Он был близко. Но, думаю, он слишком боялся совершать те же ошибки, что с мальчиком. Который умер. Он не мог освободить тебя сам. Я должен был что-то сделать.

Я сглотнула, потрясенная его жертвой. Я ощущала себя такой маленькой.

— Похоже, теперь мне придется спасти тебе жизнь, — сказала я. — Чтобы мы были квиты.

— Перри, — тихо сказал он, его пальцы скользили по моей щеке, — тебе не нужно спасать мою жизнь. Ты дала мне жизнь. Я не жил нормально до дня, когда встретил тебя.

А потом он тепло улыбнулся. От всего сердца.

— Простите, что мешаю, — прервал момент голос Берда. — Я услышал голоса и хотел проверить, в порядке ли она.

Декс не двигался, но посмотрел на Берда на пороге и ухмыльнулся.

— Как же ты не вовремя.

Честно говоря, я была благодарна Берду. Я не была готова слушать такое от Декса. Я все еще злилась на него за то, что он сделал, сердце сжималось от воспоминаний. Я могла простить Декса, но это не значило, что я могла забыть.

— Все хорошо, Берд — сказала я, подвинув голову, чтобы видеть его и его лицо дедушки. — Он просто рассказывал, что произошло.

Декс убрал руку от моего лица и сел на подушки. Но все еще держал меня за руку.

— Ты уже выглядишь лучше, — сказал Берд, оглядывая меня и одобрительно кивая.

— Черные глаза и молнии изо рта еще никого не украшали.

Он рассмеялся.

— И юмор вернулся. Мисс Перри, теперь я могу говорить с тобой, и я рад тебя видеть. Как ты?

— Кошмарно, — сказала я, но улыбнулась. Я была рада его видеть в нормальных обстоятельствах.

— Твое тело быстро восстановится, — сказал он. — Завтра сможешь отправиться домой.

Домой? Я об этом не думала. Куда мне вернуться?

— Не переживай, — сказал Берд, уловив мое напряжение. — Ада звонила твоим родителям. Они знают, что ты в безопасности.

Мне было все равно. Я посмотрела на Декса. Он смотрел в ответ с решимостью. Я почти слышала его мысли, что он не позволит ничему произойти со мной. И вдруг я испугалась. Декс только что вытащил меня из другого измерения, но у него не было силы против моих родителей.

* * *

Мы покинули дом рано следующим утром, когда солнце поднялось над коричневыми

холмами, покрытыми травой. Роман был уставшим и мрачным, когда провожал нас. Он все еще был холодным и отдаленным, но я уловила облегчение, словно помощь мне позволила ему простить себя за мальчика.

Я все еще ощущала себя потрепанной, в синяках, но ран не было, а после такого нужного горячего душа я ощущала себя как новенькая. Было приятно вернуться в машину Декса, сидеть сзади с Адой без веревок и скотча.

Мы высадили Берда у автобусной остановки в Лапвай. Я настаивала, что нужно довезти его до аэропорта в Бойсе. За то, что он для меня сделал, я бы отвезла его в Рэд Фокс. Но он сказал, что нам нужно домой, пока не стало хуже, и мне пришлось согласиться.

Было сложно прощаться с ним. Как и Декс, Берд был из тех, кто верил мне, придавал мне уверенности. Он заботился, не был эгоистом. Я хотела, чтобы он поехал с нами, объяснил моим родителям, что случилось и почему. Но это был бой для Ады, Декса и меня.

Мысль пугала, не давала мне покоя, пока мы ехали к холодным горам, к Портленду. Я сидела и смотрела, как за окном проносятся деревья, желая не чувствовать себя такой же испуганной, как когда мы ехали в другую сторону. Пиппа была права. Я должна была остерегаться не только мертвых, но и живых. Мои родные оказались не меньшей угрозой.

Я видела, что Декс думает о том же, мы молчали, тихо играла музыка. Только Ада была в хорошем настроении и болтала с нами обо всем. Она поняла, что мы не слушаем, потому что постучала по плечу Декса.

— Эй, Декс.

Он заворчал и оглянулся на нее краем глаза.

— Ты все еще со своей противной девушкой? — ах, вот оно. Слон в машине.

Я чуть не охнула от ее прямоты, но сдержалась. Я не хотела резко двигаться, чтобы Декс понял, что мне важно, с Джен он или нет. Мне не было важно. Так я себе говорила.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Очевидно, что нет.

Она стукнула его по руке.

— Не смотри на меня так, словно я задала глупый вопрос. Потому что это не глупый вопрос, и ты это прекрасно знаешь.

Он посмотрел на дорогу и перехватил руль.

— Ладно.

— Так ты порвал с ней?

— Да, — резко сказал он.

— Мужиком стал, — похвалила его Ада и села ровно.

Я взглянула на него. Он жевал губу, хмурясь. Вопрос был неудобен для него, и я была рада. Только из-за этого. Вовсе не из-за того, что он порвал с этой гадиной.

— Кто забрал Жирного кролика? — спросила я.

Он улыбнулся, лицо посветлело.

— Я. Ребекка сейчас за ним смотрит.

— Бедняжка, — сказала я. Я не знала, увижу ли ее снова, не знала, что для меня готовит будущее. Но сначала мне нужно было попасть домой и все уладить. Не важно, что случилось с бабушкой, не важны мои чувства, я не могла допустить, чтобы это произошло со мной. Мне нужно было выглядеть вменяемой, нормальной, хоть немного. Я не могла позволить родителям так поступить со мной.

Я развернулась на месте и посмотрела на Аду.

— Что? — спросила она.

— Ада, — сказала я, — когда мы будем дома, мне нужно, чтобы ты пообещала, что сделаешь все, чтобы я выглядела нормально.

Она рассмеялась.

— Ну это не...

— Ада! — резко заявила я. — Я серьезно. Мама и папа сразу отвезут меня в больницу. Нужно скрыть весь этот бред.

— Бред? Но это произошло, — возразила она. — Перри, я видела разное. И ты...

— Знаю. Мы с тобой и Декс знаем это. Ты расскажешь им, что Декс отвез меня к шаману. Что он травами провел исцеление. У меня была температура, оказалось, что я бредила. Но теперь все в порядке, и я ничего не помню.

Она взглянула на меня.

— Нам нужно врать? Мама с папой нам не враги. Ты в порядке.

— Да, нужно врать, — и они мои враги.

— Справишься, кроха? — спросил Декс.

Она скрестила руки.

— Ну, я неплохо вру. Не думаю, что это все будет концом света. Они будут злиться, да, но будут рады, что ты в порядке. Когда я говорила с ними, они были сильно встревожены.

Мы с Дексом многозначительно переглянулись, остаток пути мы молчали. Тишина была всюду, но только сердце билось все быстрее с каждой улицей, которую мы миновали.

Мы свернули на нашу улицу, сумерки окутали небо, отбрасывая мглу на все, и мне уже было плохо от нервов. Мы подъехали к дому и увидели еще три машины, две были полицейскими. Я охнула. Декс протянул руку, и я крепко ее сжала.

— Ого, — тихо сказала Ада, разглядывая сцену. — Похоже, мама с папой перегнули палку.

Джип плавно остановился, асфальт хрустел под шинами.

Ада выскочила из машины и медленно пошла к дому.

Декс крепче сжал мою ладонь и склонился ко мне.

— Я с тобой. Все будет хорошо. Я не позволю никому тебя забрать.

Я надеялась, что мы с Дексом зря беспокоились.

Мы выбрались из машины. Он взял меня за руку и сжимал крепко, как до этого. Ада была почти у двери, когда она распахнулась, и отец вышел, ревя, как разъяренный носорог.

— ТЫ! — завопил он, помчавшись к нам, даже не взглянув на Аду. Он был удивительно быстрым, его ярость была направлена на Декса, а не на меня.

Он оказался перед Дексом и ударил его по лицу.

Я закричала, когда удар папы заставил Декса отпрянуть на пару шагов. Он не отбивался, но защищал руками нос, пока отец бил его.

— Это за моих дочерей! — прокричал он, обрушив его один удар, но Декс смог уклониться.

Было что-то трогательное в том, что папа делал это за нас с Адой, но это чувство длилось недолго. Из дома выбежали три копа, а за ними мама и Максимус. Мать схватила Аду, рыдая, и обняла ее, а Максимус позвал меня и пошел в мою сторону.

Я отпрянула к Дексу, но три копа бросились к нему, один оттащил моего отца, двое других схватили руки Декса, завели за спину и прижали к машине. Они выудили наручники и начали зачитывать ему права.

— Что за фигня?! Не-е-ет! — закричала я и побежала, но вдруг меня обхватили руки, Максимус поймал меня сзади. — Пусти меня, придурок!

— Перри, успокойся, — сказал он, но не отпустил.

Я закричала на отца:

— Что они делают? Они не могут его арестовать!

— Он разыскивается за похищение, — сказал офицер, держащий моего отца, и отпустил его. Папа поправил галстук и смотрел на Декса, его лицо было красным и потным.

— Мы искали вас по всему штату, — сказал другой офицер, прижимавший голову Декса к машине. Я узнала в нем копа, похожего на Ченнига Татума. — Два похищения и пересечение границы штата.

— Эй, я сама с ним пошла! — закричала Ада, вырвавшись из объятий мамы.

— Ты несовершеннолетняя, — ответил офицер.

Я боролась в хватке Максимуса.

— Но не я! Я тоже пошла с Дексом по своей воле!

— Но ты не в себе, — услышала я голос справа. Я посмотрела на дом, мимо Ады, идущей к копам, мимо матери, не успевшей поймать ее, и увидела доктора Фридмана, спокойно спускающегося по ступенькам крыльца. — Ты не в себе, Перри, ты не можешь решать за себя.

— Нет, — выдохнула я и попыталась вырваться. Я хотела бежать к Дексу, забрать его у копов и сбежать. Я видела по его лицу, пока копы прижимали его голову к машине и обыскивали, что он ощущает то же самое. Паника пылала в его глазах.

— Не борись, Перри, слушай меня, — прошептал Максимус мне на ухо. — Я не позволю им никуда тебя забрать, но ты должна вести себя хорошо. Успокойся.

Мне было плевать на слова Максимуса. Я собиралась слушать только одного человека, а его арестовывали.

Доктор Фридман встал передо мной и безмятежно улыбнулся.

— Перри, глубоко вдохни и посмотри, где ты. Ты с нами. Со своей семьей. Мы тебе поможем.

Я слышала, как закричал Декс, и отвела взгляд от доктора. Декс качал головой, пытался бороться, но копы затолкали его в машину.

— Декс! — завизжала я. Но это было бесполезно. Дверца закрылась перед его лицом, офицеры сели спереди.

Машина завелась и поехала прочь, оставляя меня в пыли.

Я закричала снова и боролась, но тщетно. Я была в ловушке.

— Расслабься, Перри, — сказал доктор. — Ты в моих руках.

Он шагнул ко мне, и я видела только его.

— Теперь ты в безопасности.

В моей голове раздавался крик.

****КОНЕЦ 5-й книги****

Больше книг на сайте - Knigolub.net